

ISSN 2686-7753

КРИМИНАЛИСТЪ

2025 № 1 (50)

Санкт-Петербург
Литейный, 44

КРИМИНАЛИСТЪ

2025 № 1 (50)

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2008 года Санкт-Петербургским юридическим институтом (филиалом)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Учредитель Университет прокуратуры Российской Федерации

Главный редактор А. П. Спиридонов, директор Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет

А. Ю. Захаров, заместитель Генерального прокурора Российской Федерации; Н. Е. Солнышкина, начальник управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе; Т. А. Ашурбеков, доктор юридических наук; Е. Е. Амлеева, кандидат юридических наук, доцент; И. А. Антонов, доктор юридических наук, профессор; Е. В. Болотина, доктор юридических наук; Н. А. Васильчикова, доктор юридических наук, профессор; И. В. Гончаров, доктор юридических наук, профессор; Л. В. Готчина, доктор юридических наук, кандидат социологических наук, профессор; Н. А. Данилова, доктор юридических наук, профессор; А. А. Дорская, доктор юридических наук, профессор; И. Г. Дудко, доктор юридических наук, профессор; Е. В. Емельянова, доктор юридических наук, профессор; Е. Р. Ергашев, доктор юридических наук, профессор; Г. П. Ермолович, доктор юридических наук, профессор; В. Н. Исаенко, доктор юридических наук, профессор; А. С. Карцов, доктор юридических наук; Н. П. Кирилова, доктор юридических наук, профессор; О. Н. Коришунова, доктор юридических наук, профессор; Э. К. Кутуев, доктор юридических наук, профессор; В. В. Лавров, кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доцент; Ю. В. Мишальченко, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор; Н. С. Нижник, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор; М. Ю. Павлик, доктор юридических наук, профессор; А. Н. Попов, доктор юридических наук, профессор; С. М. Прокофьева, доктор юридических наук, профессор; Е. Н. Рахманова, доктор юридических наук; Р. А. Ромашов, доктор юридических наук, профессор; Е. Б. Серова, кандидат юридических наук, доцент; С. А. Смирнова, доктор юридических наук, профессор; Ю. А. Тимошенко, доктор юридических наук; Н. И. Уткин, доктор юридических наук, профессор; О. В. Чельшева, доктор юридических наук, профессор; Ю. Б. Шубников, доктор юридических

наук, профессор; В. С. Шадрин, доктор юридических наук, профессор; В. Ф. Щепельков, доктор юридических наук, профессор; А. А. Эксархонцло, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия

А. П. Спиридонов (главный редактор), доктор юридических наук, профессор; Р. Д. Шарапов (заместитель главного редактора), доктор юридических наук, профессор; М. А. Григорьева (ответственный секретарь), кандидат юридических наук, доцент; О. А. Гуреева, кандидат юридических наук; Е. В. Елагина, кандидат юридических наук, доцент; Д. Ю. Краев, кандидат юридических наук, доцент; Е. Л. Никитин, кандидат юридических наук, доцент; Т. Г. Николаева, доктор юридических наук, профессор; А. А. Сапожков, кандидат юридических наук, доцент; И. Л. Честнов, доктор юридических наук, профессор

Адрес редакции, издательства и типографии:

191014, г. Санкт-Петербург, Литейный просп., 44
E-mail: kriminalist_institut@mail.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76805 от 16.09.2019. Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.4. Распространяется бесплатно.

Подписано в печать 11.03.2025. Печ. л. 22,0. Формат 60x84/8. Тираж 1000 экз. (1-й з-д 1 – 155). Заказ 3/25.

Отпечатано в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации. Дата выхода в свет 08.04.2025.

191014, г. Санкт-Петербург, Литейный просп., 44
E-mail: rio-procuror@yandex.ru

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных материалах несут авторы. Перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, возможны только с письменного разрешения редакции

© Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2025

**УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ
НАУКИ**

Бегоян Л. А. Содержание и признаки оценочных понятий в уголовном законодательстве Российской Федерации.....	3
Безбородов Д. А., Бороздина М. О. Имплантаты как предмет уголовно-правовой охраны.....	9
Быданцев Н. А., Конин В. В. Возвращение уголовного дела прокурору: анализ правовых позиций Пленума Верховного Суда Российской Федерации.....	16
Зимирева Л. А. О влиянии причинной связи на ответственность в уголовном и гражданском праве.....	26
Исаенко В. Н. Этапы становления и развития криминалистической службы в органах прокуратуры.....	34
Калугина У. А. Особенности подготовки прокурора к поддержанию государственного обвинения по делам о преступлениях коррупционной направленности.....	43
Кафиатулина А. В. Конфискация транспортного средства, находящегося в общей собственности, использованного при совершении преступления.....	50
Петрова Т. М. Вопросы квалификации и законодательной регламентации преступлений против особо ценных растений: новое в уголовном законодательстве...	59
Решетников А. Ю. Вопросы квалификации незаконного неоконченного сбыта оружия.....	65
Селиверстова М. А. О проблеме эффективности института освобождения от уголовной ответственности.....	70
Серова Е. Б. Криминалистические аспекты противодействия ятрогенным преступлениям.....	77
Спасов М. А. Особенности выступления государственного обвинителя с вступительным заявлением по уголовным делам об убийствах, рассматриваемым в судах с участием присяжных заседателей.....	86
Тюнин В. И. К вопросу о «длящихся» и «продолжаемых» преступлениях.....	93
Харатишвили А. Г., Михайлова Е. Е. Доказательственное значение результатов	

оперативно-разыскной деятельности в уголовном деле103

Челышева О. В. Криминалистическая методика: становление, современное состояние, перспективы (памяти профессора Игоря Александровича Возгрина).....111

Щепельков В. Ф., Чернышов А. А. Квалификация причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (результаты мониторинга применения ст. 165 УК РФ).....119

**ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ
(ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ**

Безрукавая Н. И. Вопросы участия прокурора в рассмотрении судами дел об административных правонарушениях127

**ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ
(ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ**

Гуреева О. А., Ботенко А. О. Содержание принципа «активная роль суда» в административном судопроизводстве: понятие и проблемы законодательного регулирования.....137

Кузбагаров Э. А., Максимов В. А. Примирение и посредничество как способы разрешения конфликтов (споров): от догосударственных сообществ по настоящее время143

**ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ
НАУКИ**

Черноков А. Э., Слинко А. В. Правосудие и королевская власть: становление правовой системы Англии (VII—XVII вв.)...152

ПЕРСОНАЛИИ В НАУКЕ

Трошина Н. В. Памяти известного ученого, криминалиста, основателя тактики и методики следственного эксперимента П. И. Тарасова-Родионова.....161

**РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ,
МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ СОБРАНИЙ**

Кравченко Р. М. Обзор Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Уголовное право России: состояние и перспективы. Волженкинские чтения»169

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.2/.7

СОДЕРЖАНИЕ И ПРИЗНАКИ ОЦЕНОЧНЫХ ПОНЯТИЙ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Лала Арсеновна БЕГОЯН

*Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
Москва, Россия, Прокуратура Республики Армения, Ереван, Армения,
lalabegoyan1997@gmail.com*

Аннотация. В статье исследуются содержание и основные признаки оценочных понятий в уголовном законодательстве Российской Федерации. Рассматриваются различные научные подходы к их определению, анализируются позиции ведущих исследователей в области уголовного права. Особое внимание уделяется пределам усмотрения правоприменителя при интерпретации оценочных понятий, подчеркивается необходимость их толкования с учетом совокупности объективных обстоятельств дела и нормативных предписаний Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: оценочные понятия, уголовное законодательство, правоприменение, оценочные признаки, толкование норм, усмотрение правоприменителя

Для цитирования: Бегоян Л. А. Содержание и признаки оценочных понятий в уголовном законодательстве Российской Федерации // КриминалистЪ. 2025. № 1 (50). С. 3–8.

Original article

THE CONTENT AND FEATURES OF EVALUATIVE CONCEPTS IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Lala A. BEGOYAN

*Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia, Prosecutor's Office
of the Republic of Armenia, Erevan, Armenia, lalabegoyan1997@gmail.com*

Abstract. The article examines the content and main features of evaluative concepts in the criminal legislation of the Russian Federation. It considers various scholarly approaches to their

© Бегоян Л. А., 2025

definition and analyses the positions of leading researchers in the field of criminal law. Particular attention is paid to the issue of the discretionary limits of law enforcement officials in interpreting evaluative concepts, with an emphasis on the necessity of interpreting such concepts in light of the totality of objective case circumstances and the normative provisions of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: evaluative concepts, criminal legislation, law enforcement, evaluative features, interpretation of norms, discretionary power of law enforcement officials

For citation: Begoyan L. A. The content and features of evaluative concepts in the criminal legislation of the Russian Federation. *Criminalist*. 2025;1(50):3-8. (In Russ.).

В уголовном законодательстве Российской Федерации широкое применение находят оценочные понятия, которые представляют собой правовые категории, требующие индивидуального толкования с учетом конкретных обстоятельств дела и правоприменительной практики. Оценочные понятия в уголовном праве используются для характеристики различных элементов состава преступления, таких как объект, объективная и субъективная сторона, а также обстоятельства, влияющие на квалификацию деяния и назначение наказания.

В доктрине уголовного права отсутствует общепризнанное определение оценочных понятий, что, в свою очередь, вызывает определенные проблемы на практике и порождает множество теоретических дискуссий.

По мнению В. Н. Кудрявцева, оценочные признаки состава преступления есть разновидность переменных признаков, которые характеризуется тем, что их содержание в значительной мере определяется правосознанием юриста, применяющего закон, с учетом требований Уголовного кодекса и обстоятельств конкретного дела. Эти переменные признаки еще более, чем остальные, приближены к изменяющейся обстановке, которую оценивают органы следствия, прокуратура и суд [1, с. 134].

Аналогичную позицию высказали А. В. Наумов и В. В. Питецкий. А. В. Наумов предложил под оценочными понятиями в уголовно-правовых нормах

понимать признаки состава преступления, которые определяются не законом или иным нормативным актом, а правосознанием правоприменителя, исходя из конкретных обстоятельств дела [2]. В. В. Питецкий указывает, что оценочные понятия — это понятия, содержание которых раскрывается только на основе практики правоприменения, в пределах, установленных законом, с учетом конкретных обстоятельств каждого дела [3].

В отличие от указанных подходов, Е. В. Кобзева, чья работа является одним из фундаментальных исследований в данной области, предлагает более структурированное определение оценочных признаков. Она считает, что оценочные признаки представляют собой не конкретизированные в законе уголовно-правовые понятия, которые не описывают предмет в его целостности, а отражают его свойства или отношения. Их содержание устанавливается правоприменителем в зависимости от конкретных обстоятельств уголовного дела [4, с. 11].

Подход Е. В. Кобзевой позволяет рассматривать их не просто как переменные или субъективные категории, а как функциональные правовые конструкции, отражающие отношения и свойства правового объекта, а не его сущность в целом.

Данный подход значительно уточняет природу оценочных признаков, делая акцент не только на их неопределенности, но и на их инструментальной роли в механизме уголовно-правовой квали-

фикации. Концепция автора раздвигает границы традиционного понимания оценочных признаков, переводя их из разряда исключительно субъективных категорий в сферу функционально значимых инструментов правоприменительной деятельности.

Несмотря на наличие вышеуказанных теоретических концепций, необходимо учитывать различия в уровне правосознания правоприменителей и субъективность его проявления, что может приводить к разночтениям и противоречивым трактовкам. Кроме того, в ряде случаев установление содержания оценочных признаков требует специальных знаний, выходящих за рамки традиционного правового анализа.

Несколько иные позиции высказали М. И. Ковалев, Н. А. Лопашенко и Е. В. Ильюк. В частности, М. И. Ковалев отмечает, что оценочными элементами являются так называемые постулаты, позволяющие вводить в них разные суждения в зависимости от позиции интерпретатора [5, с. 72–73]. Н. А. Лопашенко считает, что оценочная категория — это категория, которая не определена в Уголовном кодексе и в принципе допускает разные варианты ее трактовки [6, с. 137]. По мнению Е. В. Ильюк, при отсутствии признаков, составляющих содержание оценочных понятий, они выявляются правоприменителем [7].

Считаем, что суждения, формируемые в процессе толкования оценочных понятий, не могут быть основаны исключительно на субъективной позиции правоприменителя. Они должны вытекать из совокупности объективных обстоятельств дела, соотноситься с общей системой ценностей, закрепленной в Уголовном кодексе Российской Федерации, и соответствовать его основным принципам. В противном случае возрастает риск произвольного толкования, что ставит под угрозу справедливость уголовного правосудия. Таким обра-

зом, подход к оценочным признакам и понятиям должен основываться на балансе между правосознанием правоприменителя и требованиями закона, что позволит обеспечить предсказуемость, единообразие и обоснованность правоприменительной практики.

Е. А. Фролов, в отличие от предыдущих авторов, акцентирует внимание на содержании оценочных понятий. Последние, по его мнению, имеют свойство, позволяющее отделить их от иных понятий. Специфическим признаком всякого оценочного понятия, — отмечает он, — является суждение о количественных и качественных характеристиках данного предмета относительно других предметов. Таким образом, Е. А. Фролов установил своеобразный «водораздел» между оценочными и другими понятиями. Тогда как в любых понятиях заключен ответ на вопрос «что есть предмет?», оценочное понятие, помимо этого, содержит еще и ответ на вопрос «какой есть предмет по сравнению с другими предметами?». В оценочном понятии, по мнению Е. А. Фролова, всегда присутствует сравнение. Он не соглашается с В. Н. Кудрявцевым, полагая, что оценочное понятие не перестает быть таковым в зависимости от того, кто его использовал (следователь, суд или законодатель) [8, с. 42–44].

Важно выделить основные признаки оценочных понятий. К числу таковых, на наш взгляд, необходимо отнести следующие.

1. *Содержание оценочных понятий не раскрывается в уголовном законодательстве.* Оценочные понятия дают общее представление о том или ином признаке состава преступления или иного юридически значимого обстоятельства уголовного дела и не конкретизированы в уголовном законодательстве. По мнению Ю. А. Язовских, оценочные понятия появляются в Уголовном кодексе тогда, когда при принятии нормы зако-

нодатель не может определиться с конкретным содержанием этих признаков и оставляет за правоприменителем право выявить этот неясный признак применительно к конкретному случаю [9, с. 18]. На наш взгляд, данная позиция, по крайней мере, применительно к конструированию состава преступления, не бесспорна, поскольку задача законодателя состоит в том, чтобы максимально четко и точно определить деяние, считающееся преступным, и предусмотреть за него наказание.

В контексте изложенного следует отметить, что не являются оценочными понятия:

содержание которых выявляется специалистами и экспертами (в области медицины, экономики и т. п.) на основе специальных познаний и обязательно для сотрудников правоохранительных органов (например, понятия аффекта, венерического заболевания и т. п.);

раскрывается в соответствующих нормах других отраслей права. По мнению Н. Ф. Кузнецовой, в таких случаях мы имеем дело не с оценочными понятиями, а с бланкетными нормами [10, с. 73];

общеизвестные, общеупотребительные, обывательские (например, телефонные разговоры, профессиональная деятельность, религиозная принадлежность и т. п.).

2. *Оценочные понятия наполняются конкретным содержанием на основе правосознания правоприменителя.* Иными словами, правосознание правоприменителя заменяет правотворческую деятельность. Правосознание — это форма общественного сознания, содержащая взгляды, идеи и чувства людей относительно правовых явлений [11, с. 68]. Содержание оценочных понятий формируется на основе профессионального образования, правовой культуры, профессиональной юридической практики следователя, прокурора и суда, их мировоззренческих установок. Однако значение этих

факторов не следует переоценивать по следующим причинам:

уровень правосознания правоприменителей весьма различен, следовательно, различны и стандарты, на основе которых они раскрывают содержание оценочных понятий. Мы считаем, что наличие разных стандартов в процессе интерпретации оценочных понятий проблематично в контексте уголовно-правовых принципов равенства и справедливости;

для раскрытия содержания некоторых оценочных понятий требуются знания в области не только уголовного права. Например, чтобы определить понятие «стрессовая ситуация», необходимы соответствующие знания в области психологии. И если правоприменитель не обладает достаточными знаниями в соответствующей области, во избежание возможных ошибок ему следует для уточнения содержания оценочных понятий привлекать специалиста или назначать экспертизу.

3. *Объем оценочных понятий не может быть заранее предопределен или ограничен.* Как мы уже говорили, содержание оценочных понятий раскрывается правоприменителем. В то же время извлеченные им признаки во многих случаях могут не полностью раскрыть содержание оценочного понятия. Иными словами, если содержание не оценочных понятий ясно и не позволяет правоприменителю сузить или расширить его, представляя «замкнутую логическую структуру», то содержание оценочных понятий носит открытый и неограниченный характер.

Если в конкретном случае правоприменитель выделяет тот или иной признак, составляющий содержание оценочного понятия, то содержание понятия нельзя считать полностью раскрытым, потому что позже правоохранитель может добавить новые признаки, исходя из конкретных обстоятельств другого случая.

Из рассматриваемой характеристики вытекает еще одна, а именно неопределенность объема оценочных понятий. Содержание и объем оценочных понятий взаимосвязаны, поскольку неопределенность содержания следует из неопределенности объема.

4. *Оценочные понятия лишь иногда свойственны тому или иному явлению.* Другими словами, они выражают не само явление, не его сущность, а ту или иную его характеристику. Поэтому необходимо четко разграничивать понятия уголовного законодательства, которые сами по себе не являются оценочными, но те или иные их особенности выражаются через оценочные понятия. Например, хулиганство само по себе не является оценочным понятием, но такие его характеристики, как «открыто выраженное неуважение к обществу» или «грубое нарушение общественного порядка», носят оценочный характер.

5. *Неопределенность дает правоприменителю большую свободу действий в процессе выявления оценочных понятий.* Важно отметить, что неограниченное усмотрение сопряжено с риском отступления от воли законодателя.

Этот факт порождает в науке различные, вплоть до противоположных, суждения относительно оценочных понятий и роли усмотрения правоприменителя в их установлении. Так, по мнению М. Б. Костровой, в случае применения оценочных понятий создается ситуация, когда усмотрение правоприменителя преобладает над принципом законности, согласно которому преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только уголовным законом [12, с. 41]. Г. Т. Ткешелиадзе, напротив, утверждает, что, когда речь идет об оценочных понятиях преступления, усмотрение суда вовсе исключается. Квалифицируя преступление, суд не стоит перед выбором при раскрытии оценоч-

ных признаков. Похищено ли имущество в крупном или особо крупном размере — это вопрос факта, а не судебного усмотрения. Является ли определенный поступок развратом или не является — это должно быть доказано. Поэтому Г. Т. Ткешелиадзе исключает любую возможность усмотрения в процессе выявления и уточнения оценочных понятий [13, с. 175].

По мнению А. И. Рарога и Ю. В. Грачевой, позиция Г. Т. Ткешелиадзе узка, поскольку процесс выявления оценочных понятий не исключает волю законодателя, а наоборот, направлен на ее правильное понимание, что, в свою очередь, предполагает свободу усмотрения правоприменителя [14, с. 92–93]. На наш взгляд, для исключения возможных отступлений от воли законодателя в процессе раскрытия содержания оценочных понятий необходимо, чтобы усмотрение правоприменителя было ограничено конкретными обстоятельствами дела и принципами уголовного законодательства.

Таким образом, подводя итог исследованию содержания и основных особенностей оценочных понятий, мы приходим к выводу, что содержание оценочных понятий, используемых в нормах уголовного права, в уголовном законодательстве не раскрывается. Признаки, составляющие содержание понятий, дают общее представление, безграничны и раскрываются через правосознание практикующего юриста. Уровень правосознания правоприменителей различен, поэтому и критерии оценки также различны, что может привести к противоречивым трактовкам и квалификациям. Следовательно, усмотрение правоприменителя не может быть неограниченным и иметь преимущество перед принципами законности и справедливости наказания, заложенными в Уголовном кодексе, поэтому в процессе раскрытия содержания

оценочных понятий усмотрение правоприменителя должно ограничиваться конкретными обстоятельствами дела, а также принципами уголовного законодательства. Кроме того, в тех случаях, когда раскрытие содержания оценочных понятий требует специальных знаний в соответствующей области, правоприменителю следует обратиться к специа-

листам в данной области, т. е. привлечь специалиста или назначить экспертизу во избежание возможных ошибок.

В юридической практике важно также четко отграничивать оценочные понятия от бланкетных норм, понятий, требующих для уяснения их содержания специальных знаний в данной области, а также общепризнанных понятий.

Список источников

1. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. Москва : Юрид. лит., 1972. 352 с.
2. Наумов А. В. Применение уголовно-правовых норм (по материалам следственной и прокурорско-судебной практики). Волгоград : Высш. след. шк. МВД СССР, 1973. 176 с.
3. Питецкий В. В. Оценочные понятия в советском уголовном праве : специальность 12.00.08 : дис. ... канд. юрид. наук / Питецкий Валерий Васильевич. Свердловск, 1979. 198 с.
4. Кобзева Е. В. Оценочные признаки в уголовном законе. Саратов : Сарат. гос. акад. права, 2004. 226, [1] с.
5. Ковалев М. И. Оптимальное соотношение формального и оценочного в уголовном законе // Советское государство и право. 1973. № 11. С. 68–74.
6. Лопашенко Н. А. Уголовная политика. Москва : Волтерс Клувер, 2009. 579 с.
7. Ильюк Е. В. Законодательная техника построения диспозиции статьи уголовного закона : специальность 12.00.08 : авторед. дис. ...канд. юрид. наук / Ильюк Елена Вадимовна. Свердловск, 1989. 17 с.
8. Фролов Е. А. Стабильность закона и соотношение формально-определенных и оценочных понятий в уголовном праве // Проблемы советского уголовного права и криминологии : межвуз. сб. науч. тр. / Свердловский юрид. ин-т. Свердловск : СЮИ, 1973. Вып. 28. С. 42–44.
9. Язовских Ю. А. Проблемы вменения в российском уголовном праве : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ...канд. юрид. наук / Язовских Юрий Анатольевич. Екатеринбург, 1998. 23 с.
10. Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений : лекции по спецкурсу «Основы квалификаций преступлений». Москва : Городец, 2007. 332, [1] с.
11. Авагян А. А. Проявление правосознания общества в политических процессах : дис. ... канд. полит. наук. Ереван, 2015.
12. Кострова М. Оценочная лексика в уголовном законе: проблемы теории и практики // Уголовное право. 2001. № 2. С. 19–23.
13. Ткешелиадзе Г. Т. Судебная практика и уголовный закон. Тбилиси : Мецниереба, 1975. 175 с.
14. Рарог А. И., Грачева Ю. В. Понятия, основания, признаки и значение судейского усмотрения в уголовном праве // Государство и право. 2001. С. 90–98.

Информация об авторе

Л. А. Бегоян – аспирант Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), заместитель Генерального секретаря Прокуратуры Республики Армения.

Information about the author

L. A. Begoyan – Postgraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Deputy Secretary General of the Prosecutor's Office of the Republic of Armenia.

Научная статья
УДК 343.2/.7

ИМПЛАНТАТЫ КАК ПРЕДМЕТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Дмитрий Анатольевич БЕЗБОРОДОВ¹, Мария Олеговна БОРОЗДИНА²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ sansbarbe@mail.ru

² borozdina.04@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы уголовно-правовой оценки имплантатов и протезов как предметов уголовно-правовой охраны.

Ключевые слова: имплантаты, протезы, предмет преступления, предмет уголовно-правовой охраны

Для цитирования: Безбородов Д. А., Бороздина М. О. Импланты как предмет уголовно-правовой охраны // КриминалистЪ. 2025. № 1 (50). С. 9 – 15.

Original article

IMPLANTS AS A SUBJECT OF CRIMINAL LAW PROTECTION

Dmitry A. BEZBORODOV¹, Maria O. BOROZDINA²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

¹ sansbarbe@mail.ru

² borozdina.04@bk.ru

Abstract. The article examines the issues of criminal law assessment of implants and prostheses as subjects of criminal law protection.

Keywords: implants, prostheses, object of a crime, subject of criminal law protection

For citation: Bezborodov D. A., Borozdina M. O. Implants as a subject of criminal law protection. Criminalist. 2025;1(50):9-15. (In Russ.).

Протезирование и имплантирование широко используются для лечения и повышения качества жизни человека. Стремительное развитие технологий неизбежно приводит к их внедрению во многих отраслях жизни общества, в том числе и в медицине. Инновационные методы воздействия на организм долж-

ны отвечать законодательным требованиям к охране жизни и здоровья человека, в случае нарушения которых лицо обязано нести ответственность. На деле же Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) не содержит составов преступлений, прямо относящих имплантаты и протезы к предме-

© Безбородов Д. А., Бороздина М. О., 2025

там преступления. За злоупотребления и противозаконное поведение в рамках рассматриваемой темы предусматривается лишь гражданско-правовая ответственность.

Легальное определение протезов и имплантатов на сегодняшний день в российском законодательстве не закреплено. Главным отличием имплантатов и протезов от органов и тканей можно признать их происхождение. Искусственно созданные предметы материального мира являются вещами, в то время как органы и ткани обладают специфическим статусом и таковыми, как правило, не признаются. На практике нередко возникают проблемы с характеристикой имплантатов как частей организма (тела) человека.

Например, согласно показаниям эксперта в судебном заседании, при освидетельствовании потерпевшего выявлено, что у него в результате причинения телесных повреждений поврежден зубной протез, но «так как протезы не относятся к органам человека, их повреждения не указываются в заключении эксперта и не оцениваются с точки зрения судебно-медицинской экспертизы, так как протезы улучшают качество жизни человека и не относятся к анатомическим органам и частям тела человека»¹. Данное утверждение противоречит медицинским критериям определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека², поскольку протез является несъемным.

¹ Приговор Заводоуковского районного суда (Тюменская область) № 1-17/2020 1-320/2019 от 27 января 2020 г. по делу № 1-17/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/iwAnTYyi5pLo/> (дата обращения: 02.11.2024).

² Медицинские критерии определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека : утв. Приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 24 апреля 2008 г. № 194н : текст с изм. и доп. на 18 янв. 2012 г. Примечание 2 п. 48 приложения. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Статус несъемных имплантатов после их вживления в организм можно приравнять к статусу органов или тканей человека как составляющих здоровья при условии, что они выполняют естественные биологические функции и обеспечивают нормальную жизнедеятельность [1, с. 84]. Следовательно, их повреждение или уничтожение будет наносить вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям по охране жизни и здоровья человека. Вне организма (тела) протезы и имплантаты не представляется возможным относить к органам и тканям, поскольку таким образом ущемляются права потребителя вследствие невозможности применения гражданского-правовых норм, регулирующих оборот вещей (товаров).

Согласимся с позицией А. В. Анисимова, который утверждает, что «все медицинские имплантаты подпадают под определение изделий медицинской техники и изделий медицинского назначения, а значит, на них должны распространяться все требования медицинского законодательства» [2]. Действительно, в рассматриваемом смысле протезы и имплантаты отвечают признакам медицинских изделий: «...предназначенные производителем для профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации заболеваний, мониторинга состояния организма человека, проведения медицинских исследований, восстановления, замещения, изменения анатомической структуры или физиологических функций организма»³.

В Решении Коллегии Евразийской экономической комиссии дается определение имплантируемых медицинских изделий: «инвазивные медицинские изделия, в том числе частично или полностью рассасывающиеся в организме,

³ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ : текст с изм. и доп. на 8 авг. 2024 г. П. 1 ст. 38. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

полностью вводимые в тело человека или заменяющие эпителиальную поверхность или поверхность глаза посредством хирургического вмешательства и остающиеся в месте введения после хирургической процедуры, а также медицинские изделия, частично вводимые в тело человека посредством хирургического вмешательства и остающиеся в месте введения после хирургической процедуры более 30 суток»¹.

Оборот имплантируемых медицинских изделий контролируется федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору в сфере охраны здоровья². Недоброкачественные медицинские изделия подлежат уничтожению. На сегодняшний день законодателем однозначно не регламентирован вопрос оборотоспособности медицинских изделий: их приобретение не ограничивается законом, однако деятельность по техническому обслуживанию подлежит лицензированию, если медицинские изделия отнесены ко второму классу потенциального риска³. Иными словами, не все медицин-

ские имплантаты возможно признать ограниченными в обороте вещами.

Отметим, что бывшие в употреблении медицинские изделия не подлежат продаже⁴. Несмотря на потенциальную опасность негативного воздействия на жизнь и здоровье человека, за их продажу установлена только гражданско-правовая ответственность⁵. Интересно, что оказание медицинской услуги по введению имплантатов в организм должно всегда сопровождаться их куплей-продажей. Поэтому норма об ответственности за продажу бывших в употреблении медицинских изделий применима не только по отношению к прямым договорам купли-продажи указанных товаров.

Таким образом, не ограниченные в обороте имплантаты отвечают признакам предмета хищения: являются предметами материального мира (в случае нахождения вне тела человека), обладающими стоимостью и способными находиться в собственности [3, с. 110, 132 – 133, 151].

То есть когда имплантат (протез) противоправно безвозмездно изымается из организма лицом, преследующим корыстные цели, применимы составы, где Уголовным кодексом Российской Федерации предусматривается ответственность за хищение вещей, в их сово-

¹ Об утверждении Правил классификации медицинских изделий в зависимости от потенциального риска применения : Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 декабря 2015 г. № 173 : текст с изм. и доп. на 23 мая 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об основах охраны здоровья граждан ...

³ Об утверждении Положения о лицензировании деятельности по техническому обслуживанию медицинских изделий (за исключением случая, если техническое обслуживание осуществляется для обеспечения собственных нужд юридического лица или индивидуального предпринимателя, а также случая технического обслуживания медицинских изделий с низкой степенью потенциального риска их применения), внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 15 сентября 2020 г. № 1445 и признании утратившими силу отдельных актов Правительства Российской Федерации : Постановление Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2021 г. № 1219 : текст с изм. и доп. на 25 дек. 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации : Постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. № 2463 : текст с изм. и доп. на 17 мая 2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ О защите прав потребителей : Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 : текст с изм. и доп. на 8 авг. 2024 г. П. 1 ст. 18. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

купности с теми, которые устанавливают ответственность за причинение вреда здоровью человека. Такая квалификация возможна при условии обхода запрета на продажу бывших в употреблении медицинских изделий, т. е. при их реализации в корыстных целях через иные сделки или самостоятельном использовании.

Изъятие имплантата (протеза) из тела умершего не представляется возможным квалифицировать по признакам хищения, поскольку право собственности на данную вещь, по общему правилу, утрачивается. Подобные преступления охватываются только ст. 244 УК РФ, в рамках ответственности за надругательство над телами умерших. Сложнее оценить такие действия в случае вхождения протеза в наследственную массу. Если лица не вступили в наследство, то права собственности на вещь нет, следовательно, хищение невозможно. В иной ситуации, при законном переходе права собственности на имплантаты наследникам, признаки хищения образуются. Если же имплантат несъемный, то после смерти лица вещью он не признается, а остается частью тела и не может являться составляющим наследственной массы в принципе.

Более неясным кажется положение тех протезов и имплантатов, которые не подпадают под критерии медицинских изделий, а именно не отвечают медицинским целям. Это относится, в частности, к эстетическим имплантатам или к модификациям организма, которые призваны повышать уровень человеческих возможностей.

Вне организма человека они представляют собой свободно обращаемые вещи (товары), оборот которых не подлежит обязательному контролю со стороны государства. Интересно, что фактически применительно к ним отсутствует запрет на продажу бывших в употреблении вещей (они не могут

быть признаны медицинскими изделиями, лекарственными препаратами или предметами личной гигиены).

Такого рода компоненты, являясь частью организма, не выполняют естественных биологических функций и не поддерживают каким-либо образом жизнедеятельность человека.

Например, в ситуации, когда судебно-медицинской экспертизой было констатировано «повреждение левого имплантата груди с участками экстракапсулярного разрыва с сопутствующими осложнениями», для вынесения судебного решения по делу вред здоровью не устанавливался. Виновное лицо понесло гражданско-правовую ответственность за нарушение ст. 10 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 (ред. от 8 августа 2024 г.) «О защите прав потребителей», поскольку дало пожизненную гарантию на имплантат, который для пожизненного использования не предназначен¹.

Иными словами, суд приравнял поврежденный имплантат к вещи (товару), предоставляемой при оказании медицинской услуги, несмотря на его вживление в организм человека и возможный вред здоровью.

С другой стороны, правоприменитель признает такие имплантаты частью человеческого организма. Так, рассмотрев материалы гражданского дела по иску о разделе совместно нажитого имущества, суд указал, что «результат пластических операций не относится к имуществу, перечисленному в ст. 34 СК РФ, ст. 128 ГК РФ, не является самостоятельным объектом гражданских

¹ Решение Центрального районного суда г. Омска (Омская область) № 2-132/2023 2-132/2023(2-4487/2022); ~М-4161/2022 2-4487/2022 М-4161/2022 от 22 сентября 2023 г. по делу № 2-132/2023 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/GjGv3YSTu3rV/> (дата обращения: 02.11.2024).

прав и не может быть предметом раздела между супругами»¹.

То есть, находясь в организме человека, имплантат становится его неотъемлемой частью и утрачивает свойства вещи.

Также имплантаты и протезы представляется возможным классифицировать по аналогии с приведенным ранее положением Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденных Приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 24 апреля 2008 года № 194н, на съемные и несъемные. В случае возможности отделения от организма (тела) человека без специального медицинского вмешательства имплантат не следует считать частью этого организма (тела), он остается вещью. И после отделения такой имплантат может не утратить свою оборотоспособность.

Правоприменитель при разграничении имплантата (протеза) как вещи и как части организма, как правило, не учитывает возможность причинения вреда здоровью при его отделении. Однако если при изъятии из организма имплантата происходит «расстройство функций органов и систем организма», нарушается его анатомическая целостность, то фактически причиняется вред здоровью человека. Например, уничтожение протеза ноги неизбежно приводит к утрате человеком опорно-двигательной функции конечности. Не учитывается и существенное понижение «социального благополучия» как составляющей части здоровья².

¹ Решение Ингодинского районного суда г. Читы (Забайкальский край) № 2-1867/2023 2-46/2024 от 14 февраля 2024 г. по делу № 2-1867/2023 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/THgCsWL6Gelu/> (дата обращения: 02.11.2024).

² Статья 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»

На практике в подобных случаях вред здоровью не определяется. Например, суд не оценивал вред здоровью, причиненный в аварии поломкой протеза ноги потерпевшего, вследствие чего тот не мог двигаться без костылей и работать³.

В подтверждение непризнания съемных протезов частью организма можно привести возможность их использования в качестве оружия. Так, органами предварительного расследования протез ноги рассматривался как предмет, используемый в качестве оружия при умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, однако суд указал, что «протез виновным в качестве такого не использовался», поэтому данное обстоятельство не будет учтено при квалификации деяния⁴. Согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации, «под применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, следует понимать умышленные действия, направленные на использование лицом указанных предметов как для физического, так и для психического воздействия на потерпевшего, а также иные действия, свидетельствующие о намерении применить насилие посредством этого оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Под предметами, используемыми в качестве оружия, понимаются любые материальные объекты, которыми, ис-

определяет здоровье как состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма.

³ Постановление Северобайкальского городского суда (Республика Бурятия) № 5-343/2021 от 29 марта 2021 г. по делу № 5-330/2021 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/042GMHuWiP5f/> (дата обращения: 02.11.2024).

⁴ Приговор Ленинского районного суда г. Красноярска (Красноярский край) № 1-400/2021 от 23 июня 2021 г. по делу № 1-485/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mCPJzpwltcLq/> (дата обращения: 02.11.2024).

ходя из их свойств, можно причинить вред здоровью человека»¹. То есть если умыслом виновного охватывается применение насилия посредством использования протеза в качестве оружия и таким протезом действительно можно причинить вред здоровью, то он может быть признан предметом, используемым в качестве оружия.

Отдельные вопросы возникают при оценке добровольного причинения вреда здоровью путем протезирования и имплантирования. По общему правилу, возможно исключение уголовной ответственности при причинении вреда здоровью средней тяжести и тяжкого, если он обусловлен крайней необходимостью (ст. 39 УК РФ) или обоснованным риском (ст. 41 УК РФ), в остальных случаях согласие потерпевшего может признаваться обстоятельством, смягчающим наказание (ч. 2 ст. 61 УК РФ).

Безусловно, не образует состав преступления, например, добровольная установка внутриматочной спирали (подкожного имплантата), хотя это и приводит к утрате репродуктивной функции и способности к деторождению, что само по себе является признаком тяжкого вреда здоровью², и не может признаваться крайней необходимостью или обоснованным риском. Удаление внутриматочной спирали, реализуемое через специальное медицинское вмешательство, влечет возобновление репродуктивной функции, чем, по нашему

мнению, обуславливается отсутствие общественной опасности.

В то же время суд приговорил к 37 месяцам лишения свободы жителя Забайкалья, который топором отрубил пальцы своему знакомому, который сам «ради шутки» об этом попросил³. Иными словами, одно лишь согласие или намерение потерпевшего причинить вред своему здоровью не может исключать уголовную ответственность, даже при условии возможности полного восстановления до первоначального состояния.

Изменение лица путем имплантирования или установления пирсинга также не образует состава преступления, хотя может формировать признаки неизгладимого обезображивания лица, что признается тяжким вредом здоровью⁴. На наш взгляд, в данном случае необходимо предусмотреть в качестве обязательного признака состава преступления отсутствие воли «обезображенного» на такие внешние изменения, в случае же добровольного согласия лица их можно расценивать как эстетическую модификацию организма, что исключает общественную опасность.

Итак, уголовно-правовой статус имплантатов следует дифференцировать. Они могут обладать как признаками вещей в их гражданско-правовом понима-

¹ О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45. Пп. 2, 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об определении степени тяжести повреждения здоровья при несчастных случаях на производстве : Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 160. П. 4 Приложения. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Забайкалец отрубил пальцы приятелю по его же «просьбе» // Забайкальский рабочий : сайт. URL: <https://zabrab75.ru/news/proisshestviya/zabajkalecz-otrubil-palczy-priyatelyu-po-ego-zhe-prosbe/> (дата обращения: 02.11.2024).

⁴ Медицинские критерии определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека : Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 24 апреля 2008 г. № 194н : текст с изм. и доп. на 18 янв. 2012 г. П. 6.10. «Под неизгладимыми изменениями следует понимать такие повреждения лица, которые с течением времени не исчезают самостоятельно (без хирургического устранения рубцов, деформаций, нарушений мимики и прочее, либо под влиянием нехирургических методов) и для их устранения требуется оперативное вмешательство (например, косметическая операция)».

нии, так и свойствами органов и тканей как частей организма (тела) человека.

Необходимо различать медицинские и немедицинские искусственно созданные компоненты тела человека с учетом возможности их безопасного отделения от организма.

Только повреждение или уничтожение несъемных медицинских имплантатов на практике приравнивается к причинению вреда здоровью. В отношении остальных возможна лишь гражданско-правовая ответственность, что, по нашему представлению, не всегда справедливо. Повреждение немедицинских

имплантатов независимо от возможности их отделения, с позиции правоприменителя, вред здоровью, за который предусмотрена уголовная ответственность, не причиняет. Уничтожение или поломка съемных протезов рассматривается как посягательство на имущество, а не на жизнь и здоровье человека.

Добровольное введение в свой организм разнообразных имплантатов с использованием услуг медицинских работников, несмотря на принципы определения вреда здоровью, не образует составы преступлений, хотя может формально ими охватываться.

Список источников

1. Кочои С. М., Гребенкина И. А. Биоматериалы, органы и ткани человека как предмет преступления // Всероссийский криминологический журнал. 2021. № 1. С. 82 – 90.
2. Анисимов А. В. Гражданско-правовой статус киберфизических систем до и после имплантации в тело человека // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2021. № 11 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovoy-status-kiberfizicheskikh-sistem-do-i-posle-implantatsii-v-telo-cheloveka> (дата обращения: 02.11.2024).
3. Бойцов А. И. Преступления против собственности. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2002. 773 с. (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса).

Информация об авторах

Д. А. Безбородов – профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

М. О. Бороздина – студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the authors

D. A. Bezborodov – Professor at the Department of criminal law, criminology and penal executive law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor;

M. O. Borozdina – Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.1

ВОЗВРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ: АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Николай Алексеевич БЫДАНЦЕВ¹, Владимир Владимирович КОНИН²

¹ Кемеровский областной суд, Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия, *bydancevs@yandex.ru*

² Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Россия, *vkonin.kld@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2024 года № 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору», позволяющее снять ряд формальных ограничений на рассмотрение уголовных дел судами в случае, если допущенные на стадии предварительного расследования нарушения носят формальный характер и не влияют на сущность предъявленного обвинения.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовное дело, прокурор, доступ к правосудию, существенные нарушения, возвращение уголовного дела прокурору

Для цитирования: Быданцев Н. А., Конин В. В. Возвращение уголовного дела прокурору: анализ правовых позиций Пленума Верховного Суда Российской Федерации // КриминалистЪ. 2025. № 1 (50). С. 16 – 25.

Original article

**RETURNING OF A CRIMINAL CASE TO THE PROSECUTOR:
AN ANALYSIS OF THE LEGAL POSITIONS OF THE PLENUM
OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Nikolay A. BYDANTSEV¹, Vladimir V. KONIN²

¹ Kemerovo Regional Court, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, *bydancevs@yandex.ru*

² The North-Western branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russia, *vkonin.kld@yandex.ru*

Abstract. This article examines Resolution No. 39 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 17, 2024, «On the practice of application by courts of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation governing the grounds and procedure for returning a criminal case to the prosecutor». The Resolution aims to remove certain formal restrictions on courts' consideration of criminal cases when violations committed during the preliminary investigation stage are of a formal nature and do not affect the substance of the charges brought.

Keywords: criminal proceedings, criminal case, prosecutor, access to justice, significant violations, returning a criminal case to the prosecutor

© Быданцев Н. А., Конин В. В., 2025

For citation: Bydantsev N. A., Konin V. V. Returning of a criminal case to the prosecutor: an analysis of the legal positions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. *Criminalist*. 2025;1(50):16-25. (In Russ.).

Современный российский уголовный процесс достаточно сильно формализован и по своей сути превращен в инструкцию для следователя и суда. Нарушение многочисленных формальных требований, никак не влияющее на суть сформированного следователем обвинительного тезиса и собранную доказательственную базу, очень часто влечет негативные последствия в виде необоснованного затягивания рассмотрения уголовного дела судом по существу, вынуждая суд возвращать уголовное дело прокурору для устранения допущенных нарушений.

Институт возвращения уголовного дела прокурору, фактически упраздненный в момент вступления в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 года (далее — УПК РФ), но затем восстановленный, неоднократно выступал в качестве предмета научных исследований и дискуссий, становился предметом рассмотрения Конституционным Судом Российской Федерации в рамках конституционного надзора, не единожды вопросы его применения затрагивались в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а также обзорах судебной практики высшей судебной инстанции. Однако за все время действия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации впервые Пленум Верховного Суда Российской Федерации посвятил возвращению уголовного дела прокурору самостоятельное постановление — от 17 декабря 2024 года № 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок воз-

вращения уголовного дела прокурору» (далее — Постановление от 17 декабря 2024 года № 39)¹.

Анализ данного Постановления позволяет предположить, что это первый шаг, предпринятый Верховным Судом Российской Федерации на пути деформализации уголовного судопроизводства, снятия необоснованных ограничений, с тем чтобы соблюсти принцип разумного срока уголовного судопроизводства и тем самым приблизить уголовный процесс к решению задачи по ускорению доступа к правосудию как для потерпевшего, так и для лица, в отношении которого выдвинут обвинительный тезис.

Исходя из содержания п. 1 Постановления от 17 декабря 2024 года № 39, решение суда о возвращении уголовного дела прокурору представляется экстраординарным, поскольку его принятие возможно только с целью устранения таких препятствий рассмотрения уголовного дела судом, которые исключают возможность постановления законного, обоснованного и справедливого приговора или иного итогового судебного решения по делу и не могут быть устранены в судебном разбирательстве.

При этом Верховный Суд Российской Федерации подчеркивает, что возвращение уголовного дела прокурору затрагивает право на доступ к правосудию и его осуществление без неоправданной задержки, в связи с чем решение об этом принимается судом лишь при наличии

¹ О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2024 г. № 39. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

оснований, предусмотренных ст. 237 УПК РФ. Применение анализируемого института возможно на любом этапе судопроизводства: по результатам предварительного слушания, при рассмотрении дела судами первой и вышестоящих инстанций.

В Постановлении от 17 декабря 2024 года № 39 (п. 2) разъясняется, что под допущенными при составлении обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления (все эти процессуальные документы в Постановлении предлагается именовать «обвинительный документ») нарушениями требований уголовно-процессуального закона в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ следует понимать такие нарушения изложенных в ст. 220, 225, чч. 1, 2 ст. 226.7, а также других взаимосвязанных с ними нормах УПК РФ положений, которые исключают возможность принятия судом решения по существу дела на основе данного обвинительного документа.

Отметим, что впервые указывается не только на конкретные нормативные положения, закрепленные в обозначенных статьях, но и на «другие взаимосвязанные с ними нормы УПК РФ», что фактически расширяет возможность применения института возвращения уголовного дела прокурору.

В Постановлении приведены конкретные примеры, когда исключается возможность вынесения приговора или иного итогового судебного решения, что облегчает судам принятие подобных решений:

обвинительный документ не подписан следователем (дознавателем), обвинительное заключение не утверждено прокурором либо уголовное дело направлено с обвинительным заключением прокурору без согласия руководителя следственного органа, обвинительный акт или обвинительное постановление не утверждены начальником органа дознания или прокурором;

обвинение, изложенное в обвинительном заключении или обвинительном акте (если подозреваемому предъявлено обвинение в соответствии с ч. 3 ст. 224 УПК РФ), существенно отличается от обвинения, содержащегося в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого;

в обвинительном документе по делу о преступлении, предусмотренном статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), диспозиция которой является бланкетной и применяется во взаимосвязи с иными нормативными правовыми актами, отсутствует указание на то, какие именно нормы соответствующего правового акта (пункт, часть, статья) нарушены и в чем выразилось несоблюдение содержащихся в них требований;

предварительное расследование осуществлено ненадлежащим (неуполномоченным) или подлежавшим отводу лицом;

по уголовному делу, по которому предварительное следствие является обязательным, предварительное расследование произведено в форме дознания;

по уголовному делу в отношении лица, указанного в ч. 1 ст. 447 УПК РФ, нарушен порядок возбуждения уголовного дела или привлечения в качестве обвиняемого, предусмотренный ст. 448 УПК РФ;

уголовное дело в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, в нарушение положений п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ в их взаимосвязи с положениями ч. 1 ст. 317.4 УПК РФ не выделено в отдельное производство, и дело поступило в суд в отношении всех обвиняемых.

Кроме того, Постановление от 17 декабря 2024 года № 39 содержит указание на случаи, когда возвращения уголовного дела прокурору не требуется. Так, согласно п. 8 Постановления, если допущенное органами предварительного

расследования нарушение требований уголовно-процессуального закона может быть устранено в судебном заседании, когда это не влечет изменения обвинения на более тяжкое либо существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам, не ухудшает положения обвиняемого и не нарушает его права на защиту, то отсутствуют основания для возвращения уголовного дела прокурору. Этот же пункт закрепляет, что не имеется препятствий для рассмотрения дела, в частности, в случаях, когда:

в обвинительном документе отсутствуют указание на прошлые неснятые и непогашенные судимости обвиняемого, данные о месте нахождения обвиняемого, данные о потерпевшем, если он был установлен по делу, но соответствующие сведения имеются в материалах уголовного дела либо дополнительно представлены государственным обвинителем;

в обвинительном документе и предъявленном обвинении отсутствует указание на обстоятельства, не являющиеся с учетом характера и фактических обстоятельств совершенного преступления существенными для разрешения уголовного дела (например, по обвинению в склонении к потреблению наркотических средств по ст. 230 УК РФ — размер наркотического средства; по обвинению в превышении должностных полномочий по ст. 286 УК РФ — мотив преступления);

в обвинительном документе допущены явные технические ошибки (опечатки), исправление которых не влияет на существо предъявленного обвинения, не нарушает пределов судебного разбирательства и права обвиняемого на защиту;

в справке к обвинительному документу и материалах уголовного дела отсутствуют сведения об имеющихся по делу процессуальных издержках;

в материалах дела отсутствуют необходимые для установления личности

подсудимого документы, но такие документы представлены в судебном заседании;

в досудебном соглашении о сотрудничестве отсутствует указание на все преступления, в которых обвиняется подсудимый, при условии согласия последнего с обвинением в полном объеме.

Обратим особое внимание на то, что Постановление от 17 декабря 2024 года № 39 предусматривает достаточно интересный нюанс: если в Постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2004 года № 1¹ и от 22 декабря 2009 года № 28² в качестве основания для возвращения уголовного дела прокурору указана ситуация, когда обвинение, изложенное в обвинительном заключении или обвинительном акте, не соответствует обвинению, изложенному в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого, то в настоящее время обвинение, сформулированное в обвинительном документе, должно существенно отличаться от обвинения, содержащегося в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого, и только в этом случае уголовное дело может быть возвращено прокурору. То есть не требуется абсолютного (калькированного) сходства данных процессуальных документов.

В соответствии с положениями Постановления от 17 декабря 2024 года № 39 отсутствие в обвинительном документе по делу о преступлении, пре-

¹ О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2004 г. № 1 : текст с изм. и доп. на 17 дек. 2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О применении судами норм Уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2009 г. № 28 : текст с изм. и доп. на 15 мая 2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

дусмотренной статьей Особенной части УК РФ, диспозиция которой является бланкетной и применяется во взаимосвязи с иными нормативными правовыми актами, указания на то, какие именно нормы соответствующего правового акта (пункт, часть, статья) нарушены и в чем выразилось несоблюдение содержащихся в них требований, является основанием для возвращения уголовного дела прокурору.

Вместе с тем обратим внимание на то, что в Постановлении от 17 декабря 2024 года № 39 нет упоминания о возможности восполнения недостающих сведений. Думается, это неслучайно, поскольку, с учетом совокупных требований ст. 15 и 252 УПК РФ, суд не должен самостоятельно формировать фабулу обвинения, при том что судебное разбирательство проводится лишь по предъявленному обвинению. Тем самым именно сторона обвинения должна представить суду окончательное обвинение, по которому и будет осуществляться судебное разбирательство. Самостоятельное же «восполнение» судом указанных недостатков фактически превращает его в орган уголовного преследования.

Постановление от 17 декабря 2024 года № 39 и постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 года № 42 «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам» (п. 8)¹ содержат тождественные положения, согласно которым отсутствие в справке к обвинительному документу и материалах уголовного дела сведений об имеющихся по делу процессуальных издержках не препятствует рассмотрению уголовного дела и не может являться основанием

¹ О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 42 : текст с изм. и доп. на 15 дек. 2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

для возвращения его прокурору. Отсутствие таких сведений восполнимо, поскольку суд их может истребовать самостоятельно.

Сохранен в Постановлении от 17 декабря 2024 года № 39 (п. 2) и ранее предложенный постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 года № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» (п. 5)² подход, согласно которому должно быть возвращено прокурору уголовное дело в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, если в нарушение положений п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ в их взаимосвязи с положениями ч. 1 ст. 317.4 УПК РФ уголовное дело в отношении этого лица не было выделено в отдельное производство и уголовное дело поступило в суд для рассмотрения по существу в отношении всех обвиняемых.

Заслуживают особого внимания положения, закрепленные в п. 3 Постановления от 17 декабря 2024 года № 39. Ранее Верховный Суд Российской Федерации такую позицию не высказывал. Так, уголовное дело должно быть возвращено прокурору, если в материалах отсутствует заключение эксперта и нет указания на него в обвинительном документе:

когда в соответствии с требованиями ст. 196 УПК РФ производство судебной экспертизы в ходе предварительного расследования обязательно;

в других случаях, когда обвинительный документ не содержит ссылки на заключение эксперта, наличие которого исходя из существа обвинения является

² О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 16 : текст с изм. и доп. на 29 июня 2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

обязательным для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу (ст. 73 УПК РФ), с учетом того, что данные обстоятельства не могут быть установлены с помощью иных видов доказательств, а для производства такой экспертизы необходимо проведение значительных по объему исследований, которые не могут быть выполнены в ходе судебного разбирательства без отложения рассмотрения дела на длительный срок, противоречащий интересам правосудия (например, судебно-бухгалтерской или экономической экспертизы для установления размера ущерба по делу о преступлении в сфере экономической деятельности).

Такие нарушения, допущенные при составлении обвинительного документа, признаются существенными и исключающими возможность принятия судом на его основе решения по существу дела.

Так, в силу чч. 3 и 4 ст. 421 УПК РФ при производстве предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу о преступлении средней тяжести или тяжком преступлении, совершенных несовершеннолетним, за исключением преступлений, указанных в ч. 5 ст. 92 УК РФ, устанавливается также наличие или отсутствие у несовершеннолетнего заболевания, препятствующего его содержанию и обучению в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа, для рассмотрения судом вопроса о возможности освобождения несовершеннолетнего от наказания и направлении его в указанное учреждение в соответствии с ч. 2 ст. 92 УК РФ; медицинское освидетельствование несовершеннолетнего проводится в ходе предварительного расследования на основании постановления следователя или дознавателя в порядке, установленном Правительством Российской Федерации; заключение о результатах медицинского

освидетельствования несовершеннолетнего представляется в суд с материалами уголовного дела.

Таким образом, отсутствие в материалах уголовного дела такого заключения исключает возможность принятия судом решения по существу дела. Назначение же судом несовершеннолетнему медицинского освидетельствования приведет к длительному отложению рассмотрения дела, что, безусловно, противоречит интересам правосудия, которое должно осуществляться в разумный срок (ст. 6.1 УПК РФ).

Ранее же судебная практика шла по тому пути, что суд самостоятельно назначал проведение «недостающих» экспертиз и откладывал рассмотрение дела, по сути, на неопределенный и порой весьма длительный срок, при этом регулярно контролируя ход производства экспертизы, «поторапливая» экспертное учреждение (эксперта).

Также отметим, что согласно положениям п. 3 Постановления от 17 декабря 2024 года № 39 на суд, в который поступило уголовное дело для рассмотрения по существу, возлагается обязанность более тщательно подходить к вопросу назначения уголовного дела к рассмотрению. Фактически именно на этом этапе судебной деятельности необходимо установить, все ли требуемые экспертизы проведены по уголовному делу в ходе досудебного производства, чтобы, не затягивая сроки, назначить предварительное слушание с целью разрешения вопроса о возвращении уголовного дела.

Одновременно с этим в Постановлении от 17 декабря 2024 года № 39 (п. 5) впервые закреплены гарантии обязательного прекращения или приостановления уголовного преследования в отношении подозреваемого, обвиняемого на стадии предварительного расследования при наличии соответствующих оснований и разъяснено, что не

допускается в этом случае составление следователем обвинительного заключения, а дознавателем обвинительного акта. Тем самым Верховный Суд Российской Федерации предпринял попытку поставить заслон перед пагубной, недопустимой практикой, когда органы предварительного расследования, руководствуясь своими ведомственными интересами, в гонке за показателями игнорируют требования уголовно-процессуального закона о прекращении уголовного преследования (дела) и направляют дело в суд, не без оснований полагая, что там оно будет прекращено производством.

Исходя из требований п. 6 Постановления от 17 декабря 2024 года № 39, в порядке п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ подлежит возвращению прокурору уголовное дело о преступлении с административной преюдицией, если будет установлено, что лицо, считающееся подвергнутым административному наказанию и допустившее в течение года после применения к нему мер административного взыскания повторное правонарушение, было привлечено к административной ответственности, поскольку вступившее в законную силу и неотмененное решение о привлечении к административной ответственности лица за совершение тех же действий, которые указаны в обвинении, является препятствием для постановления приговора. Ранее суды допускали, чтобы такое обстоятельство было устранено к моменту вынесения итогового судебного акта. При этом нередко судом откладывалось рассмотрение уголовного дела до момента, пока решение о привлечении к административной ответственности не будет отменено.

Сохраняется в Постановлении от 17 декабря 2024 года № 39 (п. 11) ранее предложенный Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в Постановлениях от 5 марта 2004 года № 1

и от 22 декабря 2009 года № 28 (п. 15 каждого из них) подход, согласно которому при разрешении вопроса о возвращении уголовного дела прокурору по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, судам следует иметь в виду, что если обвиняемый отказался от получения копии обвинительного документа либо не явился по вызову или иным способом уклонился от ее получения и дело поступило в суд с указанием прокурором причин, по которым копия обвинительного документа не была вручена обвиняемому (ч. 4 ст. 222, ч. 3 ст. 226 и ч. 3 ст. 226.8 УПК РФ), то судья по поступившему уголовному делу принимает одно из решений, указанных в пп. 1–3 ч. 1 ст. 227 УПК РФ. При назначении по такому делу судебного заседания суд проводит его подготовительную часть с соблюдением правил, предусмотренных гл. 36 УПК РФ, за исключением изложенных в ч. 2 ст. 265 УПК РФ положений, устанавливающих, что судебное разбирательство может быть начато не ранее 7 суток со дня вручения обвиняемому копии обвинительного заключения (обвинительного акта).

В силу п. 12 Постановления от 17 декабря 2024 года № 39, если по поступившему уголовному делу будет выяснено, что при ознакомлении обвиняемого с материалами дела ему не были разъяснены права, предусмотренные ч. 5 ст. 217 УПК РФ, судья принимает решение о назначении предварительного слушания для решения вопроса о возвращении уголовного дела прокурору в соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 237 УПК РФ. Если в ходе предварительного слушания имеется возможность восстановить права обвиняемого, судья назначает судебное заседание с учетом заявленного обвиняемым ходатайства о составе суда и форме судопроизводства. При невозможности устранить допущенные в ходе предварительного расследования нарушения

уголовно-процессуального закона дело подлежит возвращению прокурору.

Таким образом, Верховный Суд Российской Федерации дополнительно акцентирует внимание на разъяснении органом, осуществляющим предварительное расследование, обвиняемому предоставленных ему процессуальных прав (ч. 5 ст. 217 УПК РФ), от реализации которых зависит состав суда, форма и порядок судопроизводства.

В пункте 13 Постановления от 17 декабря 2024 года № 39 отдельное внимание уделяется вопросу возвращения уголовного дела прокурору по основанию, предусмотренному п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ. Решение о возвращении уголовного дела прокурору для квалификации действий обвиняемого (лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера) как более тяжкого преступления (общественно опасного деяния) судья (суд) принимает в случаях, если:

фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном документе, а также в постановлении о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера, свидетельствуют о наличии оснований для квалификации действий обвиняемого, лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, как более тяжкого преступления, общественно опасного деяния (например, если инкриминируемое обвиняемому деяние влечет ответственность по другой статье Особенной части УК РФ, предусматривающей более строгое наказание, или в обвинении не указан квалифицирующий признак преступления, установленный в обвинительном документе или постановлении о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера);

в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства установлены фактические обстоятельства, не отраженные в обвинительном документе (в постановлении о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера), указывающие на наличие оснований для квалификации действий как более тяжкого преступления, общественно опасного деяния (например, в ходе судебного заседания получены данные о совершении обвиняемым преступления в составе группы лиц).

До принятия Постановления от 17 декабря 2024 года № 39 (п. 16) в судебной практике неоднозначно решался вопрос о том, в каком порядке (с удалением в совещательную комнату или без такового) должно быть принято постановление об отказе в возвращении уголовного дела прокурору. Исходя из положений ст. 256 УПК РФ отсутствует требование о вынесении такого постановления исключительно в совещательной комнате. В то же время чаще всего оно принималось именно там. Подобный подход основывался на том, что принятие его в зале суда означало, что судья изначально полагал отказать в удовлетворении ходатайства о возвращении уголовного дела прокурору, что «провоцировало подозрение» в предвзятости судьи и заинтересованности в исходе уголовного дела. Пленум разъяснил, что вынесение постановления (определения) о возвращении уголовного дела прокурору не предусматривает обязательного удаления суда в совещательную комнату.

Рассматривая вопрос, касающийся мер пресечения, необходимо отметить, что в Постановлении от 17 декабря 2024 года № 39 этому вопросу уделяется существенное внимание и предлагается совершенно иное решение относительно срока избираемой (продлеваемой) меры пресечения. Так, согласно п. 17 Поста-

новления, если судья (суд) при наличии к тому оснований избирает обвиняемому меру пресечения в виде запрета определенных действий, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, залога, домашнего ареста или заключения под стражу либо продлевает действие данной меры пресечения, то в резолютивной части судебного решения указывается конкретный разумный срок, на который избирается (продлевается) мера пресечения, а также дата его окончания. Такой срок определяется исходя из обстоятельств, послуживших основанием для принятия решения о возвращении дела прокурору, объема и содержания допущенных нарушений закона, его достаточности для производства следственных и иных процессуальных действий, необходимых для устранения препятствий к судебному рассмотрению дела, в том числе обеспечения права участников на дополнительное ознакомление с материалами дела, и с учетом сроков, предусмотренных ст. 109 УПК РФ, но исчисляется без применения правил, установленных этой статьей, в том числе ее частями 4 и 5.

Таким образом, срок, на который избирается (продлевается) мера пресечения, не зависит от сроков, регламентируемых ст. 109 УПК РФ, что снимает ранее возникавшие вопросы. Суд определяет продолжительность избираемого (продлеваемого) срока меры пресечения, исходя из вышеуказанных критериев, так, чтобы такой срок был разумным: достаточным и необходимым.

Ранее в теории и практике уголовно-процессуальной деятельности возникал вопрос, могут ли органы предварительного расследования после возвращения уголовного дела прокурору предъявить лицу новое обвинение в совершении более тяжкого преступления, несмотря на указанное в по-

становлении основание для его возвращения прокурору. Постановлением от 17 декабря 2024 года № 39 поставлена точка в этом вопросе: по результатам проведения следственных или иных процессуальных действий, направленных на устранение препятствий рассмотрения дела судом, с учетом положений п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ не исключается предъявление лицу нового обвинения в совершении более тяжкого преступления и в случаях, когда дело было возвращено прокурору судом первой инстанции по иным основаниям, предусмотренным ст. 237 УПК РФ (п. 18 Постановления от 17 декабря 2024 года № 39).

Важным является внесение в Постановление от 17 декабря 2024 года № 39 положения, закрепленного в п. 20, о том, что уголовное дело, вновь поступившее в суд после его возвращения прокурору, может быть рассмотрено судьей, принявшим решение о возвращении (при отсутствии обстоятельств, предусмотренных ст. 61 УПК РФ). К тому же рассмотрение уголовного дела этим судом предполагается с того момента, с которого дело было возвращено прокурору. Такой подход значительно экономит время рассмотрения уголовного дела, поскольку исключает не только «повторность» уже произведенных судебных действий, но и возможное (что нередко случалось в судебной практике) принятие вышестоящим судом решения об изменении подсудности уголовного дела, когда (например, в малосоставных судах) отсутствовали судьи, которые могли бы его рассмотреть.

В соответствии с п. 22 Постановления от 17 декабря 2024 года № 39 в связи с его принятием признаны утратившими силу пп. 14 и 15 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2004 года № 1. Однако, как

было показано, вопросы, урегулированные анализируемым Постановлением, затронуты и в других постановлениях Пленума, тем самым, думается, при их разрешении необходимо учитывать именно положения Постановления от 17 декабря 2024 года № 39 как более позднего и предметного.

Безусловно, предложенный анализ положений Постановления Пленума

Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2024 года № 39 не претендует на то, чтобы считать его всесторонним. Но, полагаем, он может послужить отправной точкой для последующего, более глубоко, изучения этого, вне всякого сомнения, важного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Информация об авторах

Н. А. Быданцев — судья Кемеровского областного суда, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Кемеровского государственного университета, кандидат юридических наук;

В. В. Конин — доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

N. A. Bydantsev — Judge of the Kemerovo Regional Court, Associate Professor at the Department of criminal procedure and criminalistics, Kemerovo State University, Candidate of Science (Law);

V. V. Konin — Associate Professor at the Department of criminal procedure law of the North-Western branch of the Russian State University of Justice, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УКД 343.21

О ВЛИЯНИИ ПРИЧИННОЙ СВЯЗИ НА ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В УГОЛОВНОМ И ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Людмила Александровна ЗИМИРЕВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, zimpravo@yandex.ru

Аннотация. В статье предлагаются к сравнению правила установления причинно-следственной связи по уголовным и гражданским делам. Анализ проводится на основе примеров рассмотрения уголовных и гражданских дел, приводятся ссылки на нормы действующего уголовного и гражданского законодательства, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Автор высказывает суждение о том, что в рамках уголовно-правовых отношений виновное отношение субъекта к последствиям своего поведения учитывается при установлении причинно-следственной связи, так как является внутренней причиной деяния.

Ключевые слова: причинно-следственная связь, прямая, непосредственная, необходимая, случайная, косвенная причинная связь

Для цитирования: Зимирева Л. А. О влиянии причинной связи на ответственность в уголовном и гражданском праве // КриминалистЪ. 2025. № 1 (50). С. 26 – 33.

Original article

ON THE INFLUENCE OF A CAUSAL RELATIONSHIP ON LIABILITY IN CRIMINAL AND CIVIL LAW

Lyudmila A. ZIMIREVA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, zimpravo@yandex.ru

Abstract. The article proposes to compare the rules for establishing a causal relationship in criminal and civil cases. The analysis is based on examples of criminal and civil cases, with references to the norms of current criminal and civil legislation, as well as the rulings of the Plenums of the Supreme Court of the Russian Federation. The author argues that in the context of criminal justice the subject's culpable mental state in relation to the consequences of their conduct is considered when establishing causation, as it constitutes an internal cause of the act.

Keywords: causal relationship, direct, immediate, necessary, incidental, indirect causal relationship

For citation: Zimireva L. A. On the influence of a causal relationship on liability in criminal and civil law. Criminalist. 2025;1(50):26-33. (In Russ.).

Философская категория причинности используется науками правового цикла через понятие причинно-следствен-

ной связи. Понятие причинной связи в уголовном и гражданском праве имеет то же значение, что и в других науках,

© Зимирева Л. А., 2025

а следовательно, такое же, как в философии и логике. То есть общее значение: под причинностью в философии понимается взаимная связь явлений, в возникновении и развитии которых одно служит причиной, а другое — следствием, одно порождается другим [1, с. 603].

Юридические науки отвечают за правовое регулирование социального поведения человека в той или иной сфере правоотношений, складывающихся в обществе. А потому юридическое значение имеет не любая причинно-следственная связь явлений материального мира, а лишь связь между факторами, обусловившими наступление негативных последствий, запрещенных той или иной отраслью права.

При этом конкретная правовая дисциплина исходит из своих нормативных предписаний, целей правового регулирования, норм и правил, через которые и преломляется фундаментальное понятие причинности, отсекая лишнее и беря только то, что входит в предмет доказывания отдельно взятой юридической науки.

Приведем пример из судебной практики.

Г. выехал на полосу встречного движения, где совершил столкновение с другим автомобилем. В результате дорожно-транспортного происшествия трем потерпевшим, находившимся во встречном автомобиле, был причинен тяжкий вред здоровью. При этом правила дорожного движения были нарушены водителями обоих автомобилей. Г., наряду с пп. 1.3, 1.5 Правил дорожного движения нарушил п. 11.1 Правил, согласно которому, прежде чем начать обгон, водитель обязан убедиться в том, что полоса движения, на которую он собирается выехать, свободна на достаточном для обгона расстоянии и в процессе обгона он не создаст опасности для движения и помех другим участникам дорожного движения. В действиях води-

теля второго автомобиля также имелись нарушения правил дорожного движения: количество пассажиров в ее машине превышало допустимую норму, кроме того, они не были пристегнуты ремнями безопасности.

Созданная водителем Г. аварийная обстановка привела к столкновению транспортных средств, результатом которого явилось причинение потерпевшим вреда здоровью. Данные последствия, как указано в приговоре, находятся в прямой причинно-следственной связи с неправомерными действиями водителя автомобиля, выехавшего на полосу встречного движения¹.

В силу ст. 8 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) основанием уголовной ответственности является совершение лицом деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом. Наличие в деянии состава преступления, т. е. совокупности объективных и субъективных признаков, характеризующих общественно опасное деяние как преступление, служит необходимым и достаточным основанием для привлечения к уголовной ответственности лица, совершившего это деяние.

Наряду с обязательным установлением противоправности деяния, в соответствии с принципом вины, закрепленным в ст. 5 УК РФ, по каждому уголовному делу необходимо установить форму вины — умысел или неосторожность. Невинное причинение вреда уголовно ненаказуемо (ст. 28 УК РФ). При этом правоприменитель должен ответить на вопрос, является ли наступившее общественно опасное последствие резуль-

¹ Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 1 декабря 2022 г. по делу № 77-3228/2022 // Третий кассационный суд общей юрисдикции : офиц. сайт. URL: https://3kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=11435491&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 12.01.2025).

татом деяния подозреваемого, а не какой-либо иной причины.

Относительно причинно-следственной связи по уголовным делам федеральный законодатель не дает правоприменителю четких и простых правил ее установления. Частично требование установления причинной связи раскрывает в некоторых своих постановлениях Пленум Верховного Суда Российской Федерации. Это постановления от 9 декабря 2008 года № 25 (ред. от 25 июня 2024 г.) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения», от 29 ноября 2018 года № 41 «О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов». Разъяснения Верховного Суда Российской Федерации по большей части затрагивают вопросы причинной связи по делам о нарушении специальных норм и правил.

Так, в приведенном примере о дорожно-транспортном происшествии необходимо руководствоваться разъяснениями, изложенными в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 года № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения», в котором внимание судов обращается на то, что уголовная ответственность за преступление, предусмотренное ст. 264 УК РФ, может иметь место лишь при условии нахождения указанных в статье последствий в причинной связи с допущенными лицом нарушениями правил дорожного

движения или эксплуатации транспортных средств (с указанием на конкретные пункты Правил дорожного движения Российской Федерации).

В обозначенной ситуации нарушение правил дорожного движения имелось в действиях обоих водителей. При этом только водителем Г. была создана аварийная обстановка, которая привела к столкновению автомобилей. Нарушения правил дорожного движения, допущенные вторым водителем, заключались в превышении допустимого количества пассажиров и в том, что пассажиры не были пристегнуты ремнями безопасности. Подобные нарушения аварийную обстановку и дальнейшее столкновение автомобилей сами по себе вызвать не могли, хотя и повлияли на причинение конкретного вреда здоровью потерпевших. Суд, проанализировав данные обстоятельства, пришел к выводу, что прямая причинно-следственная связь была между нарушением правил дорожного движения водителем Г., выехавшим на полосу встречного движения, и наступившим последствием — причинением вреда здоровью потерпевших встречного автомобиля. Суд не признал связь между нарушением правил водителем второго автомобиля прямой, т. е. необходимой и достаточной, имеющей значение для уголовно-правовой оценки деяния второго водителя. Г. был осужден по ч. 1 ст. 264 УК РФ к 1 году 6 месяцам ограничения свободы с возложением соответствующих ограничений и обязанностей.

Выявленная уголовно-правовая закономерность причинно-следственной связи несколько отличается от юридически значимой закономерности причинной связи в ракурсе гражданско-правовой ответственности обоих водителей.

По гражданским делам, допустим, о взыскании компенсации морального вреда, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия, суды исходят из следующих правил.

Из положений ст. 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), определяющей общие основания гражданско-правовой ответственности за причинение вреда, и ст. 1079 ГК РФ об ответственности за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих, следует обязанность юридических лиц и граждан, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих, возместить вред, причиненный принадлежащим им источником повышенной опасности (транспортным средством). Владельцы источников повышенной опасности солидарно несут ответственность за вред, причиненный в результате взаимодействия этих источников (столкновения транспортных средств и т. п.) третьим лицам.

Согласно разъяснениям, содержащимся в абз. 2 п. 25 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 года № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина», при причинении вреда третьим лицам владельцы источников повышенной опасности, совместно причинившие вред, в соответствии с п. 3 ст. 1079 ГК РФ несут перед потерпевшими солидарную ответственность по основаниям, предусмотренным п. 1 ст. 1079 ГК РФ. Солидарный должник, возместивший совместно причиненный вред, вправе требовать с каждого из других причинителей вреда долю выплаченного потерпевшему возмещения. Поскольку должник, исполнивший солидарное обязательство, наделяется правами кредитора по регрессному обязательству в отношении остальных должников, распределение ответственности солидарных должников (определение долей) по регрессному обязательству производится с учетом требований

абзаца второго п. 3 ст. 1079 ГК РФ по правилам п. 2 ст. 1081 ГК РФ, т. е. в размере, соответствующем степени вины каждого из должников. Если определить степень вины не представляется возможным, доли признаются равными.

Таким образом, в соответствии с нормами гражданского законодательства управление транспортным средством как деятельность, связанная с использованием источника повышенной опасности, возлагает на законного владельца транспортного средства более высокую (по сравнению с предусмотренной ст. 1064 ГК РФ) ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих, а именно: такая ответственность наступает независимо от вины причинителя вреда.

То есть, даже в случае отсутствия вины, владелец источника повышенной опасности не освобождается от ответственности за вред, причиненный третьим лицам в результате взаимодействия источников повышенной опасности, в том числе если установлена вина в совершении дорожно-транспортного происшествия владельца другого транспортного средства¹.

Таким образом, прямая причинная связь в действиях водителя Г. является основанием для привлечения его к уголовной и гражданской ответственности за причиненный вред. Предвидение им возможности наступления общественно опасных последствий от выезда на полосу встречного движения охватывается неосторожной формой его вины (ст. 26 УК РФ). Исключается уголовная

¹ Апелляционное определение Вологодского областного суда от 9 ноября 2022 г. № 33-4149/2022 УИД 35RS0006-01-2022-000085-08 // Вологодский областной суд : офиц. сайт. URL: https://oblsud--vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=27071679&case_uid=f8c6489e-02b7-4a99-84d9-a0c9675352f2&delo_id=5&new=5 (дата обращения: 12.01.2025).

ответственность второго водителя ввиду отсутствия (невозможности) предвидения ею (водитель второго автомобиля — женщина) развития причинно-следственного ряда событий. Несомненно, действия второго водителя находятся в причинной связи с наступившими неблагоприятными последствиями, однако этот причинный ряд действий не являлся главным, решающим для создания аварийной обстановки. Такую причинную связь называют косвенной, иногда случайной или опосредованной действиями первого водителя. Косвенная причинная связь, иными словами, связь, не содержащая элемента предвидения противоправного результата, не влечет привлечения к уголовной ответственности.

Вместе с тем гражданско-правовую ответственность будут нести оба водителя. Как прямая причинная связь первого водителя, так и косвенная причинная связь второго водителя являются достаточными для взыскания вреда с обоих участников дорожно-транспортного происшествия.

Объясняется это следующим. Основанием наступления гражданско-правовой ответственности служит нарушение личных и (или) неимущественных гражданских прав. Гражданско-правовая ответственность, по общему правилу, наступает при соблюдении следующих условий: противоправность поведения; наличие вреда (убытков) (п. 1 ст. 15, п. 1 ст. 393, п. 1 ст. 1064 ГК РФ); причинно-следственная связь между нарушением и возникшими убытками; вина нарушителя (в форме умысла или неосторожности). В ряде случаев должника можно привлечь к ответственности без вины, в частности если обязательство нарушено при осуществлении предпринимательской деятельности (п. 3 ст. 401 ГК РФ), вред причинен источником повышенной опасности (п. 1 ст. 1079 ГК РФ), вред причинен вследствие недо-

статков товара, работ или услуг (ст. 1095 ГК РФ).

В рамках гражданско-правовых отношений учитывается не только необходимая, но и косвенная (случайная) причинно-следственная связь. Гражданским законодательством предусмотрены случаи наступления имущественной ответственности при невиновном причинении вреда. То есть лицо может быть привлечено к ответственности в отсутствие вины и при наличии причинно-следственной связи.

Согласно нормам уголовного права ответственность наступает лишь при наличии в действиях лица состава преступления, в том числе необходимой (в судебных решениях она часто называется прямой) причинно-следственной связи и вины. Если установлена лишь случайная (косвенная) причинно-следственная связь, уголовная ответственность исключена. Верховный Суд СССР показал особенности случайной причинной связи на примере дела Потемкина, который, будучи пьяным, учинил дебош. Его родственники, в том числе престарелый тесть, страдающий атеросклерозом, повалили Потемкина на пол и удерживали от продолжения дальнейших действий. При этом от сильного напряжения у 70-летнего тестя Потемкина произошел паралич сердца, повлекший его смерть. Верховный Суд СССР указал на ошибочность вывода о наличии причинной связи между хулиганскими действиями Потемкина и смертью потерпевшего, так как его действия лишь косвенно обусловили наступление обстоятельств, послуживших непосредственной причиной смерти¹. Несмотря на то что действия Потемкина явились предшествующим условием наступления общественно опасного последствия, он не был привлечен к уголовной ответственности за причинение смерти родственнику ввиду

¹ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1960. № 4.

отсутствия непосредственной (прямой) причинно-следственной связи.

Академик В. Н. Кудрявцев в фондовых лекциях 1957 года, посвященных составу преступления и анализу его отдельных элементов, так обосновывал ответственность в случае присоединения других независимых причин: «Присоединение других независимых сил обычно является случайностью для действий первого обвиняемого. Всякая случайность, разумеется, имеет свои причины; в мире нет беспричинных явлений. Однако событие потому и называется случайным, что породившие его причины никак не связаны с развитием тех явлений, в отношении которых оно произошло» [2, с. 27–28].

Таким образом, гражданское право предусматривает ответственность за причинение вреда в отсутствие виновного отношения деятеля (допустим, ст. 1079 ГК РФ), т. е. на основании косвенной (случайной) причинно-следственной связи явлений и событий. Уголовный кодекс Российской Федерации подобных норм не содержит, более того, основным принципом провозглашает недопустимость объективного вменения (ст. 5 УК РФ).

Понятие причинности используется правом на основании философского определения, как взаимная связь явлений, при которой одно (следствие) из них порождается другим (причиной) [1, с. 603]. Вместе с тем различные отрасли права устанавливают эту связь между правовыми явлениями своей сферы регулирования. При том что конструкции уголовно-правовых и гражданско-правовых норм различны, различны их цели и задачи, а также правоотношения.

В отличие от гражданского права, допускающего такие институты, как правопреемство, наследование и тому подобные, уголовное право исходит из личного характера уголовного наказания. Согласно формулировке ст. 2

ГК РФ, отрасль гражданского права регулирует имущественные и личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников отношений [3, с. 7].

Как отмечает Е. Н. Агибалова, основная функция гражданско-правовой ответственности — компенсационная (восстановительная), этим она существенно отличается от уголовной ответственности. Применение уголовной ответственности имеет целью предупредить совершение преступлений и исправить преступника. Острие этой ответственности направлено на личные интересы правонарушителя путем применения к нему наказания (кары). Мерой уголовной ответственности выступают форма и степень вины правонарушителя. Целевое назначение гражданско-правовой ответственности вообще и деликтной ответственности в частности состоит в защите от любых нарушений имущественных интересов субъектов гражданского права. Она применяется для того, чтобы путем возмещения ущерба восстановить имущественное положение потерпевшего в том состоянии, в каком оно находилось до правонарушения. Различие функций и предопределяет безусловную ответственность за вину в уголовном праве и ответственность независимо от вины наряду с ответственностью за вину в гражданском праве. Суть деликтных обязательств именно в том и состоит, чтобы с помощью мер ответственности восстановить имущественную сферу одного (потерпевшего) за счет уменьшения имущества другого (правонарушителя). Этим определяется и основной принцип деликтной ответственности — принцип полного возмещения вреда независимо от формы и степени вины правонарушителя. «Именно поэтому в гражданском праве (в отличие от уголовного и других отраслей права) широко развит институт от-

ветственности за действия третьих лиц. Если к тому же учесть, что гражданское право призвано регулировать имущественные отношения в их нормальном осуществлении и обеспечивать не только устойчивость, но и восстановление этих отношений в случае их нарушения кем-либо из участников либо третьими лицами, то станет очевидным, что применение мер гражданско-правовой ответственности может иметь место не только при виновном, но и при случайном (без вины) причинении вреда» [4, с. 26 – 27].

Решение вопроса о причинно-следственной связи в уголовном праве невозможно без учета предвидения возможности наступления общественно опасных последствий, т. е. виновного отношения деятеля к результату. Только решив вопрос о виновности, возможно точно высказаться о качестве причинно-следственной связи. Данным фактом объясняется разница причинной связи в гражданско-правовых и уголовно-правовых отношениях.

Наличие субъективного в уголовно значимой причинной связи выявлено рядом выдающихся ученых, таких как Н. С. Таганцев [5, с. 271], Н. Д. Сергеевский [6, с. 345], М. И. Ковалев [7, с. 97], А. Н. Попов [8, с. 13]¹. Кроме того, слияние причинной связи и вины через категории осознание, предвидение, желание наступления преступного результата заложено в самом уголовном законе, ст. 25 и 26 УК РФ. Формы вины находятся в прямой зависимости от предвидения субъектом преступных последствий.

Вина, по сути, является внутренней причиной деяния. Полагаем, что фактически виновное поведение входит в понятие причинной связи в уголовном праве. С другой стороны, отдельные виды виновности заключаются в неосознании причинной связи при возможности осознания или в осознании причинной связи и ненадлежащей реакции психики субъекта на это осознание. Строгое разграничение вины как субъективного отношения виновного к результату своего деяния и причинной связи как объективной категории дается в науке уголовного права исключительно с целью системности изложения и понимания категории «состав преступления». При этом учитывается, что преступное деяние отличается целостностью объективного воплощения субъективного к нему отношения со стороны надлежащего субъекта.

Итак, важным отличием юридически значимой причинной связи в уголовном и гражданском праве является осознание причиняющего воздействия со стороны субъекта правоотношений. Если для гражданско-правовых отношений в некоторых институтах достаточно косвенной, случайной, опосредованной причинной связи, то в уголовном праве подобная связь правового значения не имеет. В рамках уголовно-правовых отношений важно предвидение лицом возможности наступления общественно опасных последствий в результате своих деяний, т. е. виновное к последствиям отношение.

Список источников

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений. Москва : Азбуковник, 1997. 944 с.

¹ Подробнее см.: Радов В. В. Постклассическое правопонимание причинной связи: гражданская и уголовная ответственность // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. Т. 5, № 3. С. 259 – 269.

2. Кудрявцев В. Н. Состав преступления. Лекция 2. Объективная сторона преступления. Москва : [б. и.], 1957. 33 с. (Лекции по юридическим наукам / Воен.-полит. ордена Ленина Краснознам. акад. им. В. И. Ленина).
3. Шаблова Е. Г. Гражданское право : учеб. пособие для вузов. Москва : Юрайт, 2024. 131 с.
4. Агибалова Е. Н. Деликтные обязательства : учеб. пособие. Волгоград : Волгоград. ин-т управления — фил. РАНХиГС, 2021. 112 с.
5. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 1. Москва : Наука, 1994. 380 с.
6. Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. Часть общая : пособие к лекциям. Санкт-Петербург : А. Ф. Цинзерлинг, 1887. 434 с.
7. Ковалев М. И. Проблемы учения об объективной стороне состава преступления. Красноярск : Краснояр. ун-т, 1991. 176 с.
8. Попов А. Н. Вина в преступлениях против жизни (ст. ст. 105, 106, 107, 108 УК РФ). Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т (фил.) Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. 123 с.

Информация об авторе

Л. А. Зими́рева — старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the author

L. A. Zimireva — Senior Lecturer at the Department of criminal law, criminology and penal executive law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law).

Научная статья
УДК 343.98

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ КРИМИАЛИСТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ В ОРГАНАХ ПРОКУРАТУРЫ

Вячеслав Николаевич ИСАЕНКО

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
Москва, Россия, *viach.isaencko2015@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются предпосылки и основные этапы образования, становления, развития службы прокуроров-криминалистов в следственном аппарате отечественной прокуратуры. Характеризуется их вклад в обеспечение широкого использования научно-технических средств и других прикладных средств криминалистики в борьбе с преступностью, в повышении квалификации прокурорско-следственных работников.

Ключевые слова: прокурор-криминалист, следственный аппарат прокуратуры, криминалистическая служба, кабинет криминалистики, раскрытие преступлений, методическая работа

Для цитирования: Исаенко В. Н. Этапы становления и развития криминалистической службы в органах прокуратуры // КриминалистЪ. 2025. № 1 (50). С. 34 – 41.

Original article

STAGES OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE FORENSIC SERVICE IN THE PROSECUTOR'S OFFICE

Vyacheslav N. ISAENKO

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia,
viach.isaencko2015@yandex.ru

Abstract. The article discusses the prerequisites and main stages of the formation, establishment, and development of the service of forensic prosecutors in the investigative apparatus of the national prosecutor's office. Their contribution to ensuring the widespread use of scientific and technical means and other applied forensic tools in the fight against crime, as well as improving the skills of prosecutorial and investigative staff is characterized.

Keywords: prosecutor-criminologist, the investigative apparatus of the prosecutor's office, the forensic service, forensic science room, crime detection. methodological work

For citation: Isaenko V. N. Stages of the formation and development of the forensic service in the prosecutor's office. Criminalist. 2025;1(50):34-41. (In Russ.).

Расширение научных основ выявления, раскрытия и расследования преступлений, внедрение методов, средств, приемов криминалистики в следствен-

ную практику, а также в практику надзора за этой деятельностью в органах прокуратуры всегда рассматривались в качестве важного и необходимого

© Исаенко В. Н., 2025

условия оптимизации и повышения эффективности этой работы. В связи с ее важностью распоряжением Совета Министров СССР от 11 февраля 1949 года № 1680-р был учрежден Всесоюзный научно-исследовательский институт криминалистики Прокуратуры СССР с установлением его основной задачи — разработка и внедрение научно-технических и лучших тактических методов раскрытия и расследования преступлений. Указанием Генерального прокурора СССР от 30 декабря 1949 года № 23/425 «О применении в следственной практике научно-технических средств», а затем приказом от 31 августа 1951 года № 191 «О мероприятиях по внедрению в следственную практику научно-технических средств, сосредоточенных в следственном чемодане» руководителям прокуратур, следователям всех уровней предписывалось изучать и широко использовать криминалистические методы в повседневной деятельности. Для занятий по приобретению соответствующих навыков в 1952 году в прокуратурах союзных и автономных республик, краев, областей, городов Москвы и Ленинграда началось оборудование специальных кабинетов криминалистики, ответственными за работу которых являлись специально назначенные прокурорско-следственные работники. В приказе Генерального прокурора СССР от 14 октября 1953 года № 263 «О мероприятиях по повышению квалификации следователей органов прокуратуры» более конкретно определялись задачи функционирования этих кабинетов. В программы постоянно действующих курсов усовершенствования следователей прокуратуры СССР в городе Ленинграде стали включать цикл криминалистики, заведующим которым был назначен работавший ранее старшим следователем прокуратуры Ленинградской области И. Е. Быховский — впоследствии один из видных

отечественных ученых-криминалистов, доктор юридических наук, профессор. Аналогичные циклы включались в программы обучения следователей кабинетов криминалистики прокуратур республик, краев, областей, городов союзного значения.

Спустя непродолжительное время стала очевидной необходимость более четкой и целенаправленной организации этой деятельности, ее проведения специально выделенными сотрудниками на постоянной основе с учетом ежегодного пополнения следственного аппарата выпускниками юридических образовательных учреждений, результатов анализа материалов следственной практики, выявляющего типичные недостатки в использовании технико-криминалистических средств, возможностей судебных экспертиз и иных прикладных возможностей криминалистики при расследовании преступлений. В итоге было принято решение об установлении в следственных аппаратах Прокуратуры СССР, прокуратур союзных и автономных республик, краев, областей и городов союзного значения должности прокурора-криминалиста с закреплением за ним ряда функций, выполнение которых способствовало бы повышению уровня следственной работы. Генеральным прокурором СССР 19 октября 1954 года была утверждена Инструкция о работе прокурора-криминалиста № 3/195, определившая задачи и направления их деятельности. В сущности, с этого момента начался первый этап организации криминалистической службы в органах прокуратуры.

По решению руководства Прокуратуры СССР данная служба комплектовалась из числа наиболее опытных старших следователей, прокуроров следственных отделов прокуратур союзных и автономных республик, краев, областей, городов союзного значения, а в исключительных случаях — из числа

следователей прокуратур городов, районов со стажем работы не менее 5 лет, в совершенстве владеющих криминалистической техникой. Вновь назначенные прокуроры-криминалисты в количестве 45 человек прошли обучение на специальных двухмесячных курсах. Были налажены обмен опытом их работы, его освещение, в частности в сборниках «Следственная практика», разработаны рекомендации по оснащению создаваемых кабинетов криминалистики не только криминалистической техникой, но также наглядными пособиями, учебными уголовными делами. В кабинетах криминалистики стали регулярно проводиться стажировки и другие учебные мероприятия по повышению квалификации следователей.

Отбор кандидатов на должность прокурора-криминалиста был весьма строгим. Первоначально они были назначены в прокуратурах лишь примерно половины республик, краев, областей, городов союзного значения в связи со сложностью подбора на них кандидатов, отвечающих требованиям Инструкции о работе прокурора-криминалиста. Например, работавший прокурором-криминалистом прокуратуры Кировской области Б. Н. Коврижных рассказывал автору данной статьи, насколько тщательно проходил такой отбор. Да и там, где были соответствующие штатные единицы, первоначально действовал только один прокурор-криминалист, которому приходилось выполнять большой объем практической, организационно-методической и учебной работы. Прокурор-криминалист Прокуратуры г. Ленинграда М. П. Васильев писал, что такая нагрузка не позволяла совмещать в одном лице обязанности прокурора-методиста, прокурора-криминалиста и заведующего кабинетом криминалистики, особенно с учетом того, что в штате кабинета криминалистики постоянно должны быть квалифи-

цированные работники, которые готовы в нужный момент выехать на место происшествия для оказания практической помощи следователю по применению криминалистической техники, могут проконсультировать следователей по этим вопросам, произвести предварительное исследование документов и вещественных доказательств и, наконец, содержать в надлежащем порядке оборудование кабинета, а также заботиться о пополнении следственных чемоданов в районных прокуратурах [1, с. 112 – 122].

Данное мнение было принято во внимание, и постепенно под руководством прокуроров-криминалистов стали действовать техники-криминалисты (техники-лаборанты), состоявшие на должностях стажеров районных прокуратур. Многие из них обучались на вечерних и заочных отделениях юридических вузов и рассматривались как резерв на должности следователей. Регулярно участвуя в различных следственных действиях, сопряженных с применением технико-криминалистических средств, они не только получали наглядное представление о следственной работе, но и приобретали ее навыки.

Накапливаемый опыт работы кабинетов криминалистики постоянно анализировался. Для оказания помощи прокурорам-криминалистам в организации их работы в 1960 году коллектив авторов – работников ВНИИ криминалистики разработал специальное пособие [2, с. 92]. В последующем стали регулярными выпуски сборника «В помощь прокурору-криминалисту», содержащие апробированные рекомендации по различным сторонам деятельности прокурора-криминалиста¹. Неоценимое методическое

¹ В их числе длительное время бывшее востребованным пособие В. М. Николайчика «Роль прокурора-криминалиста в повышении квалификации следователей» (1961). Поскольку прокурорами-криминалистами назначались следователи, не имеющие опыта организации

значение имели также издания, в подготовке которых участвовали В. И. Теребилов, Н. А. Селиванов, А. А. Эйсман, Т. М. Арзуманян и другие ученые ВНИИ криминалистики¹.

Начало 60-х годов можно рассматривать как следующий этап становления службы прокуроров-криминалистов, должности которых были в прокуратурах всех республик, краев и областей СССР. В некоторых из них ввиду большого объема работы действовали по два прокурора-криминалиста. Стали регулярно проводиться стажировки прокуроров-криминалистов автономных республик, краев и областей в прокуратурах союзных республик, а в Институте усовершенствования следственных работников Прокуратуры СССР (г. Ленинград) они ежегодно обучались по специализированной программе. Занятия с ними вначале проводили преподаватели Института И. Е. Быховский, А. В. Дулов, А. Караськов, А. П. Филиппов, Ю. Лавров, В. Шифрин и другие, в последующие годы — Л. А. Андреева, В. С. Бурданова, М. Б. Вандер, О. М. Глотов, Г. А. Густов, С. К. Питерцев, В. И. Рохлин, Н. М. Сологуб и дру-

ги и проведения учебно-методической работы, это пособие являлось существенным подспорьем в понимании того, как ее следует налаживать и проводить, какими должны быть тематика и формы учебных мероприятий, кого следует привлекать к участию в них и т. д. Автор настоящей статьи, начавший свою работу в кабинете криминалистики прокуратуры Брянской области в 1972 году, также использовал содержащиеся в данном пособии рекомендации. Полезные рекомендации по организации прокурорами-криминалистами работы по повышению квалификации следователей содержались в пособии Б. Н. Коврижных «Прокурор-криминалист — наставник следователя» (1962).

¹ В 1963 году ВНИИ криминалистики был преобразован во Всесоюзный научно-исследовательский институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности при Прокуратуре СССР, а в 1988 году — во Всесоюзный научно-исследовательский институт проблем укрепления законности и правопорядка при Прокуратуре СССР.

гие, не только имеющие личный опыт следственной работы, но и защитившие кандидатские, а многие впоследствии и докторские диссертации.

Вопросы деятельности прокуроров-криминалистов постоянно находились в поле зрения руководства Прокуратуры СССР. В указании от 9 января 1964 года № 3/2 «О недостатках в работе прокуроров-криминалистов» констатировалось отсутствие у многих из них надлежащих условий работы. Важным и наиболее конструктивным организационно-распорядительным документом явилось указание Генерального прокурора СССР от 20 ноября 1970 года № 3д-27-70 «О задачах органов прокуратуры по дальнейшему внедрению научно-технических средств в следственную практику». В нем четко определялись задачи и формы этой деятельности и роль в ней прокуроров-криминалистов. В этот же период следственные подразделения прокуратур были оснащены модернизированными следственными портфелями, а кабинеты криминалистики — чемоданами прокурора-криминалиста. В практику внедрялись новые средства обнаружения и фиксации следов, предварительного исследования вещественных доказательств. Активно разрабатывались методические рекомендации по расследованию преступлений различных видов.

Большую работу проделали в этом плане в 60–70 годы прокуроры А. Башков (Прокуратура Могилевской области), Б. Боровецкий (Прокуратура РСФСР), Б. Шкляр (Прокуратура Литовской ССР), Л. Видонов (Прокуратура Горьковской области — ныне Нижегородская), А. Герасун (Прокуратура Львовской области), А. Ласевич (Прокуратура Белорусской ССР), Э. Межиковский (Прокуратура Ворошиловградской области — ныне Луганская Народная Республика), Р. Меликсетян (Прокуратура Армянской ССР), П. Ка-

банов (Прокуратура Калининской области — ныне Тверская), В. Космачев (Прокуратура Читинской области), Л. Пинский (Прокуратура Украинской ССР), А. Голубев (Прокуратура г. Ленинграда), Б. Пискарев (Прокуратура Магаданской области), Б. Провоторов (Прокуратура г. Москвы), М. Розенталь и В. Жаринов (Прокуратура Московской области), Э. Смирнов (Прокуратура Казахской ССР), О. Шебалина (Прокуратура Воронежской области), К. Хенкин (Прокуратура Калужской области), В. Чучаев (Прокуратура Приморского края) и др. Характерно, что в прокуратурах республик, краев, областей на прокуроров-криминалистов возлагались обязанности по выполнению и другой работы, не предусмотренной Инструкцией о работе прокурора-криминалиста: поддержание государственного обвинения по уголовным делам в судах соответствующего уровня, рассмотрение жалоб, ведение личного приема граждан по установленному графику, участие в подготовке и проведении координационных совещаний руководителей правоохранительных органов и т. д. Это обеспечивало их широкий профессиональный кругозор, высокую квалификацию, в связи с чем прокуроры-криминалисты всегда включались в кадровый резерв для выдвижения на должности прокуроров городов, районов, заместителей начальников управлений и отделов по надзору за следствием и дознанием. Ряд прокуроров-криминалистов впоследствии стали следователями по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР, например В. И. Калининченко (Прокуратура Запорожской области), В. Е. Костарев (Прокуратура Северо-Казахстанской области). Прокурор-криминалист Прокуратуры Вологодской области М. Б. Катышев впоследствии работал помощником Генерального прокурора СССР по особым поручениям, начальником управления

по расследованию особо важных дел, а затем заместителем Генерального прокурора Российской Федерации. Старший прокурор-криминалист Прокуратуры РСФСР Ю. С. Захаров также был назначен помощником Генерального прокурора СССР, работал начальником управления по надзору за исполнением законодательства о федеральной безопасности и межнациональных отношениях, противодействию терроризму и экстремизму Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Начальник отдела криминалистики Прокуратуры Республики Бурятия В. Г. Петров в настоящее время является Главным военным прокурором — заместителем Генерального прокурора Российской Федерации. Прокуроры-криминалисты нередко приглашались на работу судьями, в органы юстиции, в судебно-экспертные учреждения. В частности, обучавшийся на первом потоке прокуроров-криминалистов Г. П. Аринушкин (Прокуратура Красноярского края) впоследствии работал начальником отдела судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции СССР. Многие из них были удостоены государственных наград.

Можно сказать, что на рубеже 70 — 80-х годов завершилось формирование службы прокуроров-криминалистов на союзном уровне. Это было подтверждено на проведенных в 1979 году зональных семинарах-совещаниях прокуроров-криминалистов в городах Ташкенте, Ростове-на-Дону, Кишиневе. На них заместитель Генерального прокурора СССР В. В. Найденов отметил положительные стороны в работе криминалистической службы и поставил перед ней новые задачи. Были высоко оценены результаты исследований, которые проводили прокуроры-криминалисты. Несмотря на напряженный график работы, они находили время для разработки средств оптимизации расследования, доказавших свою эффективность

на практике. В частности, это были рекомендации по организации бригадного метода расследования (А. А. Герасун), применению метода искусственных координат при проверке показаний на месте (Я. Г. Цыпарский), по организации работы прокуроров-криминалистов (Э. Б. Межиковский), разработанная Л. Г. Видоновым совместно с профессором Н. А. Селивановым система типовых версий о лицах, совершивших убийство без очевидцев, и др. Широко практиковался обмен опытом работы прокуроров-криминалистов как по организации деятельности, так и по оказанию помощи следователям в раскрытии и расследовании преступлений. Например, на одном из семинаров-совещаний прокурор-криминалист Прокуратуры Белорусской ССР А. А. Ласевич сообщил об изобличении убийцы благодаря установлению экспертами следов его рук на ткани одежды потерпевшей. В то время (70-е годы) такая экспертиза была редкостью. Информация о возможности ее проведения была принята к сведению, практика назначения подобных экспертиз стала регулярной.

В Прокуратуре СССР прокуроры-криминалисты вначале действовали в составе организационно-методического отдела Главного следственного управления. Однако в связи с очевидной необходимостью улучшения методического руководства работой прокуроров-криминалистов на местах в 1980 году в составе Главка был образован отдел по внедрению научно-технических средств, который возглавил В. Е. Серов, до того работавший начальником следственного отдела Прокуратуры Владимирской области¹. После него отделом руководил В. Ф. Ладейщиков (ранее работал старшим следователем по особо важным делам при Прокуроре РСФСР), Н. Емельянов (ранее работал заместителем

начальника следственного управления Прокуратуры Воронежской области). В июне 1984 года было организовано и проведено первое всесоюзное совещание прокуроров-криминалистов, на котором Генеральный прокурор СССР А. М. Рекунков поставил перед прокурорами-криминалистами новые задачи².

В составе отдела по внедрению научно-технических средств в этот период работали прокуроры-криминалисты И. Ефимов, В. Королев, Л. Прошкин, А. Москалев, автор настоящей статьи, специалисты В. Бобров, В. Бондаренко и другие сотрудники. Отдел функционировал в тесном взаимодействии с различными секторами Всесоюзного научно-исследовательского института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности при Прокуратуре СССР (с 1988 года — Всесоюзный научно-исследовательский институт проблем укрепления законности и правопорядка при Прокуратуре СССР), ученые которого подготовили с учетом накопленного опыта руководство для прокуроров-криминалистов [5, с. 143], регулярно участвовали в проводимых отделом учебно-методических и других мероприятиях.

Работы в отделе хватало на всех. Постоянными были выезды совместно с сотрудниками Главного управления уголовного розыска МВД СССР в командировки в различные уголки страны для оказания помощи в расследовании особо тяжких преступлений (особенно серийных убийств), проведения проверок состояния работы по организации раскрытия и расследования преступлений, для участия в учебно-методических мероприятиях и с другими целями; изуче-

¹ В настоящее время В. Е. Серов возглавляет Совет ветеранов Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

² В это же время было принято первое Положение о прокурорах-криминалистах, утвержденное Приказом Генерального прокурора СССР от 27 июня 1984 г. № 26, существенно расширившее их обязанности, в том числе по контролю внедрения и использования криминалистических средств, а также содержащее перечень их процессуальных полномочий.

ние уголовных дел о нераскрытых особо тяжких преступлениях было обычным делом. Начиная с 1987 года пришлось постоянно работать в составе межведомственных следственно-оперативных групп по расследованию массовых беспорядков на почве межнациональных конфликтов в Молдавии, Азербайджане, Армении, Узбекистане, Киргизии, Абхазии. Приобретенный при этом опыт весьма пригодился впоследствии при расследовании уже в постсоветский период событий в городах Буденновске, Кизляре, на территории Республики Дагестан, террористических актов в Москве и других городах России, повлекших значительные человеческие жертвы.

Очередной этап работы службы прокуроров-криминалистов, но уже в пределах Российской Федерации, начался в 1992 году, когда отдел криминалистики Прокуратуры СССР прекратил существование. Его сотрудники были приняты в методико-криминалистический отдел при управлении по расследованию особо важных дел и в отдел криминалистики управления по надзору за следствием и дознанием Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Характерно, что по распоряжению Генерального прокурора Российской Федерации В. Г. Степанкова отдел криминалистики Прокуратуры РСФСР был расформирован, а сотрудники включены в штат оргметодотдела управления по надзору за следствием и дознанием вновь образованной Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Однако по инициативе заместителя Генерального прокурора Российской Федерации В. И. Кравцева в начале 1994 года самостоятельный статус отдела криминалистики был восстановлен. Спустя полтора года (в феврале 1996 года) по инициативе заместителя Генерального прокурора Российской Федерации М. Б. Каптышева произошло образование отдела

криминалистики на правах управления Главного следственного управления за счет слияния двух названных выше отделов. Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 27 января 1997 года № 4 были утверждены обновленное Положение о прокурорах-криминалистах, а также Положение об отделе криминалистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. В 1999 году отдел был преобразован в управление криминалистики, которое действовало до образования Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации с последующим его трансформированием в Следственный комитет Российской Федерации и переходом криминалистической службы в его структуру.

Объем настоящей статьи не позволяет в полной мере осветить все аспекты деятельности криминалистической службы, но достаточно сказать что в 90-е годы были решены вопросы с разработкой и внедрением в практику средств поиска трупов с использованием приборов радиоподповерхностного зондирования, благодаря чему удалось раскрыть ряд убийств прошлых лет, с оснащением кабинетов криминалистики металлоискателями селективного действия, с разработкой компьютерных программ выявления серийных убийств, с переоснащением криминалистического вагона, используемого с середины 80-х годов, и т. д. Большую работу по внедрению компьютерной техники в следственную практику проделали главные специалисты управления М. Макеев и Ю. Холдеев. Впервые же компьютеры в работе по расследованию многоэпизодных преступлений стали использоваться в 1988 году во время расследования массовых беспорядков в городе Сумгаите.

В данный период активно и плодотворно трудились А. Гринькин (Прокуратура Алтайского края), Г. Яланский

(Прокуратура Калининградской области), А. Хмелева (Прокуратура Воронежской области), Т. Чигрина (Прокуратура Республики Карелия), Л. Бертовский (Прокуратура г. Москвы)¹, А. Мотылев (Прокуратура Московской области), А. Платонов (Прокуратура Ставропольского края), Д. Минин (Прокуратура Ростовской области), В. Мосягин (Прокуратура Ярославской области), В. Карузин (Прокуратура Республики Татарстан), В. Алексеев (Прокуратура Республики Саха — Якутия) и многие другие опытейшие прокуроры-криминалисты.

К началу 2000 года более чем в половине прокуратур субъектов Российской Федерации были образованы отделы криминалистики. В них действовали более 500 прокуроров-криминалистов и специалистов. Существенно улучшилось их обеспечение новыми технико-криминалистическими средствами. Постоянно проводились всероссийские и региональные семинары-совещания прокуроров-криминалистов. В них участвовали руководители экспертно-криминалистических подразделений органов МВД России, начальники бюро судебно-медицинской экспертизы, руководители лабораторий судебной экспертизы Минюста России. Регулярным и взаимно плодотворным было участие руководителей отдела криминалистики во всероссийских рабочих совещаниях по вопросам судебно-психиатрической экспертизы, в других совместных мероприятиях, что имело важное значение для должной организации взаимодействия следователей и экспертов. Поэтому можно сказать, что к 2000 году организационное формирование криминалистической службы в органах прокуратуры России было завершено.

¹ Следует отметить, что Л. В. Бертовский первым без отрыва от практики защитил кандидатскую, а затем докторскую диссертацию. В настоящее время работает профессором кафедры криминалистики юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

В данное время в системе Следственного комитета России действуют следователи-криминалисты, во многом продолжающие строить свою работу на основе подходов и традиций, сформированных в службе прокуроров-криминалистов органов прокуратуры.

В прокуратуре становится все меньше прокуроров, имеющих опыт работы следователем, использования в расследовании технико-криминалистических средств, возможностей судебных экспертиз, систем уголовной регистрации и других прикладных рекомендаций криминалистики. Это осложняет объективную оценку полноты и эффективности использования названных возможностей в досудебном уголовном судопроизводстве прокурорскими работниками, не имеющими такого опыта, несмотря на несомненную в этом необходимость. Отдельные вопросы криминалистической составляющей данного направления прокурорского надзора освещаются на занятиях со слушателями факультетов профессиональной переподготовки и повышения квалификации Университета прокуратуры Российской Федерации, региональных учебных центров. Но расширение криминалистического кругозора прокурорских работников должно осуществляться и в прокуратурах субъектов Российской Федерации и приравненных к ним специализированных прокуратурах на основании типовой программы, разработанной в Университете прокуратуры Российской Федерации. В свою очередь, представляется целесообразным, чтобы в штате организационно-методических подразделений управлений и отделов по надзору за процессуальной деятельностью органов расследования соответствующих прокуратур действовал сотрудник, ответственный за данный участок работы.

Список источников

1. Васильев М. П., Гаврилов П. Н. Опыт работы Ленинградского кабинета криминалистики // Следственная практика. 1956. Вып. № 26. С. 123 — 128.
2. Арзуманян Т. М., Николайчик В. М. Организация работы кабинетов криминалистики в прокуратурах / отв. ред. В. И. Терехилов. Москва : Госюриздат, 1960. 92 с.
3. Коврижных Б. Н. Прокурор-криминалист — наставник следователя : метод. пособие / под ред. В. М. Николайчика. Москва : Всесоз. науч.-исслед. ин-т криминалистики Прокуратуры СССР, 1962. 22 с.
4. Николайчик В. М. Роль прокурора-криминалиста в повышении квалификации следователей. Москва : Всесоюз. науч.-исслед. ин-т криминалистики Прокуратуры СССР, 1961. 32 с.
5. Руководство для прокуроров-криминалистов : метод. пособие / ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Прокуратуре СССР ; отв. ред. В. В. Клочков. Москва : ВНИИ ПУЗиП, 1987. 143 с.

Информация об авторе

В. Н. Исаенко — профессор кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

V. N. Isaenko — Professor at the Department of organization of judicial and prosecutorial investigative activities, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Science (Law), Professor.

Научная статья
343.163

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ ПРОКУРОРА К ПОДДЕРЖАНИЮ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Ульяна Андреевна КАЛУГИНА

Прокуратура Калининского района Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Россия,
pandorrakya@icloud.com

Аннотация. Автор исследует деятельность государственного обвинителя, готовящегося к участию в судебном разбирательстве по уголовному делу о преступлении коррупционной направленности. Анализируются направления изучения материалов уголовного дела о преступлении коррупционной направленности, порядок изучения, особенности изучения отдельных видов доказательств, тактика предъявления доказательств в судебном разбирательстве.

Ключевые слова: преступления коррупционной направленности, поддержание обвинения, изучение материалов уголовного дела

Для цитирования: Калугина У. А. Особенности подготовки прокурора к поддержанию государственного обвинения по делам о преступлениях коррупционной направленности // КриминалистЪ. 2025. № 1 (50). С. 43 – 49.

Original article

SPECIFIC ASPECTS OF PROSECUTOR'S TRAINING FOR UPHOLDING THE PUBLIC PROSECUTION IN CORRUPTION-RELATED CRIMINAL CASES

Ulyana A. KALUGINA

Prosecutor's Office of the Kalininsky district of St. Petersburg, St. Petersburg, Russia,
pandorrakya@icloud.com

Abstract. The author examines the activities of a public prosecutor preparing to participation in court proceedings in criminal cases involving corruption-related crimes. The article analyses the approaches to studying the materials of a corruption-related criminal case, the examination procedure, specific aspects of analysing different types of evidence, tactics for presenting evidence during court proceedings.

Keywords: corruption-related crimes, upholding the prosecution, examination of criminal case materials

For citation: Kalugina U. A. Specific aspects of prosecutor's training for upholding the public prosecution in corruption-related criminal cases. Criminalist. 2025;1(50):43-49. (In Russ.).

Подготовка к поддержанию государственного обвинения по уголовным делам о преступлениях коррупционной направленности включает изучение

© Калугина У. А., 2025

материалов уголовного дела, взаимодействие с органами предварительного расследования, а также сотрудниками оперативно-разыскных подразделений, изучение нормативных правовых актов, продумывание тактики и стратегии представления доказательств.

Изучение прокурором материалов уголовного дела о преступлении коррупционной направленности осуществляется на всех стадиях уголовного процесса, в ходе оперативно-разыскной деятельности, направленной на установление факта совершения коррупционного преступления.

В рамках надзорной деятельности в соответствии с Федеральным законом от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»¹ прокурор изучает дела оперативного учета. В процессе координационной деятельности прокуратуры в части работы по противодействию коррупции нацеливает правоохранительные органы на получение конкретного результата в виде обвинительного приговора, иного нереабилитирующего решения, принимаемого по уголовному делу, первоначальным источником которого явилось дело оперативного учета. Следует подчеркнуть, что в рамках надзорной деятельности прокурорские работники должны ориентировать правоохранительные органы на сопровождение рассмотрения уголовного дела на всех стадиях уголовного процесса.

Согласно рекомендациям Генеральной прокуратуры Российской Федерации, изучение материалов уголовного дела коррупционной направленности следует поручать наиболее опытным работникам прокуратуры, осуществляющим надзор за возбуждением уголовно-

го дела, расследованием преступления, направлением дела в суд и рассмотрением его судом [1, с. 57–58], что представляется обоснованным, поскольку, во-первых, борьба с коррупционными проявлениями является одним из приоритетных направлений деятельности нашего государства, во-вторых, расследование преступлений коррупционной направленности и поддержание государственного обвинения по уголовным делам о них сопряжено с определенными трудностями.

В ходе изучения материалов уголовного дела о преступлении коррупционной направленности в рамках подготовки к поддержанию государственного обвинения прокурорским работником должна быть оценена доказательственная база: достаточность, непротиворечивость доказательств, их допустимость и достоверность, проанализированы необходимость и возможность получения государственным обвинителем новых доказательств, представления их в суде. Доказательства должны быть оценены с точки зрения не только их относимости, допустимости и достоверности, но и возможности исключения из доказательственной базы по различным причинам. Помимо этого оценке подлежит выдвинутая стороной защиты версия, опровергнута ли она в ходе предварительного расследования, если нет, то имеется ли возможность ее опровержения в ходе судебного разбирательства.

А. М. Норец выделяет два подхода к порядку изучения материалов уголовного дела: начиная с обвинительного заключения (акта) как итогового документа, составляемого следователем (дознавателем) по результатам проведенного следствия (дознания); начиная с первого листа первого тома уголовного дела — постановления о возбуждении уголовного дела, с оценки законности его возбуждения, достаточности для этого оснований, наличия повода к его

¹ О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 : текст с изм. и доп. на 30 сент. 2024 г. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения: 10.11.2024).

возбуждению [2, с. 21]. По нашему мнению, предложенный автором подход, согласно которому изучение материалов уголовного дела следует начинать с обвинительного заключения и в дальнейшем сопоставлять изложенные в нем следователем доказательства с фактически содержащимися в материалах дела, неприменим при подготовке к судебному разбирательству по уголовному делу о преступлении коррупционной направленности.

Во-первых, полагаем, что при изучении обвинительного заключения без ознакомления предварительно с материалами дела у прокурора — государственного обвинителя может сформироваться мнение относительно перспективы рассмотрения дела судом, аналогичное мнению органов предварительного расследования, что может помешать объективно оценить собранные по делу доказательства, увидеть отрицательную перспективу рассмотрения дела судом, посмотреть на уголовное дело «со стороны».

Личный опыт работы автора в должности заместителя прокурора одного из районов Санкт-Петербурга позволяет констатировать многочисленные факты «потери» следственными органами доказательств вины в обвинительном заключении, не говоря уже о доказательствах стороны защиты, которые следственные органы либо не приводят вовсе, либо ограничиваются исключительно показаниями подозреваемого (обвиняемого). Кроме того, суть того или иного доказательства по уголовному делу может быть изложена не в полной мере либо искажено его содержание. Таким образом, только изучение всех материалов уголовного дела с самого начала позволит государственному обвинителю получить полную картину совершенного преступления, спрогнозировать перспективу рассмотрения дела судом.

Во-вторых, для того чтобы оценить перспективу рассмотрения уголовного дела судом, необходимо тщательно изучить и протоколы допросов подозреваемых (обвиняемых), и ходатайства, заявленные стороной защиты в рамках предварительного расследования. При этом такие ходатайства могут быть приобщены к материалам уголовного дела, оценены органами предварительного расследования, по результатам оценки вынесено соответствующее процессуальное решение, а могут быть изложены в протоколах следственных и иных процессуальных действий. Зачастую прямо из таких ходатайств не следует критическая оценка получаемого или полученного доказательства. Вместе с тем изучение таких ходатайств в своей совокупности может помочь построить предполагаемую линию защиты, в опровержение которой стороной обвинения должны быть представлены доказательства.

Сходную с нашей позицию занимают и авторы, указывающие на необходимость изучения и материалов, рассматриваемых судом в порядке ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), по уголовным делам о преступлениях коррупционной направленности [3, с. 75], поскольку, обжалуя те или иные решения, принимаемые следователем в ходе производства предварительного расследования, сторона защиты придерживается определенной тактики, выстроенной по конкретному уголовному делу. Однако представляется, что тщательное изучение в совокупности и ходатайств стороны защиты, и жалоб в порядке ст. 124, 125 УПК РФ позволит сформировать мнение относительно перспектив рассмотрения судом уголовного дела о преступлении коррупционной направленности.

В-третьих, изучение материалов уголовного дела в полном объеме начиная

с постановления о возбуждении уголовного дела приводит к тому, что государственный обвинитель изучает материалы уголовного дела через призму предварительного расследования, как верно отмечает С. Л. Кисленко, «через логику производства расследования» [4, с. 38]. Таким образом, государственный обвинитель так же логично, последовательно, как и органы предварительного расследования, может представить суду доказательства.

Результаты изучения правоприменительной практики позволяют сделать вывод, что не всегда у стороны обвинения есть возможность оценки вероятной недопустимости доказательств на стадии утверждения обвинительного заключения (акта). Так, стороной защиты могут быть выбраны различные тактические приемы. В случае активной позиции стороны защиты из материалов уголовного дела уже на стадии предварительного расследования будет просматриваться дальнейшая тактика действий, можно будет предположить заявление тех или иных ходатайств в суде. Однако существует и тактика стороны защиты, выражающаяся в утаивании своих дальнейших действий в суде, в заявлении ходатайств о недопустимости тех или иных доказательств, их «порочности» только на стадии предварительного слушания и судебного следствия. Такая тактика защиты представляет большой интерес для государственного обвинителя в суде и одновременно является достаточно опасной в силу ее непредсказуемости вплоть до начала судебного следствия или назначения судом предварительного слушания.

Следует отметить, что подготовка государственного обвинителя к поддержанию государственного обвинения по уголовным делам коррупционной направленности не может ограничиваться исключительно изучением материалов уголовного дела, выстраива-

нием тактики поддержания обвинения в суде. Нам импонирует точка зрения отдельных авторов, согласно которой подготовка должна включать в себя и взаимодействие с оперативными службами, осуществлявшими оперативное сопровождение по уголовному делу, а также со следственными органами, направившими уголовное дело прокурору в порядке, предусмотренном ст. 220 УПК РФ [5, с. 129]. Такой подход связан с необходимостью комплексной подготовки к участию в деле в качестве государственного обвинителя, представлению доказательств. В то же время у прокурора отсутствуют полномочия изучать упакованные и опечатанные в ходе предварительного расследования вещественные доказательства по уголовному делу, приложения к протоколам следственных действий (носители информации с результатами дополнительной фиксации хода и результатов следственных действий). Данная проблема ранее освещалась в научной литературе [6, с. 190]. Однако и по сей день принцип равноправия сторон с точки зрения возможности ознакомления с материалами уголовного дела и вещественными доказательствами не только стороной защиты, но и стороной обвинения в уголовно-процессуальном законодательстве регламентирован не в полной мере [2, с. 10].

Одной из целей взаимодействия прокурора с оперативными службами и следственными органами является «негласное» получение копий аудио- и видеозаписей хода и результатов оперативно-разыскных мероприятий, следственных и иных процессуальных действий, а также копий иных аудио- и видеозаписей, имеющих значение для уголовного дела, подлинники которых приобщены к материалам дела в качестве вещественных доказательств. Такое «негласное» взаимодействие, безусловно, может привести к тому, что у государ-

ственного обвинителя будет в распоряжении не тождественная вещественному доказательству копия, однако наличие в распоряжении таковой лучше, чем ее отсутствие вовсе. С учетом того, что прокурор наделен полномочиями по процессуальной оценке доказательств по уголовному делу и принятию решения об утверждении обвинительного заключения, но не наделен полномочиями по ознакомлению с вещественными доказательствами, приложениями к протоколам следственных действий, уголовно-процессуальный закон в этой части нуждается во внесении в него соответствующий изменений.

В случае назначения предварительного слушания по уголовному делу государственному обвинителю следует уделить особое внимание ходатайствам, заявленным стороной защиты и послужившим основанием для назначения предварительного слушания. Некоторые авторы считают, что и прокурором могут быть заявлены соответствующие ходатайства о проведении предварительного слушания [7, с. 26–27]. Вместе с тем, с учетом того, что заявлению такого ходатайства предшествует тщательное изучение материалов уголовного дела, а прокуроры, поддерживающие государственное обвинение в суде, фактически зачастую лишены возможности изучения уголовного дела до его поступления в суд, данное право прокурора на практике не реализуется в подавляющем большинстве случаев.

Заявленные ходатайства, даже если они не являются безусловным основанием для возвращения судом уголовного дела прокурору, а также иные ходатайства, прямо не свидетельствующие о порочности тех или иных доказательств, но формально указывающие на это, могут содержать в себе сведения о том, какие доказательства могут быть поставлены под сомнение стороной защиты.

Государственный обвинитель, осуществляющий поддержание государственного обвинения по делам о преступлениях коррупционной направленности, должен обладать не только достаточно высоким уровнем знаний уголовного, уголовно-процессуального законодательства, Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», но и знаниями в других областях юриспруденции, поскольку коррупционные преступления совершаются в различных сферах деятельности. Таким образом, при подготовке к судебному разбирательству необходимо изучить законодательство и в той сфере деятельности, в которой совершено конкретное коррупционное преступление. Так, автору настоящей статьи при подготовке к судебным разбирательствам по уголовным делам потребовалось дополнительно изучить законодательство в области контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, строительства, заключения и реализации различных видов государственных контрактов.

Личный опыт изучения материалов уголовных дел коррупционной направленности при подготовке к поддержанию государственного обвинения позволяет нам констатировать еще одну особенность — некоторые оперативно-розыскные мероприятия по своей сути весьма схожи со следственными действиями, однако порядок их производства не всегда полностью совпадает и, как известно, это различные виды деятельности. Вместе с тем сторона защиты, несмотря на законодательно закрепленное различие составления протокола следственного действия органами предварительного расследования и письменного документирования результатов оперативно-розыскных мероприятий, зачастую указывает на тождественность

таких процессов, как обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и осмотр места происшествия; исследование предметов и документов и назначение и проведение экспертизы и т. п. Зачастую в ходе предварительного слушания защитник заявляет ходатайство об исключении из числа доказательств результатов оперативно-разыскной деятельности, поскольку задокументирована она была без соблюдения требований уголовно-процессуального законодательства. Такая тактика может ввести суд в заблуждение, и государственному обвинителю (а в период проведения предварительного слушания — прокурору) необходимо верно ориентировать суд на принятие решения по результатам рассмотрения такого ходатайства.

При подготовке к судебному разбирательству по уголовным делам коррупционной направленности следует тщательно, с учетом особенностей конкретного уголовного дела и преступления продумать тактику представления доказательств. Так, при поддержании государственного обвинения по уголовным делам, возбужденным на основании результатов оперативно-разыскной деятельности, не всегда следует начинать представление доказательств с показаний свидетелей обвинения, а исследовать в судебном заседании в первую очередь материалы оперативно-разыскных мероприятий в порядке, предусмотренном ст. 285 УПК РФ. Такая тактика применима в случае, когда защита на стадии предварительного следствия «хранит

молчание», не заявляя о порочности каких-либо доказательств. Исследование материалов оперативно-разыскной деятельности позволит стороне обвинения при дальнейших допросах тех или иных свидетелей, участвовавших в проведении оперативно-разыскных мероприятий, задавать вопросы относительно их хода и результатов. При этом государственный обвинитель должен быть уверен в правдивости показаний, которые будет давать свидетель. С целью установления психологического контакта со свидетелем, еще до начала судебного заседания, государственному обвинителю надлежит осведомиться о том, какие именно свидетели явились для участия в судебном разбирательстве. Кроме того, необходимо перед входом в зал судебного заседания представиться свидетелям, сообщить о том, что в заседании планируется допрос по уголовному делу, а также что вопросы свидетелю будут заданы не только государственным обвинителем, но и иными участниками процесса.

Из вышеизложенного следует, что подготовка государственного обвинителя к рассмотрению судом уголовного дела о преступлении коррупционной направленности необходима, позволит ему в полной мере владеть информацией о рассматриваемом судом уголовном деле, продумать тактику представления доказательств или их восполнения, выстроить эффективное взаимодействие с оперативно-разыскными службами и органами предварительного расследования, установить контакт со свидетелем еще до судебного заседания.

Список источников

1. Участие прокурора в рассмотрении судами уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности : сб. ст. по материалам круглого стола (Москва, 20 мая 2022 г.) / Университет прокуратуры Российской Федерации ; под общ. ред. А. В. Жубрина ; науч. ред. К. В. Камчатов ; сост. Е. В. Великая. Москва : УП РФ, 2022. 153 с.
2. Норец А. М. Анализ прокурором материалов уголовного дела о преступлениях коррупционного характера : специальность 12.00.11 «Судебная деятельность, прокурорская

деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Норец Алина Михайловна. Ростов-на-Дону, 2017. 27 с.

3. Погодин С. Б. Особенности судебного производства по делам коррупционной направленности // Рассмотрение в судах уголовных дел коррупционной направленности как итог деятельности правоохранительных органов : материалы науч.-практ. конф. (г. Пенза, 12 мая 2017 г.) / Пензенский гос. ун-т ; под ред. Н. Е. Канцеровой, А. Д. Гулякова. Пенза : ПГУ, 2017. 198 с.

4. Кисленко С. Л. Оптимизация доказательственной деятельности государственного обвинителя в процессе судебного разбирательства уголовных дел // Законность. 2023. № 6 (1064). С. 36–41.

5. Гаврина К. В. Проблемы, возникающие при поддержании прокурором государственного обвинения по делам коррупционной направленности // Рассмотрение в судах уголовных дел коррупционной направленности как итог деятельности правоохранительных органов : материалы науч.-практ. конф. (г. Пенза, 12 мая 2017 г.) / Пензенский гос. ун-т ; под ред. Н. Е. Канцеровой, А. Д. Гулякова. Пенза : ПГУ, 2017. 198 с.

6. Михайлова А. П. О полномочиях прокурора при проверке вещественных доказательств по уголовному делу, оконченому производством // Аграрное и земельное право. 2023. № 6 (222). С. 189–191.

7. Ермакова Т. А. Поддержание обвинения прокурором: теория, законодательство, практика : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ермакова Татьяна Алексеевна. Москва, 2009. 34 с.

Информация об авторе

У. А. Калугина – заместитель прокурора Калининского района Санкт-Петербурга.

Information about the author

U. A. Kalugina – Deputy Prosecutor of the Kalininsky district of St. Petersburg.

Научная статья
УДК 343.2

КОНФИСКАЦИЯ ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА, НАХОДЯЩЕГОСЯ В ОБЩЕЙ СОБСТВЕННОСТИ, ИСПОЛЬЗОВАННОГО ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Алла Владимировна КАФИАТУЛИНА

Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС), Иваново, Россия, kafiatulina.alla@yandex.ru

Аннотация. Согласно части первой статьи 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации конфискация имущества есть принудительное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора указанного в нем имущества. Федеральным законом от 14 июля 2022 года № 258-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» часть 1 статьи 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации дополнена пунктом «д» — конфискация транспортного средства, принадлежащего обвиняемому и использованного им при совершении преступления, предусмотренного статьей 264.1, 264.2 или 264.3 Уголовного кодекса Российской Федерации. Целью настоящего исследования стал анализ складывающейся правоприменительной практики. Автор приходит к выводу о том, что споры о конфискованном транспортном средстве, находящемся в общей собственности супругов, могут перейти из уголовно-правовой плоскости в гражданско-правовую и требуется выработка надлежащего механизма их регулирования.

Ключевые слова: конфискация, транспортное средство, мера уголовно-правового характера, общая совместная собственность, арест имущества, вещественное доказательство

Для цитирования: Кафиатулина А. В. Конфискация транспортного средства, находящегося в общей собственности, использованного при совершении преступления // КриминалистЪ. 2025. № 1 (50). С. 50 – 58.

Original article

CONFISCATION OF A VEHICLE USED IN COMMON OWNERSHIP, IN THE COMMISSION OF A CRIME

Alla V. KAFIATULINA

Ivanovo branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Ivanovo, Russia, kafiatulina.alla@yandex.ru

Abstract. According to Part 1 of Article 104.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, confiscation of property constitutes the compulsory seizure and conversion into state ownership of property specified in a guilty verdict. Federal Law No. 258-FZ of July 14, 2022, «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 31 and 150 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation», amended Part 1 of Article 104.1 of the Criminal Code of the Russian Federation by adding paragraph «d»: the confiscation of a vehicle belonging to the accused and used by him/her in the commission of a crime under Article 264.1, 264.2, or 264.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. This research aims to analyse the developing law

© Кафиатулина А. В., 2025

enforcement practice. The author concludes that disputes concerning a confiscated vehicle held in the joint property of spouses may shift from the criminal-legal sphere to the civil-legal sphere, requiring the development of an appropriate regulatory mechanism.

Keywords: confiscation, vehicle, measure of a criminal nature, common joint property, seizure of property, material evidence

For citation: Kafiatalina A. V. Confiscation of a vehicle used in common ownership, in the commission of a crime. Criminalist. 2025;1(50):50-58. (In Russ.).

Согласно ч. 1 ст. 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) конфискация имущества есть принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора указанного в нем имущества. Федеральным законом от 14 июля 2022 года № 258-ФЗ¹ эта норма дополнена пунктом «д» — конфискация транспортного средства, принадлежащего обвиняемому и использованного им при совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1, 264.2 или 264.3 УК РФ.

Для применения положений п. «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ суду необходимо установить наличие двух условий: принадлежность транспортного средства подозреваемому (обвиняемому) и исполь-

зование этого транспортного средства при совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1, 264.2 или 264.3 УК РФ.

В связи с вопросами, возникающими у судов при конфискации имущества по уголовным делам, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 14 июня 2018 года № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» отметил, что принадлежащим обвиняемому следует считать имущество, находящееся в его собственности, но далее уточнил, что имущество также может находиться в общей собственности обвиняемого и других лиц, в том числе совместной собственности супругов².

**Практика применения меры уголовно-правового характера
в виде конфискации имущества (ст. 104.1 УК РФ)³**

Год	Количество, ед.
2021	3 834
2022	5 530
2023	18 931

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 258-ФЗ // Официальное опубликование правовых актов : сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207140029> (дата обращения: 21.10.2024).

² О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 г. № 17 : текст с изм. и доп. на 12 дек. 2023 г. // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/33245/> (дата обращения: 25.10.2024).

³ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции (форма № 1) // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 06.09.2024).

Факт принадлежности обвиняемому (подсудимому) транспортного средства, использованного им при совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1, 264.2 или 264.3 УК РФ, относится к предмету доказывания по уголовному делу и должен быть установлен судом на основе исследованных в судебном заседании доказательств¹.

В большинстве случаев установление факта принадлежности обвиняемому (подсудимому) транспортного средства на праве собственности не вызывает затруднений (в том числе когда такое транспортное средство находится в совместной собственности супругов). Доказательствами принадлежности лицу транспортного средства на праве собственности могут быть: документы, подтверждающие приобретение имущества, — договор купли-продажи; учетные карточки Госавтоинспекции; показания свидетелей; отсутствие данных о выдаче водительского удостоверения супругу /супруге на право управления транспортным средством в информационных ресурсах Госавтоинспекции; отсутствие заключенного супругами брачного договора; заключение договора обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств в отношении одного лица (подозреваемого, обвиняемого, подсудимого), допущенного к управлению спорным автомобилем; постановление по делу об административном правонарушении, совершенном обвиняемым (подсудимым); отсутствие передачи денежных средств обвиняемому (подсудимому) и (или) передачи самого транспортного средства другому участнику договора.

Однако на практике возникают ситуации, неоднозначно решаемые судами разных уровней.

Так, Ухтинский городской суд Республики Коми не усмотрел возможности

конфискации использованного осужденным автомобилем в связи с принадлежностью транспортного средства супруге осужденного. С таким решением согласились суды апелляционной и кассационной инстанций. Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации приговор в данной части отменен и передан на новое рассмотрение².

Приговором Звениговского районного суда Республики Марий Эл конфискован и обращен в доход государства принадлежащий осужденному автомобиль. Апелляционным постановлением Верховного суда республики Марий Эл приговор оставлен без изменения. Постановлением Шестого кассационного суда общей юрисдикции приговор и апелляционное постановление отменены в части решения о конфискации принадлежащего осужденному автомобиля. Принимая решение об отмене приговора и апелляционного определения в части конфискации и обращения в собственность государства принадлежащего осужденному автомобиля, суд кассационной инстанции указал, что суд первой инстанции не мотивировал необходимость изъятия транспортного средства из владения осужденного, а суд апелляционной инстанции, несмотря на представленный договор от 20 августа 2022 года о продаже последним указанного автомобиля своей дочери — И. и переходе в этой связи к ней права собственности, не рассмотрел возможность применения положений ч. 1 ст. 104.2 УК РФ о конфискации у виновного денежной суммы, соответствующей сто-

¹ Там же.

² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2023 г. № 3-УДП23-16-К3 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : сайт. URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-19122023-n-3-udp23-16-k3/> (дата обращения: 06.10.2024).

имости данного имущества. Отменяя постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации указала, что факт отчуждения автомобиля дочери осужденного до момента совершения преступления (кроме договора купли-продажи) не подтвержден иными доказательствами¹.

Приговором Судогодского районного суда Владимирской области конфисковано транспортное средство осужденного, которое на момент принятия решения подарено супруге. Апелляционным постановлением Владимирского областного суда и кассационным постановлением Второго кассационного суда общей юрисдикции приговор оставлен без изменения. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, оставляя в силе решения судов, указала, что, действительно, в материалах уголовного дела находится договор дарения автомобиля, датированный 24 мая 2023 года, однако, как правильно указали суд первой инстанции и суды последующих инстанций, на момент совершения преступления, т. е. 3 июня 2023 года, конфискованный автомобиль находился в собственности осужденного и был перерегистрирован на Р. лишь 11 июля 2023 года².

Приговором Ленинского районного суда г. Кирова конфискован автомобиль

осужденного. Апелляционным постановлением Кировского областного суда приговор оставлен без изменения. Постановлением Шестого кассационного суда общей юрисдикции приговор и апелляционное постановление в части конфискации транспортного средства отменены. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, отменяя постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции, указала, что установление факта нахождения имущества в общей собственности нескольких лиц, в том числе состоящих в фактических брачных отношениях, не исключает возможность конфискации этого имущества³.

Приговором Подольского городского суда Московской области в пользу Российской Федерации конфискован автомобиль осужденного. Отменяя вынесенное решение, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации указала, что решение о конфискации автомобиля принято судом первой инстанции на основании уголовного закона, не вступившего в законную силу на дату совершения преступления⁴.

Разрешая вопрос о судьбе вещественного доказательства — автомобиля, принадлежащего подсудимому, суд первой инстанции указал в приговоре об учете семейного и материального положения

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10 августа 2023 г. № 12-УДП23-5-К6 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : сайт. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-10082023-n-12-udp23-5-k6/> (дата обращения: 20.10.2024).

² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 сентября 2024 г. № 86-УД24-9-К2 // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2404316 (дата обращения: 06.10.2024).

³ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 июля 2024 г. № 10-УДП24-7-К6 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : сайт. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-16072024-n-10-udp24-7-k6/> (дата обращения: 09.10.2024).

⁴ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 2024 г. № 4-УД24-39-К1 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : сайт. URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-05112024-n-4-ud24-39-k1/> (дата обращения: 08.11.2024).

подсудимого, что он впервые привлекается к уголовной ответственности, и не усмотрел оснований для конфискации транспортного средства¹.

Относительно большинства приведенных нами примеров возникает закономерный вопрос: как безвозмездное изъятие имущества (конфискация) соотносится с аксиомой о неприкосновенности собственности, изложенной в ст. 35 Конституции Российской Федерации?

Точку в этом вопросе поставил Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 25 июня 2024 года № 1498-О².

Так, приговором суда (с учетом изменений, внесенных апелляционным постановлением) за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264.1 УК РФ, осужден В., а также постановлено конфисковать автомобиль, которым он управлял при совершении преступления. И апелляционный суд, и вышестоящие суды отклонили доводы супруги осужденного В. — Валетовой Н. В. о незаконности конфискации автомобиля, который находится в их общей совместной собственности.

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 9 апреля 2024 г. Дело № 64-УДП24-2-К9 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : сайт. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-09042024-n-64-udp24-2-k9/> (дата обращения: 21.10.2024).

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Валетовой Натальи Вячеславовны на нарушение ее конституционных прав пунктом «д» части первой статьи 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и пунктом 1 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 июня 2024 г. № 1498-О // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : сайт. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-25062024-n-1498-o/> (дата обращения: 06.10.2024).

Валетова Н. В. обратилась в Конституционный Суд Российской Федерации с жалобой на нарушение ее конституционных прав п. «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ и п. 1 ст. 1 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Конституционный Суд Российской Федерации, рассмотрев жалобу Валетовой Н. В., в Определении от 25 июня 2024 года № 1498-О сформулировал следующие выводы: «Конфискация орудий и иных средств совершения преступления представляет собой — в контексте действующего уголовного законодательства — публично-правовую санкцию, структурно обособленную (и, как следствие, автономную) от наказания; как мера уголовно-правового характера, выражающаяся в возложении на обвиняемого (осужденного) обязанности претерпеть дополнительные (по отношению к наказанию) правоограничения уголовно-превентивного свойства, она по своей конституционно-правовой природе соотносима по некоторым признакам с наказанием, но не тождественна ему»³.

Конституционный Суд Российской Федерации указывает на возможность оспаривания любым из супругов решения о конфискации транспортного средства, находящегося в совместной собственности, в соответствии с ч. 1 ст. 389.1 и ч. 1 ст. 401.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ).

Действительно, круг лиц, которые могут обжаловать приговор суда в апелляционном и кассационном порядке, достаточно широк, однако проанализированная нами судебной практики свидетельствует, что такое обжалование судебного приговора в части конфискации транспортного средства результата не приносит.

³ Там же.

Между тем по смыслу п. «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ суд может конфисковать имущество виновного, находящееся в общей собственности, в том числе если оно принадлежит на праве собственности двум или несколькими лицам.

Имущество может находиться в общей собственности с определением доли каждого из собственников в праве собственности (долевая собственность) или без определения таких долей (совместная собственность) (п. 2 ст. 244 Гражданского кодекса Российской Федерации, далее — ГК РФ).

Общая собственность на имущество является долевой, за исключением случаев, когда законом предусмотрено образование совместной собственности на это имущество (п. 3 ст. 244 ГК РФ).

Так, Семейный кодекс Российской Федерации (далее — СК РФ) определяет, что имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью, при этом, по общему правилу, доли супругов в этом имуществе признаются равными.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 5 ноября 1998 года № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» указал, что общей совместной собственностью супругов, подлежащей разделу (пп. 1 и 2 ст. 34 СК РФ), является любое нажитое ими в период брака движимое и недвижимое имущество, которое в силу ст. 128, 129, пп. 1 и 2 ст. 213 ГК РФ может быть объектом права собственности граждан, независимо от того, на имя кого из супругов оно было приобретено или внесены денежные средства, если брачным договором между ними не установлен иной режим этого имущества¹.

¹ О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 15 // Верховный Суд Российской Федерации :

По общему правилу, моментом возникновения права собственности (в том числе на транспортное средство) у приобретателя вещи по договору является момент ее передачи, если иное не предусмотрено законом или договором.

Регистрация транспортного средства носит учетный характер и не служит основанием для возникновения на него права собственности. Для постановки на регистрационный учет собственнику предоставлено 10 суток.

Государственная регистрация транспортного средства осуществляется регистрационными подразделениями за собственником транспортного средства, или лицом, владеющим транспортным средством на праве хозяйственного ведения, на праве оперативного управления либо на основании договора лизинга, или одним из родителей, усыновителей либо опекунов (попечителей) лица, не достигшего возраста 16 лет, являющегося собственником транспортного средства, или опекуном недееспособного гражданина, являющегося собственником транспортного средства².

Гражданский кодекс Российской Федерации и другие федеральные законы не содержат норм, ограничивающих правомочия собственника по распоряжению транспортным средством в случаях, когда транспортное средство не снято им с регистрационного учета.

В силу п. 1 ст. 223 ГК РФ при отчуждении транспортного средства действует общее правило относительно момента возникновения права собственности

офици. сайт. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/7783/> (дата обращения: 04.10.2024).

² Правила государственной регистрации транспортных средств в регистрационных подразделениях Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации : утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2019 г. № 1764 : текст с изм. и доп. на 2 дек. 2022 г. // Консультант-Плюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_341398/ (дата обращения: 12.10.2024).

у приобретателя движимой вещи — с момента передачи транспортного средства. В законодательстве отсутствуют нормы о том, что у нового приобретателя транспортного средства по договору не возникает на него право собственности, если прежний собственник не снял его с регистрационного учета¹. Таким образом, факт регистрации транспортного средства в Госавтоинспекции не влечет возникновения права собственности на автомобиль. Законодательно установленное требование о государственной регистрации автомобиля носит учетный, а не правоустанавливающий характер. С моментом регистрации транспортного средства связано возникновение налоговых правоотношений. Плательщиками транспортного налога признаются лица, на которых в соответствии с законодательством Российской Федерации зарегистрированы транспортные средства, признаваемые объектом налогообложения.

При наличии в общей совместной собственности супругов транспортного средства их доли в праве собственности на это транспортное средство признаются равными независимо от того, на кого зарегистрировано данное транспортное средство. Налогоплательщиком выступает тот, на кого зарегистрировано транспортное средство, источником же налога является семейный бюджет.

Указанную сложность прогнозировали авторы законопроекта, предложив следующий вариант ее разрешения: «Если транспортное средство находится в долевой или общей совместной собственности, то в этом случае нетрезвый водитель должен будет возмещать соответствующую долю в денежном

эквиваленте другому владельцу либо транспортное средство полностью переходит в собственность второго владельца, то есть того, кто не является нарушителем. Либо возможен вариант, при котором владелец транспортного средства, не являющийся нарушителем, имеет право первоочередного выкупа теперь уже у государства соответствующей доли, то есть конфискованной у нетрезвого водителя»².

Так, Определением Конституционного Суда Российской Федерации от 29 октября 2024 года № 2958-О отказано в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мироненко Н. О. на нарушение ее конституционных прав п. «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. Заявительница была не согласна с решением о конфискации транспортного средства ее бывшего супруга. Отказывая в принятии жалобы Мироненко Н. О., Конституционный Суд Российской Федерации указал, что, как следует из правовых позиций, выраженных в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июля 2021 года № 35-П³, бывший супруг, будучи заинтересованным в сохранении за собой права на общее имущество супругов, должен сам предпринимать меры — в соответствии с требованиями разумности и осмотрительности — по контролю за ним и в том числе, когда это отвечает его интересам, совершать действия, направленные на своевременный раздел данного имущества⁴.

² Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/238005-8> (дата обращения: 04.02.2024).

³ По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Мокеева : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июля 2021 г. № 35-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мироненко Натальи Оле-

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2017) : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 апреля 2017 г. // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://vsrf.ru/documents/practice/15909/> (дата обращения: 12.02.2024).

Раздел общего имущества супругов может быть произведен как в период брака, так и после его расторжения по требованию любого из супругов, а также в случае заявления кредитором требования о разделе общего имущества супругов для обращения взыскания на долю одного из супругов в общем имуществе супругов. К требованиям супругов о разделе общего имущества супругов, брак которых расторгнут, применяется трехлетний срок исковой давности.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 5 ноября 1998 года № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» указал, что в состав имущества, подлежащего разделу, включается общее имущество супругов, имеющееся у них в наличии на время рассмотрения дела либо находящееся у третьих лиц¹. Таким образом, бывший супруг при конфискации транспортного средства за совершение преступления утрачивает возможность раздела такого имущества.

В целях защиты интересов законного совладельца конфискованного имущества предлагаем следующие варианты разрешения этого вопроса.

1. При рассмотрении уголовного дела и принятии решения о конфискации транспортного средства, использованного подсудимым при совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1, 264.2, 264.3 УК РФ, судам следует уста-

новны на нарушение ее конституционных прав пунктом «д» части первой статьи 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 октября 2024 г. № 2958-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 15 // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/7783/> (дата обращения: 04.10.2024).

навливать наличие права собственности виновного на указанное транспортное средство. Это позволит избежать нарушения конституционного права на неприкосновенность частной собственности.

2. Если транспортное средство находится в общей собственности супругов или иных лиц, суду в приговоре следует рассматривать вопрос о конфискации денежной суммы, которая соответствует половине стоимости транспортного средства, использованного обвиняемым при совершении преступления.

3. При приведении в исполнение вступившего в законную силу приговора, которым конфисковано транспортное средство, принадлежащее осужденному на праве общей совместной собственности, денежные средства, вырученные от реализации имущества, перечисляются на депозитный счет службы судебных приставов, половина стоимости реализованного транспортного средства должна быть возвращена второму законному собственнику указанного имущества. Этот вопрос может быть решен, на наш взгляд, посредством подачи административного искового заявления в порядке административного судопроизводства.

4. В целях реализации законодательного положения, закрепленного в п. «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, и рекомендаций Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изложенных в постановлении от 14 июня 2018 года № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве», предлагаем ч. 1 ст. 299 УПК РФ дополнить п. 10.2 следующего содержания: «доказано ли, что транспортное средство, использованное подсудимым при совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1, 264.2, 264.3 УК РФ, принадлежит ему на праве собственности» [6].

5. Предлагаем п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 года № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» дополнить указанием на п. «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ [1].

Список источников

1. Кафиатулина А. В. Конфискация транспортного средства, принадлежащего обвиняемому и использованного им при совершении преступления, предусмотренного статьей 264.1, 264.2 или 264.3 Уголовного кодекса РФ // Уголовная политика и правоприменительная практика : сб. ст. по материалам X Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 27 октября 2023 г. / Российский гос. ун-т правосудия. Санкт-Петербург : Астерион, 2023. С. 292 – 296. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_54602796_40831429.pdf (дата обращения: 21.10.2024).

Информация об авторе

А. В. Кафиатулина – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Ивановского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС), кандидат юридических наук.

Information about the author

A. V. Kafiatulina – Associate Professor at the Department of criminal law, Ivanovo branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Candidate of Science (Law).

Научная статья
УДК 343.3/7

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОСОБО ЦЕННЫХ РАСТЕНИЙ: НОВОЕ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Татьяна Михайловна ПЕТРОВА

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, tatyasalniko@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые вопросы законодательной регламентации ответственности за действия, связанные с уничтожением, незаконной добычей и оборотом редких объектов растительного мира. Автор анализирует действующее уголовное законодательство и предлагает собственный подход к решению проблемы охраны и защиты исчезающих видов дикой флоры.

Ключевые слова: особо охраняемые виды растительного мира, экологические преступления, Красная книга, статья 260.1 Уголовного кодекса Российской Федерации

Для цитирования: Петрова Т. М. Вопросы квалификации и законодательной регламентации преступлений против особо ценных растений: новое в уголовном законодательстве // КриминалистЪ. 2025. № 1 (50). С. 59 – 64.

Original article

ISSUES OF CLASSIFICATION AND LEGISLATIVE REGULATION OF CRIMES AGAINST ESPECIALLY VALUABLE PLANTS: NEW DEVELOPMENTS IN CRIMINAL LEGISLATION

Tatyana M. PETROVA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, tatyasalniko@yandex.ru

Abstract. This article considers certain aspects of the legislative regulation of liability for actions related to the destruction, illegal harvesting, and trafficking of rare plant species. The author analyses current criminal legislation and proposes a unique approach to the problem of protecting and preserving endangered wild flora.

Keywords: especially protected plant species, environmental crimes, Red Book, Article 260.1 of the Criminal Code of the Russian Federation

For citation: Petrova T. M. Issues of classification and legislative regulation of crimes against especially valuable plants: new developments in criminal legislation. Criminalist. 2025;1(50):59-64. (In Russ.).

Анализ экологических проблем, поиск оптимальных путей их решения являются главной темой многих научных

исследований на протяжении последних десятилетий. Учеными разрабатывается научно-категориальный аппарат, пред-

© Петрова Т. М., 2025

лагаются меры по эффективному правовому регулированию возникающих проблем экологической безопасности.

Между тем деградация окружающей среды продолжается, приобретая фактически форму бедствия в глобальном масштабе. Среди всех проблем экологического характера вымирание диких животных и растений, в особенности тех из них, которые представляют особую ценность и подлежат специальной охране со стороны государства, признается одной из наиболее острых и актуальных. Согласно Стратегии сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов в Российской Федерации на период до 2030 года¹, основными причинами перехода видов животных, растений и грибов в категорию редких и находящихся под угрозой исчезновения являются деградация и сокращение мест обитания в результате масштабного хозяйственного освоения территорий и прямое преследование со стороны человека, обусловленное какой-либо ценностью самого животного или растения.

Из всех способов защиты любых социальных отношений уголовно-правовая охрана выступает наиболее действенным и эффективным. Однако она должна опираться на хорошо проработанную нормативно-правовую базу и основываться на теоретических знаниях, разработанных научным сообществом.

Согласно статистическим сведениям Министерства внутренних дел Российской Федерации, за период 2023 года на территории нашей страны было зарегистрировано 16 211 экологических преступлений, что на 15 % ниже по-

казателей предыдущего года². И хотя официальные цифры свидетельствуют о незначительном снижении уровня преступности в рассматриваемой сфере, в силу латентности таких преступлений, которая, по мнению многих исследователей и правоприменителей, составляет порядка 90 % [1], актуальность именно уголовно-правовой защиты редких и исчезающих видов животных и растений более чем очевидна.

До недавнего времени уголовная ответственность за уничтожение объектов растительного мира, занесенных в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемых международными договорами Российской Федерации, законодателем вообще не предусматривалась. Посягательства на редкие объекты растительного мира, находящиеся под особой охраной, возможно было квалифицировать лишь по ст. 8.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) либо, при условии доказанности факта совершения деяния в значительном, крупном или особо крупном размере или причинения значительного, крупного или особо крупного ущерба, по ст. 260, 261 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), что явно не соответствовало степени их общественной опасности и требовало своего осмысления [2, с. 64].

Приведем примеры из правоприменительной практики. Из материалов уголовного дела № 1-664/2015 следует, что С. совместно с иным лицом с целью незаконной рубки лесных насаждений и дальнейшего их использования в личном хозяйстве, не оформив должным образом соответствующего разрешения на рубку лесных насаждений, спилил два ствола сосны крымской, занесенной

¹ Стратегия сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов в Российской Федерации на период до 2030 года : утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 февраля 2014 г. № 212-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Состояние преступности в России за январь — декабрь 2023 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 15.10.2024).

на тот момент в Красную книгу Российской Федерации. По сведениям Ботанического сада Республики Крым, стоимость одной сосны крымской составляет 75 тысяч рублей. Для того чтобы вырастить одно такое дерево до двух метров, необходимо провести ряд мероприятий и затратить значительное количество финансовых средств в течение порядка десяти лет. Нахимовским районным судом города Севастополя Республики Крым С. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 260 УК РФ¹.

Согласно материалам уголовного дела № 1-296/2018, Р. совершил незаконную рубку для личных нужд одного сырораствующего дерева вида сосна крымская, или сосна Палласа, занесенного в Красную книгу Российской Федерации, причинив своими действиями материальный ущерб в крупном размере на сумму 75 тысяч рублей. Нахимовским районным судом города Севастополя Республики Крым Р. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 260 УК РФ².

Федеральным законом от 14 апреля 2023 года № 113-ФЗ введена уголовная ответственность за умышленные уничтожение или повреждение, а равно незаконные добычу, сбор и оборот особо ценных растений и грибов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации. В пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской

Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» указано, что в ряде субъектов Российской Федерации в течение последних лет наблюдается значительное увеличение случаев уничтожения редких видов растений, занесенных в Красную книгу Российской Федерации. При этом подчеркнуто, что особую актуальность эта проблема приобретает в регионах, являющихся местом произрастания большого количества эндемичных видов растений, например Дальний Восток, горный Алтай, Крым³. Введение ст. 260.1 в Уголовный кодекс Российской Федерации явилось прямым доказательством того, что законодатель признал повышенную общественную опасность деяний, связанных с посягательствами на краснокнижные объекты растительного мира.

Однако, как и все новые статьи, вносимые в уголовный закон, статья об уголовной ответственности за посягательства на краснокнижные виды растений и грибов в редакции, предложенной законодателем, имеет определенные недостатки, которые, несомненно, скажутся на эффективности применения уголовно-правовой нормы на практике.

Предметом данного преступления являются особо ценные объекты растительного мира — растения и грибы, занесенные в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемые международными договорами Российской Федерации. В юридической литературе высказывается позиция о принятии отдельного перечня видов особо ценных растений и грибов для целей ст. 260.1 УК РФ, за уничтожение которых насту-

¹ Приговор Нахимовского районного суда города Севастополя (Республика Крым) от 5 ноября 2015 г. по делу № 1-664/2015 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 12.10.2024).

² Приговор Нахимовского районного суда города Севастополя (Республика Крым) от 24 октября 2018 г. по делу № 1-296/2018 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 12.10.2024).

³ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности : офиц. сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1157845-7> (дата обращения: 15.10.2024).

пает уголовная ответственность [3, с. 49]. Заявлено и о необходимости выработать четкие критерии формирования такого перечня ценных объектов растительного мира, чтобы избежать необоснованного включения в него редких видов растений, не обладающих повышенной ценностью [4, с. 128].

Законодателем вопрос отнесения тех или иных объектов растительного мира к числу ценных разрешен путем внесения изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 31 октября 2013 года № 978, которым утвержден Перечень особо ценных диких животных, водных биологических ресурсов, растений и грибов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, для целей статей 226.1, 258.1 и 260.1 Уголовного кодекса Российской Федерации¹. В соответствии с данным Перечнем в новой редакции к числу особо ценных растений отнесены всего два представителя дикой флоры — женьшень настоящий (*panax ginseng*) и родиола розовая (*rhodiola rosea* (*rhodiola arctica*)). В Перечень же объектов растительного мира, занесенных в Красную книгу Российской Федерации, включено несколько сотен видов уязвимых растений, подлежащих особой охране².

¹ Об утверждении перечня особо ценных диких животных, водных биологических ресурсов, растений и грибов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, для целей статей 226.1, 258.1 и 260.1 Уголовного кодекса Российской Федерации : Постановление Правительства Российской Федерации от 31 октября 2013 г. № 978 : текст с изм. и доп. на 5 окт. 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Перечня объектов растительного мира, занесенных в Красную книгу Российской Федерации : Приказ Минприроды России от 23 мая 2023 г. № 320 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1301909451> (дата обращения: 15.10.2024).

Таким образом, за посягательства на объекты ценной дикой флоры, за исключением указанных выше женьшеня настоящего и родиолы розовой, возможно наступление либо административной ответственности по ст. 8.35 КоАП РФ, либо уголовной по ст. 260, 261 УК РФ при условии доказанности факта совершения деяния в значительном, крупном или особо крупном размере или причинения значительного, крупного или особо крупного ущерба. Не охваченными новой статьей уголовного законодательства остались и дикие растения, занесенные в Красные книги субъектов Российской Федерации. При этом такие Книги предоставляют информацию о частях ареалов их видов и подвидов и являются основой для общей национальной Красной книги. Именно на региональном уровне можно быстрее и эффективнее решить проблему сохранности того или иного вида. Ведение региональных Красных книг является своего рода мониторингом биологического разнообразия на региональном уровне.

В диспозиции ч. 1 ст. 260.1 УК РФ перечислены действия, влекущие уголовную ответственность: умышленные уничтожение или повреждение до степени прекращения роста особо ценных растений и грибов, их незаконные добыча, сбор, приобретение, хранение, перевозка, пересылка, продажа. То есть установлена одинаковая ответственность за разные по своей сути деяния в отношении краснокнижных объектов растительного мира. При этом не совсем ясно, что именно имеется в виду под добычей особо ценных растений, а также под их сбором. В литературе на этот счет встречаются разные мнения. Так, Н. Г. Иванов определяет добычу как вид промысла и полагает, что при добыче масштаб изъятия объектов из природной среды меньше, чем при сборе [5, с. 26]. Другие исследователи разграничивают «добычу» и «сбор» с технической позиции.

При этом как добычу рассматривают выкапывание корня растения, а срезание, срывание верхушечной части растения (стеблей, листьев, цветков) как сбор [6, с. 49].

Если исходить из того, что диспозиции статей главы 26 УК РФ имеют бланкетный характер, то следует обратиться к экологическому законодательству. Понятие добычи применительно к водным биологическим ресурсам дано в ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 20 декабря 2004 года № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов»¹. Под ней подразумевают изъятие водных биоресурсов из среды их обитания. Соответственно, можно сделать вывод, что такое действие, как добыча, применимо к водным растениям, а сбор — к растениям, произрастающим на суше. Однако к предметам преступления, предусмотренного ст. 260.1 УК РФ, уязвимые водные растения законодатель не относит.

При конструировании ст. 260.1 УК РФ законодатель вновь предусмотрел один уровень уголовной ответственности за совершение преступления группой лиц по предварительному сговору и организованной группой, по аналогии со структурой ст. 258.1 УК РФ. При том что общественная опасность преступных деяний, совершенных организованной группой, на порядок выше, чем совершенных группой лиц по предварительному сговору. В связи с этим следовало установить уголовную ответственность за преступления, совершенные в разных видах соучастия, в отдельных частях ст. 260.1 УК РФ.

Следует также обратить внимание и на размер санкций, предусмотренных новой статьей. Преступления, квалифицируемые по чч. 1 и 2 ст. 260.1 УК РФ,

отнесены законодателем к категории преступлений средней тяжести, а предусмотренные чч. 3–6 — к тяжким.

На наш взгляд, заслуживает внимания вопрос криминализации уничтожения и незаконного оборота краснокнижных объектов растительного мира с использованием такого института, как административная преюдиция. Его суть заключается в установлении уголовной ответственности за уничтожение и незаконный оборот особо охраняемых диких растений при условии, что виновное лицо ранее было привлечено к административной ответственности и подвергнуто административному наказанию за аналогичное правонарушение. Реализация данной конструкции возможна путем включения в Уголовный кодекс Российской Федерации новой нормы, аналогичной соответствующей норме Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Уголовно-правовые нормы с административной преюдицией способны более плавно криминализировать заявленные деяния. Проблемы криминализации браконьерства в отношении особо охраняемых диких растений рассматривались автором в ранних публикациях [7].

Правоприменительная практика по ст. 260.1 УК РФ еще не начала складываться, в связи с чем говорить о реализации в практической деятельности рассматриваемого нововведения пока рано.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что внесенные в уголовное законодательство дополнения своевременны, целесообразны и направлены на дальнейшую защиту уязвимых видов живой природы от преступных посягательств. Однако для наиболее эффективного применения уголовно-правовых норм на практике механизм их действия должен быть хорошо проработан, что позволит избежать ошибок при квалификации таких деяний.

¹ О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов : Федеральный закон от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ : текст с изм. и доп. на 29 мая 2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Список источников

1. Лопашенко Н. А. Экологические преступления : Комментарий к главе 26 УК РФ. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2002. 802 с. (Научно-практический комментарий).
2. Антонова Е. Ю. Уголовная ответственность за незаконные добычу и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов: вопросы квалификации // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2016. № 1. С. 64 – 66.
3. Атабаева Т. Ш. Новеллы УК РФ, предусматривающие ответственность за причинение вреда растениям и грибам, занесенным в Красную книгу РФ, и проблемы их применения // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2023. № 1 (22). С. 48 – 53.
4. Мезенцева М. В. Проблема критериев особой ценности диких животных и водных биологических ресурсов, включенных в перечень постановления Правительства РФ для целей статей 226.1 и 258.1 Уголовного кодекса РФ // Журнал правовых и экономических исследований. 2023. № 2. С. 126 – 134.
5. Иванов Н. Г. Уголовная ответственность за умышленное уничтожение или повреждение, а равно незаконные добычу, сбор и оборот особо ценных растений и грибов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации (ст. 260.1 УК РФ) // Уголовное право. 2023. № 10. С. 24 – 31.
6. Яковлева Л. В., Майорова Е. И., Улейчик В. В. Спорные вопросы квалификации незаконных действий с особо ценными растениями и грибами (статья 260.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Российский следователь. 2024. № 10. С. 47 – 50.
7. Петрова Т. М. Проблемы криминализации браконьерства в отношении особо охраняемых диких растений // Актуальные проблемы государства, права и экономики : материалы XII межвуз. науч. конф. студентов и аспирантов, Санкт-Петербург, 24 апреля 2021 г. / С.- Петерб. юрид. ин-т (фил.) Ун-та прокуратуры Российской Федерации ; под общ. ред. А. А. Сапожкова. Санкт-Петербург : СПб ЮИ (ф) УП РФ, 2021. С. 279–285. 1 СД-R (5, 64 Мб).

Информация об авторе

Т. М. Петрова – аспирант Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

T. M. Petrova – Postgraduate Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation,

Научная статья
УДК 343.34

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННОГО НЕОКОНЧЕННОГО СБЫТА ОРУЖИЯ

Александр Юрьевич РЕШЕТНИКОВ

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
Москва, Россия, criminal-law@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме уголовно-правового противодействия незаконному обороту оружия, рассматриваемой с позиции теории и судебной практики. Автор анализирует противоречия в оценке юридического окончания сбыта оружия, демонстрируя разночтения в подходах судов и теоретиков. Особое внимание уделено оценке незаконного сбыта оружия путем его пересылки, а также квалификации подобных деяний в контексте оперативно-разыскных мероприятий. Обосновывается вывод о том, что сбыт оружия следует признавать оконченным преступлением вне зависимости от фактического получения оружия приобретателем, так как вред объекту преступления причиняется уже при нарушении порядка обращения оружия. Также рассматриваются вопросы совокупности преступлений при совершении нескольких действий, предусмотренных ст. 222 УК РФ. Автор предлагает дополнить постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации конкретными правилами квалификации сбыта оружия.

Ключевые слова: незаконный оборот оружия, покушение на преступление, судебная ошибка, квалификация преступлений

Для цитирования: Решетников А. Ю. Вопросы квалификации незаконного неоконченного сбыта оружия // КриминалистЪ. 2025 № 1 (50). С. 65 – 69.

Original article

ISSUES OF QUALIFICATION OF INCOMPLETE ILLICIT WEAPON TRAFFICKING

Alexander Yu. RESHETNIKOV

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia, criminal-law@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the pressing issue of criminal law counteraction to the illicit trafficking of weapons, analysed from theoretical and judicial practice perspectives. The author examines inconsistencies in assessing the legal completion of weapon trafficking, highlighting divergent approaches among courts and theorists. Special attention is paid to cases of illegal weapon trafficking through shipment and the qualification of such acts in the context of investigative operations. The study substantiates the conclusion that weapon trafficking should be recognized as a completed crime regardless of whether the recipient actually receives the weapon, as harm to the object of the crime is inflicted upon violating the order of weapon circulation. Additionally, issues of crime aggregation in cases involving multiple actions under Article 222 of the Criminal Code of the Russian Federation are analysed. The author suggests improving normative regulation and judicial practices by amending the Supreme Court rulings with specific guidelines on the qualification of weapon trafficking.

© Решетников А. Ю., 2025

Keywords: illicit weapon trafficking, attempted crime, judicial error, crime qualification

For citation: Reshetnikov A. Yu. Issues of qualification of incomplete illicit weapon trafficking. *Criminalist*. 2025;1(50):65-69. (In Russ.).

Уголовно-правовое противодействие незаконному обороту оружия относится к числу актуальных теоретико-прикладных проблем уголовного права и криминологии.

Российская судебная практика сталкивается с существенными трудностями в квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, особенно в части оценки одних и тех же признаков составов преступлений. Одной из таких проблем является различие подходов судов к оценке момента окончания незаконного сбыта оружия по ст. 222 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ).

Например, типичны противоречия в судебных решениях при сбыте оружия путем его пересылки. В ряде дел такие действия квалифицируются как покушение на преступление. Так, К., намереваясь сбыть изготовленные им основные части огнестрельного оружия, договорился о продаже их другому лицу, упаковал в бандероль и отправил через отделение почтовой связи. Суд квалифицировал его действия по ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 222 УК РФ как покушение на незаконный сбыт основных частей оружия, мотивировав это тем, что преступный умысел К. не был доведен до конца по независящим от него причинам: бандероль была изъята оперативными сотрудниками при проведении оперативно-разыскных мероприятий¹.

В то же время при аналогичных обстоятельствах другие суды признают такие действия оконченным престу-

плением. Например, Т. был осужден по ч. 2 ст. 222 УК РФ за незаконный сбыт огнестрельного оружия путем его пересылки².

Теоретики уголовного права указывают на необходимость признания такого подхода соответствующим букве закона, поскольку все действия, направленные на отчуждение оружия, выполнены. Согласно их мнению, «сбыт оружия считается оконченным преступлением, так как для этого не требуется обязательного установления факта получения оружия другим лицом. Само неполучение оружия адресатом (например, из-за изъятия при оперативных мероприятиях) не устраняет вреда, причиненного общественным отношениям» [1, с. 206; см. также 2, с. 299 и др.].

Эта позиция опирается на аналогию с разъяснениями по делам о пересылке наркотических средств, изложенными в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 года № 14³. Согласно п. 17 указанного Постановления, пересылка считается оконченным преступлением с момента отправления посылки, независимо от получения ее адресатом.

Особого внимания заслуживает вопрос о квалификации незаконного сбыта оружия, совершенного под контролем

¹ Приговор Снежинского городского суда (Челябинская область) от 15 августа 2017 г. по делу № 1-84/2017 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VJvMw1HIWUb1/> (дата обращения: 10.11.2024).

² Приговор Ленинского районного суда г. Ульяновска (Ульяновская область) от 2 июня 2021 г. по делу № 1-136/2021 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/g3o89pp0KEbb/> (дата обращения: 10.11.2024).

³ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 : текст с изм. и доп. на 16 мая 2017 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

правоохранительных органов. В современной практике существуют противоположные подходы: в одних случаях такие действия рассматриваются как покушение на преступление¹, в других — как оконченное преступление².

Ученые, изучающие проблемы противодействия незаконному обороту оружия, утверждают, что сбыт оружия должен считаться оконченным преступлением, если лицо выполняет все действия, направленные на отчуждение оружия, независимо от фактического перехода имущества во владение другого лица [3, с. 4—7; 4, с. 60; 5, с. 244 и др.].

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 15 июня 2006 года № 14 подчеркивает, что незаконный сбыт оружия означает безвозвратное отчуждение соответствующих предметов другим лицам в рамках противоправной сделки, например путем продажи, дарения или обмена.

Однако некоторые исследователи полагают, что при оперативно-разыскных мероприятиях оружие изначально не может быть передано в собственность другого лица, а потому вред общественным отношениям отсутствует, что свидетельствует о покушении [1, с. 207—208]. Этот аргумент не учитывает, что вред

объекту может заключаться не только в фактических изменениях, но и в создании угрозы общественным отношениям в сфере общественной безопасности при обращении с оружием. Таким образом, подход, признающий сбыт оконченным преступлением независимо от передачи оружия адресату, более точно отражает механизм причинения вреда объекту.

При этом действия, не создающие риска распространения оружия (например, уничтожение оружия), не могут квалифицироваться как сбыт. Такие действия при определенных условиях могут получить иную правовую оценку.

Еще одной проблемой является квалификация случаев, когда одно действие выполнено в полном объеме (например, приобретение оружия, квалифицируемое по ч. 1 ст. 222 УК РФ), а другое (сбыт оружия) остается на стадии покушения. Верховный Суд Российской Федерации указывает, что диспозиция ч. 1 ст. 222 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за незаконные приобретение, передачу, сбыт, хранение и перевозку или ношение боеприпасов. Любое из этих действий, выполненное в полном объеме, образует оконченный состав преступления. Поэтому действия лица, которое незаконно приобрело, хранило, перевозило и носило боеприпасы, а затем пыталось их сбыть, квалифицируются по ч. 1 ст. 222 УК РФ, и дополнительной квалификации по статье о покушении на преступление не требуется³.

Это разъяснение Верховного Суда Российской Федерации по конкретному делу показывает общий подход к квалификации деяний при незавершенности одного из альтернативных действий, описанных в диспозиции одной части уголовно-правовой нормы. Однако из-

¹ Приговор Красногорского районного суда (Московская область) от 28 декабря 2023 г. по делу № 1-377/2023 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/0tphJvnR3y11/> (дата обращения: 10.11.2024) ; Приговор Октябрьского районного суда г. Пензы (Пензенская область) от 11 января 2024 г. по делу № 1-26/2024 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/MO23Tnnnn0HC/> (дата обращения: 10.11.2024).

² Приговор Зареченского городского суда (Пензенская область) от 17 января 2024 г. по делу № 1-14/2024 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/eDGnJQfHlZor/> (дата обращения: 10.11.2024) ; Приговор Советского районного суда г. Махачкалы (Республика Дагестан) от 23 января 2024 г. по делу № 1-171/2024 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. : URL: <https://sudact.ru/regular/doc/iHCOCqlujBHK/> и др. (дата обращения: 10.11.2024).

³ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации № 5-Д99пр-282 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2000. № 5.

вестно, что несколько лет назад в уголовный закон были внесены изменения, и сегодня сбыт оружия, в отличие от ранее действовавшей редакции, включен в содержание ч. 2 ст. 222 УК РФ. В то время как действия по приобретению, передаче, хранению, перевозке, пересылке или ношению оружия названы в ч. 1 той же статьи.

В этом случае возникает вопрос: как теперь квалифицировать незавершенный сбыт оружия при завершенных приобретении и хранении в контексте ч. 1 ст. 17 УК РФ?

Как следует из положений этой статьи, совокупностью преступлений не могут признаваться случаи, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части УК РФ в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание.

Традиционно уголовно-правовая доктрина и практика исходят из того, что оценка содеянного должна основываться на предусмотренном ст. 5 УК РФ принципе вины, в соответствии с которым лицо подлежит ответственности только за те общественно опасные действия и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина, с учетом требований ст. 6, 8 УК РФ об основаниях уголовной ответственности и недопустимости субъективного и двойного вменения. Применительно к неоконченным преступлениям также следует принимать во внимание положения ст. 30 УК РФ. Исходя из совокупного учета указанных уголовно-правовых предписаний объективное недостижение виновным лицом преступного результата должно подлежать оценке как одно неоконченное преступление, ответственность за совершение которого предусмотрена статьей, влекущей более строгое наказание. Содеянное в данном случае полностью охватывается ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 222 УК РФ. Конечно же, при условии, что действия

лица по приобретению, хранению, ношению, перевозке или передаче оружия были выполнены с целью дальнейшего сбыта этого оружия и не были доведены до конца по независящим от лица обстоятельствам.

Незаконный сбыт оружия, с учетом решения законодателя дифференцировать уголовную ответственность за приобретение и сбыт в рамках одной нормы, в этом случае следует оценивать как систему действий, направленных на последующее отчуждение оружия, включая действия по его приобретению, хранению, перевозке и т. п. Исходя из разработанных в теории подходов к квалификации неоконченных преступлений действия по приобретению оружия для его последующего сбыта по своей природе являются стадиями, предшествующими сбыту, и потому они поглощаются последующими действиями, направленными на сбыт.

Подобная ситуация (хотя и не идентичная с точки зрения изложения нормативного материала) имеет место при квалификации деяний, связанных с незаконным сбытом наркотиков. Действия по приобретению, хранению, перевозке наркотических средств (и ряд других действий) составляют объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 228 УК РФ. В свою очередь, сбыт наркотических средств образует одно из альтернативных действий, названных в ст. 228.1 УК РФ. Применительно к ситуациям, когда сбыт приобретенных наркотиков объективно не завершен, Верховный Суд Российской Федерации указывает, что действия лица, которое при осуществлении умысла на незаконный сбыт наркотических средств и иных запрещенных предметов незаконно приобретает, хранит, перевозит, изготавливает, перерабатывает эти предметы, следует оценивать так, словно лицо тем самым совершает действия, направленные на их последующую реализацию,

поэтому они составляют часть объективной стороны сбыта, не завершенного по независящим от лица обстоятельствам. Таким образом, лицо подлежит уголовной ответственности за покушение на незаконный сбыт (п. 13.2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 года № 14).

Видится, что это правило вполне применимо и к ситуациям оценки незавершенного сбыта приобретенного оружия, если оценить сущность такого деяния и наличие изначального умысла лица на сбыт. Более того, дополнительным аргументом в пользу отсутствия совокупности здесь (в отличие от норм об ответственности за наркопреступления) выступает правило о невозможности

признания совокупности преступлений в случае предусмотренности деяний в рамках одной уголовно-правовой нормы (ч. 1 ст. 17 УК РФ).

Изложенное позволяет заключить, что сложности правоприменения, связанные с квалификацией незаконного сбыта оружия, обусловлены не только недостаточной ясностью законодательных норм, но и теоретическими разночтениями. Для минимизации этих проблем необходимо повысить уровень подготовки правоприменителей, а также дополнить постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации разъяснениями, касающимися критериев квалификации сбыта оружия и определения его завершенности.

Список источников

1. Муркштис М. И. Противодействие незаконному обороту оружия: уголовно-правовое и криминологическое исследование : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... д-ра юрид. наук / Муркштис Марюс Йокубо. Москва, 2019. 570 с.
2. Робак В. А. Отдельные вопросы квалификации преступления, предусмотренного ст. 222 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7 (73), № 2. С. 296 – 301.
3. Белик Ю. С. Проблемные вопросы определения объективных признаков незаконного оборота оружия (ст. 222 УК РФ) // Вестник Уральского финансово-юридического института. 2016. № 1. С. 4 – 7.
4. Корецкий Д. А., Солоницкая Э. В. Оружие и его незаконный оборот: криминологическая характеристика и предупреждение. Санкт-Петербург : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 144 с. (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса).
5. Робак В. А. Борьба с криминальным рынком оружия в России: вопросы теории и практики : специальность 5.1.4 «Уголовно-правовые науки» : дис. ... д-ра юрид. наук / Робак Владимир Анатольевич. Москва, 2024. 384 с.

Информация об авторе

А. Ю. Решетников – доцент кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. Yu. Reshetnikov – Associate Professor at the Department of criminal law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343.2/.7

О ПРОБЛЕМЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Мария Александровна СЕЛИВЕРСТОВА

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
maria.seliverstova8@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается проблема эффективности поощрительных норм в уголовном праве. Исследуются возможные критерии эффективности освобождения от уголовной ответственности, выделяются основные проблемы, препятствующие повышению эффективности данного института. Изучив статистические данные, автор пришел к выводу, что институт освобождения от уголовной ответственности показывает низкую эффективность на стадии предварительного расследования. Признав низкий уровень повторного совершения преступления в качестве одного из возможных показателей эффективности освобождения от уголовной ответственности, автор обосновывает тезис об отсутствии у исследователей подходящих инструментов для измерения уровня рецидива среди юридически несудимых лиц. Для решения указанной проблемы предлагается внести изменения в форму существующего статистического отчета, составляемого Верховным Судом Российской Федерации.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, специальные основания, примечание, эффективность, рецидив

Для цитирования: Селиверстова М. А. О проблеме эффективности института освобождения от уголовной ответственности // КриминалистЪ. 2025. № 1 (50). С. 70 – 76.

Original article

ON THE ISSUE OF THE EFFECTIVENESS OF THE INSTITUTE OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY

Maria A. SELIVERSTOVA

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, maria.seliverstova8@gmail.com

Abstract. The article examines the problem of the effectiveness of incentive norms in criminal law. Possible criteria for assessing the effectiveness of exemption from criminal liability are explored, and the main problems that hinder the increase in the effectiveness of this institution are highlighted. Having analysed statistical data, the author came to the conclusion that the institution of exemption from criminal liability had low effectiveness at the stage of preliminary investigation. Having acknowledged the low level of recidivism as one of the possible indicators of the effectiveness of exemption from criminal liability, the author argues that researchers do not have suitable tools to measure the level of recidivism among individuals who are not legally convicted. To solve this problem, it is proposed to amend the form of the existing statistical report compiled by the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: exemption from criminal liability, special grounds, note, effectiveness, recurrent offence

© Селиверстова М. А., 2025

For citation: Seliverstova M. A. On the issue of the effectiveness of the institute of exemption from criminal liability. Criminalist. 2025;1(50):70-76. (In Russ.).

В современном российском уголовном законе прослеживается тенденция развития института освобождения от уголовной ответственности. В связи с введением в Общую часть Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) таких оснований освобождения от уголовной ответственности, как судебный штраф (ст. 76.2 УК РФ) и возмещение ущерба по делам о некоторых экономических преступлениях (ст. 76.1 УК РФ), практически ежегодным дополнением норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации примечаниями, содержащими условия освобождения от уголовной ответственности¹, данный институт выполняет ключевую роль в процессе гуманизации уголовного законодательства и экономии мер уголовной репрессии [1, с. 53].

Эта тенденция подтверждается статистическими данными². Тем не менее многие практические работники, а также некоторые ученые полагают, что расширение института освобождения

от уголовной ответственности способствует повторному совершению преступлений лицами, ранее освобождавшимися от уголовной ответственности [2, с. 38; 3, с. 34].

Аналогичного мнения придерживается Министерство внутренних дел Российской Федерации, подготовившее проект федерального закона «О внесении изменения в статью 75 Уголовного кодекса Российской Федерации (в части совершенствования института освобождения от уголовной ответственности)»³, цель которого состояла в ужесточении порядка освобождения от уголовной ответственности на основании ч. 1 ст. 75, ст. 76, чч. 1, 2 ст. 76.1 и ст. 76.2 УК РФ.

Инициаторы проекта предлагали исключить возможность повторного освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ч. 1, ст. 75 УК РФ), в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), в связи с возмещением ущерба (чч. 1, 2 ст. 76.1 УК РФ) и в связи с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ), поскольку, по их мнению, этим пользуются злостные правонарушители, чтобы намеренно избежать ответственности. Признание ранее освобождавшегося от уголовной ответственности не совершавшим преступление не соответствует задачам Уголовного кодекса Российской Федерации, способствует повторному совершению преступлений и формирует у лица чувство безнаказанности.

¹ Для сравнения: количество специальных оснований освобождения от уголовной ответственности в УК РСФСР с 1960 по 1996 год увеличилось с 4 до 6, в УК РФ с 1996 по 2023 год — с 13 до 58.

² Согласно данным судебной статистики, в 2023 году было освобождено от уголовной ответственности: в связи с деятельным раскаянием — 6 187 лиц, в связи с примирением с потерпевшим — 90 929, по примечаниям к статьям Особенной части УК РФ — 6 719, в связи с возмещением ущерба по делам экономической направленности — 69, с применением судебного штрафа — 14 956. Доля лиц, освобожденных от уголовной ответственности по указанным основаниям, составила 17 % от общего числа лиц, в отношении которых вынесен судебный акт по существу обвинения. См.: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690> (дата обращения: 29.09.2024).

³ Проект федерального закона «О внесении изменения в статью 75 Уголовного кодекса Российской Федерации (в части совершенствования института освобождения от уголовной ответственности)» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов : сайт. URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=90296> (дата обращения: 23.09.2024).

При этом данное ограничение, согласно тексту законопроекта, не должно распространяться на специальные основания освобождения от уголовной ответственности, что «обусловлено необходимостью сохранения мотивации лиц к добровольному сообщению о фактах совершенных ими преступлений и прекращению преступной деятельности»¹.

Законопроект имел существенные недостатки [4, с. 119–120]. Однако в нем рассматривался важный вопрос эффективности института освобождения от уголовной ответственности (в частности, специальных оснований). Случаи неоднократного освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям ранее освещались в юридической литературе [2, с. 38], но их влияние на правоприменительную практику, на состояние преступности, а также их количественные характеристики остаются малоизученными.

Полагаем, что необходимо сформулировать критерии эффективности норм об освобождении от уголовной ответственности. В доктрине уголовного права выработаны два основных подхода к данной проблеме, которые с некоторой долей условности можно определить как количественный и качественный.

При количественном подходе основным показателем эффективности поощрительных норм является количество лиц, освобождаемых от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям на досудебной и судебной стадиях уголовного процесса, взятое за определенный период. Так, И. Э. Звечаровский отмечает, что, несмотря на увеличение количества оснований освобождения от уголовной ответственности, количество освобожденных лиц уменьшается. Препятствием для повышения эффективности изучаемого института автор видит диспозитивность большинства норм, регламентирующих

основания освобождения от уголовной ответственности, использование при их конструировании неоднозначных формулировок и отсутствие обязанности у следователей и дознавателей по ознакомлению лиц, совершивших преступление, с содержанием этих норм [5, с. 22–24].

Количественного подхода придерживается и Верховный Суд Российской Федерации².

Норма будет считаться эффективной, если она часто применяется на практике, а повышение эффективности выражается в положительной динамике количества освобожденных от уголовной ответственности. Следует отметить, что рост числа освобожденных от уголовной ответственности не может быть бесконечным. Поэтому указанный подход должен предусматривать нижнюю и верхнюю границы, в пределах которых норма будет считаться эффективной.

В рамках качественного подхода к оценке эффективности поощрительных норм понятие эффективности рассматривается не как результат применения нормы, а как ее способность оказывать влияние на общественные отношения или содействовать достижению определенной цели [6, с. 77–78]. Качественный подход заключается в количественном измерении способности нормы обеспечить реализацию той социальной цели, которая заложена в нее законодателем.

Так, О. С. Лустова рассматривает показатели эффективности норм о деятельном раскаянии через призму целей наказания. При освобождении от уголовной ответственности лицо при-

¹ Там же.

² Пояснительная записка к проекту федерального закона № 953369-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/953369-6> (дата обращения: 03.10.2024).

знается утратившим свою общественную опасность, как следствие, оно может быть исправлено без применения к нему наказания. Соответственно, поощрительная норма будет считаться эффективной, если при ее реализации достигаются восстановление социальной справедливости, предупреждение совершения новых преступлений и исправление преступника. По мнению О. С. Лустовой, эффективность данных норм зависит от индивидуального и общественного правосознания, уровня знания и одобрения обществом поощрительных норм, от единообразной правоприменительной практики и применяемой при формулировании нормы юридической техники [6, с. 91 – 124].

Этот подход позволяет устанавливать индивидуальные показатели эффективности для каждого основания освобождения от уголовной ответственности, а также выделять общие для всех оснований показатели, которые будут отражать влияние института освобождения от уголовной ответственности на решение задач Уголовного кодекса Российской Федерации. Одними из таких показателей служат уровень и динамика повторного совершения преступления лицами, ранее освобожденными от уголовной ответственности.

Оба подхода не являются взаимоисключающими и дополняют друг друга. Следует отметить, что для исчисления вышеперечисленных показателей необходимы данные статистики, которые не находятся в открытом доступе либо публикуются в виде, исключающем проведение каких-либо сравнений и выявление причинно-следственных связей.

Исследователи не имеют данных о прекращении уголовных дел на стадии предварительного расследования (о чем было справедливо отмечено некоторыми авторами [7, с. 14; 8, с. 69]), а также о рецидиве среди лиц, ранее освобождавшихся от уголовной ответственности.

Это существенно затрудняет расчет показателей эффективности поощрительных норм и осложняет поиск путей совершенствования изучаемого института. При этом указанные данные собираются органами следствия и дознания, обобщаются, формируются в статистические отчеты (к примеру, отчеты по форме федерального статистического наблюдения № 1-Е «Сведения о следственной работе и дознании», № 1-ЕМ «Сведения об основных показателях следственной работы и дознания») и используются для оценки эффективности работы органов предварительного расследования, а также для поддержания законотворческих инициатив.

Так, МВД России использовало для обоснования вышеуказанного законопроекта ведомственные данные о количестве прекращенных уголовных дел на досудебной стадии. В период с 2014 по 2018 год число дел, прекращенных сотрудниками органов внутренних дел в связи с деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим, а также в соответствии с примечаниями к статьям Особенной части УК РФ, возросло на 94,1 % (с 14,6 тыс. до 28,3 тыс.). В 2018 году каждое второе прекращенное уголовное дело было прекращено по указанным основаниям, относительно общего объема расследованных дел их доля составила лишь 3 %¹.

В сводке предложений по итогам общественного обсуждения законопроекта также было отмечено, что «показатель совершенных преступлений по уголовному делу, прекращенному по данным основаниям, в среднем составлял более 1,14, т. е. фактически статьи 25 и 28 УПК нередко применялись в отношении лиц, систематически совершающих преступления»². Инициатор законопроекта не уточнил, о каком виде множественности преступлений идет речь: о рецидиве или совокупности преступлений.

¹ Там же.

² Там же.

В 2018 году по тем же основаниям суды освободили от уголовной ответственности более 144 тыс. лиц, из них 11 991 — в связи с деятельным раскаянием, 6 184 — на основании примечаний к статьям Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, 125 873 — в связи с примирением с потерпевшим, или 16,7 % от общего числа лиц, в отношении которых вынесен судебный акт по существу обвинения¹.

В 2023 году число уголовных дел, прекращенных следователями и дознавателями МВД России по ст. 25 и 28 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), составило 15,2 % от общего числа прекращенных уголовных дел и 0,81 % от общего числа оконченных дел за отчетный период, следователями Следственного комитета Российской Федерации — 11,7 % от общего числа прекращенных уголовных дел и 1,97 % от общего числа оконченных дел. В совокупности число освобожденных от уголовной ответственности по данным основаниям на досудебной стадии в 18,4 раза меньше, чем на судебной (5 647 лиц против 103 835 лиц).

Указанные данные отображают тенденцию сокращения количества лиц, освобожденных от уголовной ответственности на досудебной стадии уголовного процесса. Л. А. Воскобитова отмечает, что в 2001 году на стадии предварительного расследования прекращалось каждое пятое уголовное дело, а в 2005 году — каждое четырнадцатое. Например, количество прекращенных уголовных дел по ст. 25 УПК РФ в 2005 году составило не более 2 % от общего количества оконченных дел [9, с. 3, 6].

Это крайне низкие показатели, они не объясняются требованиями закона, на что указывали исследователи [5, с. 23; 10, с. 62]. Очевидно, что многие уголовные дела вместо направления

в суд могли быть прекращены на стадии предварительного расследования. Это повысило бы эффективность поощрительных норм и способствовало процессуальной экономии.

Верховный Суд Российской Федерации предлагал ввести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации нормы, обязывающие следователей, дознавателей и суд разъяснять подозреваемому, обвиняемому и потерпевшему их право на примирение, выяснять их мнение по данному вопросу и отражать указанные действия в процессуальных документах². Но соответствующие нормы так и не были приняты, и в ближайшее время повышения количества лиц, в отношении которых уголовное дело прекращено по ст. 25 и 28 УПК РФ, не предвидится на стадии предварительного расследования.

Верховный Суд Российской Федерации исходит из того, что нормы об освобождении от уголовной ответственности практически не применяются на стадии предварительного расследования, поскольку обвиняемые не знают об их существовании [11, с. 81]. Не отрицая важности информирования подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего об альтернативных способах урегулирования уголовно-правового конфликта, отметим, что не менее значимым аспектом проблемы является негативное представ-

² О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проектов федеральных законов «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» и «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона „О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности“»: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 июля 2015 г. № 37. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Там же.

ление о прекращении уголовного дела со стороны правоохранительных органов [9, с. 3 – 6; 12, с. 45 – 46].

В отличие от количественных показателей, качественные гораздо сложнее вычислить. Верховный Суд Российской Федерации в отчете № 11.2 «О характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» приводит данные о количестве осужденных, которые ранее освобождались от уголовной ответственности¹, но из приведенных сведений невозможно установить:

на основании какой нормы лицо ранее было освобождено от уголовной ответственности;

сколько лиц было повторно освобождено от уголовной ответственности и по какому основанию.

Например, в 2023 году за совершение преступлений, предусмотренных ст. 322.2 и 322.3 УК РФ, было осуждено 8 555 человек², из них 35 лиц ранее освобождались от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям³. Эти статьи содержат специальные

основания, которые позволяют освободить лицо, совершившее преступление, от уголовной ответственности, если это лицо способствовало его раскрытию.

В 2023 году суды освободили от уголовной ответственности 5 124 лица на основании примечаний к ст. 322.2, 322.3 УК РФ⁴, что составляет 76 % от общего количества лиц, освобожденных от уголовной ответственности по специальным основаниям. Несмотря на то что нам известно число осужденных и число освобожденных от уголовной ответственности по специальным основаниям, а также количество осужденных, которые ранее освобождались от уголовной ответственности, вышеприведенные данные невозможно сопоставить и тем самым прийти к обоснованному выводу об эффективности примечаний к ст. 322.2 и 322.3 УК РФ.

Сколько из 35 юридически несудимых лиц, осужденных по ст. 322.2 и 322.3 УК РФ, ранее освобождались от уголовной ответственности в соответствии с примечаниями к данным статьям, сколько человек, ранее освобождавшихся от ответственности по этим специальным основаниям, совершили иные преступления и были осуждены, сколько вновь было освобождено от уголовной ответственности, остается только догадываться.

Для проведения качественного исследования необходимо изменить форму статистического отчета Верховного Суда Российской Федерации № 11.2 «О характеристике преступления, его рецидива

при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690> (дата обращения: 29.09.2024).

⁴ Отчет Верховного Суда Российской Федерации № 10.2 «Об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел» за 12 месяцев 2023 // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690> (дата обращения: 29.09.2024).

¹ Отчет Верховного Суда Российской Федерации № 11.2 «О характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» за 12 месяцев 2023 // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690> (дата обращения: 29.09.2024).

² Отчет Верховного Суда Российской Федерации № 10-а «О числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам» за 12 месяцев 2023 // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690> (дата обращения: 29.09.2024).

³ Отчет Верховного Суда Российской Федерации № 11.2 «О характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» за 12 месяцев 2023 // Судебный департамент

и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации». Существующие данные об осужденных, ранее освобождавшихся от уголовной ответственности по нереабилитирующему основанию, следует разделить по основаниям освобождения от уголовной ответственности, а также ввести графу «освобожденные от уголовной ответственности повторно».

В целях отслеживания показателей эффективности института освобождения от уголовной ответственности на досудебной стадии уголовного процесса следует публиковать данные о количестве прекращенных дел на стадии предварительного расследования (например, из отчета по форме федерального статистического наблюдения № 1-Е «Сведения о следственной работе и дознании»).

Список источников

1. Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика современной России: проблемы пенализации и депенализации // Закон. 2015. № 8. С. 46 – 59.
2. Стадниченко О. С. Превентивная составляющая некоторых оснований освобождения от уголовной ответственности, содержащих понятие «лицо, впервые совершившее преступление» // Законность. 2016. № 8 (982). С. 37 – 38.
3. Николаев П. М., Уразбаев Р. Ш. Закон допускает совершение некоторых преступных деяний многократно и безнаказанно // Законность. 2016. № 8 (982). С. 34 – 36.
4. Спектор Л. А., Затуливетров Е. В. Ужесточение порядка освобождения от уголовной ответственности // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 7, ч. 1. С. 116 – 120.
5. Звечаровский И. Э. О практике освобождения от уголовной ответственности и наказания // Уголовное право. 2023. № 5 (153). С. 20 – 26.
6. Лустова О. С. Деятельное раскаяние. Эффективность применения поощрительных норм о деятельном раскаянии : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Лустова Ольга Сергеевна. Санкт-Петербург, 2004. 235 с.
7. Звечаровский И. Э., Иванов А. Л. Освобождение от уголовной ответственности // Уголовное право. 2015. № 4. С. 13 – 18.
8. Нечепуренко А. А., Бабурин В. В. «Совершение преступления впервые» как ключевое понятие для оптимизации применения института освобождения от уголовной ответственности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 30. С. 67 – 79.
9. Воскобитова Л. А. Возбуждение и прекращение уголовного дела: анализ следственной практики // Уголовное судопроизводство. 2010. № 2. С. 3 – 6.
10. Пудовочкин Ю. Е., Толкаченко А. А. Основные направления межотраслевого совершенствования института освобождения от уголовной ответственности // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 59 – 76.
11. Звечаровский И. Э. Ответственность в уголовном праве. Санкт-Петербург : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. 100 с. (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса).
12. Антонов И. А. Прекращение уголовного дела: противостояние института прав и свобод личности и ведомственной отчетности // Мир юридической науки. 2017. № 6. С. 44 – 48.

Информация об авторе

М. А. Селиверстова – аспирант Санкт-Петербургского государственного университета.

Information about the author

M. A. Seliverstova – Postgraduate Student, St. Petersburg State University.

Научная статья
УДК 343.98

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЯТРОГЕННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

Елена Борисовна СЕРОВА

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, serowa@yandex.ru*

Аннотация. В статье на основе анализа юридической и медицинской научной литературы предлагается авторское определение ятрогенного преступления с позиций науки криминалистики. Делается вывод, что не каждая ятрогенная патология является следствием уголовно наказуемого деяния. Обращается внимание на цели проверки заявления (сообщения) о ятрогенном преступлении. Констатируется необходимость использования следователем научных методов познания, прежде всего метода моделирования в досудебном производстве по уголовному делу о ятрогенном преступлении. Обращается внимание на доказательственное значение выемки и осмотра медицинских документов и использования специальных знаний в форме судебной экспертизы.

Ключевые слова: ятрогеня, ятрогенное преступление, расследование, следователь, проверка заявления (сообщения) о преступлении, метод моделирования, криминалистические признаки преступления, экспертиза качества оказания медицинской помощи

Для цитирования: Серова Е. Б. Криминалистические аспекты противодействия ятрогенным преступлениям // КриминалистЪ. 2025. № 1 (50). С. 77 – 85.

Original article

CRIMINALISTIC ASPECTS OF COUNTERING IATROGENIC CRIMES

Elena B. SEROVA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, serowa@yandex.ru

Abstract. Based on an analysis of the legal and medical scientific literature, the article proposes the author's definition of iatrogenic crime from a forensic science perspective. It is concluded that not every iatrogenic pathology is the result of a criminally punishable act. The article highlights the goals of examining reports (notifications) of iatrogenic crimes. It emphasizes the necessity for investigators to employ scientific methods of cognition, particularly the method of modeling during pre-trial proceedings in criminal cases involving iatrogenic crimes. The importance of the evidentiary value of seizing and inspecting medical documents and utilizing specialized knowledge through forensic examination is also underscored.

Keywords: iatrogeny, iatrogenic crime, investigation, investigator, statement (report) verification about a crime, modeling method, criminalistic signs of a crime, expert evaluation of the quality of medical care

For citation: Serova E. B. Criminalistic aspects of countering iatrogenic crimes. Criminalist. 2025;1(50):77-85. (In Russ.).

© Серова Е. Б., 2025

Право на охрану здоровья и медицинскую помощь гарантировано Конституцией Российской Федерации (ст. 41) и является одним из основных прав и свобод человека и гражданина. Развивая данное конституционное положение, Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ (ред. от 28 декабря 2024 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в ст. 18 не только закрепляет право на охрану здоровья, но и предусматривает обеспечение данного права среди прочего оказанием доступной и качественной медицинской помощи.

Любой человек, нуждающийся в медицинской помощи, вправе обращаться за ее оказанием в лечебные учреждения государственной и частной системы здравоохранения, причем качество медицинской помощи везде должно быть надлежащим. Между тем на практике данное законоположение реализуется далеко не всегда. Следствием низкого качества оказания медицинской помощи, врачебных ошибок может быть причинение вреда здоровью, а то и смерть пациентов. Следует подчеркнуть, что причины наступления неблагоприятных последствий оказания медицинской помощи весьма разнообразны и далеко не всегда связаны с недобросовестностью медицинских работников. Тем не менее противоправные, в том числе уголовно наказуемые, деяния медицинских работников, влекущие за собой причинение вреда здоровью пациента, отнюдь не редкость. Приходится признать, что данные деяния, посягающие на конституционные права граждан, далеко не всегда своевременно выявляются и не все виновные лица привлекаются к ответственности. Во многом это объясняется спецификой преступлений в сфере оказания медицинской помощи, которая обуславливает сложность доказывания вины субъекта преступления. В то же время обращают на себя внимание не-

достаточно глубокое теоретическое исследование вопросов противодействия указанным посягательствам, необходимость продолжения разработки научно обоснованных криминалистических рекомендаций по расследованию преступлений данной группы. Хотя, справедливости ради, следует отметить, что весьма значительные исследования, в том числе на монографическом уровне, в данной области проводились, и их результаты, несомненно, могут быть использованы следователями, которые, увы, не всегда к этому готовы.

Сказанное и побудило нас еще раз обратиться к проблемам расследования преступлений, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи, которые в научной литературе принято называть ятрогенными (от древнегреч. *ιάτρος* «врач» + *γενεά* «рождение; создавать, порождать»). Данное понятие стало традиционным, хотя относительно того, что за ним стоит, научные дискуссии не утихают. Между тем единый подход к определению понятия «ятрогенения» имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку позволяет следователю своевременно выдвигать обоснованные версии о сущности произошедшего события и полноценно их проверять с использованием научно обоснованных криминалистических рекомендаций.

Как отмечает А. В. Васильченко, ятрогенения — довольно широкое понятие и имеет множество разных трактовок [1, с. 87]. На неоднозначность и неопределенность данного понятия в правовом поле обращает внимание и Е. С. Мазур, которая относит отсутствие единого подхода к содержанию понятия «ятрогенения» к числу проблем, требующих своего решения, и отмечает, что в научной литературе оно раскрывается по-разному: как врачебная ошибка; как преступление, совершенное медицинским работником в процессе своей професси-

ональной деятельности; как профессиональное правонарушение медицинского работника; как дефект медицинской помощи и др. Медик по образованию, она указывает, что «под ятрогенией следует понимать состояние и болезни, которые были спровоцированы медицинским вмешательством или влиянием. Термином „врачебная ошибка“ обозначается ошибка, допущенная врачом при исполнении им своих профессиональных обязанностей вследствие добросовестного заблуждения, не образующая состава преступления и не имеющая признаков административного правонарушения» [2, с. 54].

На нетождественность понятий «ятрогения» и «врачебная ошибка» обращает внимание В. Н. Чаплыгина, которая к тому же констатирует отсутствие единого подхода и к определению причин возникновения ятрогении. Например, по мнению указанного автора, «ятрогении могут возникнуть в результате врачебной ошибки, при осуществлении оказания медицинской помощи в условиях крайней необходимости или обоснованного риска, а также могут быть результатом несчастных случаев. Не исключено, что неблагоприятный исход оказания медицинской помощи может явиться результатом действий самого пациента (самостоятельного приема лекарственных средств или их передозировки, использования какой-либо медицинской техники). Тем не менее патологические процессы, возникшие в результате данных действий, ятрогенными не являются. Попутно заметим, что во всех проанализированных нами случаях отсутствуют основания уголовной ответственности медицинских работников, что дает нам основания полагать нецелесообразным использование термина „ятрогенные преступления“ для определения преступлений, совершенных медицинскими работниками, т. к. „ятрогения“ — сугубо медицинский термин,

обозначающий последствие медицинского вмешательства. Следователей же при расследовании данной категории дел интересует именно характер действий, приведших к ятрогении, поэтому термин „врачебная ошибка“ наиболее применим в их деятельности» [3, с. 148].

Позволим себе не согласиться с приведенной трактовкой ятрогении и высказать тезис о применимости данного понятия в следственной практике, поскольку проверка заявления (сообщения) о преступлении и расследование проводятся именно в связи с событием, имеющим признаки ятрогении, и итогом процессуальной деятельности должен быть ответ на вопрос о том, является ли это событие преступлением, каким именно и кто в нем виновен.

Продолжая анализ имеющихся в литературе определений понятия и природы ятрогении, считаем необходимым привести еще несколько подходов, высказанных представителями медицинской науки. Так, А. И. Авдеев и С. В. Козлов исходят из принятого в медицинской литературе определения дефекта оказания медицинской помощи, под которым понимается ошибочное действие (бездействие) медицинского персонала, являющееся нарушением правил, действующих инструкций, руководств, положений и наставлений, директив и приказов, выразившимся в неправильных оказании (неоказании) медицинской помощи, диагностике заболеваний и лечении заболевших (при отсутствии прямого умысла причинения вреда больному) [4].

В. В. Антипов и С. И. Антипова, исследуя ятрогенные последствия, опираются на Международную классификацию болезней десятого пересмотра (МКБ-10) и относят к группе ятрогенных последствий случайное нанесение вреда больному вследствие медицинского вмешательства (невмешательства) в результате тактических или технических ошибок,

осложнение, не являющееся следствием неправильных действий, аномальную реакцию организма на медицинское воздействие [5, с. 27].

Большинство авторов при описании ятрогении, во-первых, предлагают учитывать Международную классификацию болезней десятого пересмотра (МКБ-10), во-вторых, исходят из нетождественности понятий «ятрогения» и «врачебная ошибка».

Сказанное позволило нам прийти к выводу, что ятрогения — это нежелательные или неблагоприятные последствия диагностических, лечебных или профилактических вмешательств и мероприятий, которые приводят к нарушениям функций организма, причинению вреда здоровью или смерти пациента и носят характер виновного или естественного риска. Как пишет В. Д. Пристансков, научно обоснованное, соответствующее медицинской практике определение ятрогении включает заболевания, патологические процессы, состояния, необычные реакции, возникновение которых однозначно обусловлено медицинским воздействием [6, с. 58].

При предложенном подходе не ставится знак равенства между ятрогией и уголовно наказуемым деянием, что позволяет, с нашей точки зрения, максимально объективно исследовать событие с признаками ятрогенного преступления в досудебном производстве, отграничить его от уголовно ненаказуемых деяний и смежных составов преступлений, обеспечить всесторонность и полноту расследования, правильно определить подлежащего ответственности субъекта.

Здесь мы солидарны с авторами, которые указывают на ошибочность понимания ятрогении как явления, имеющего исключительно криминальное значение. Действия врача всегда должны подвергаться специальной и правовой оцен-

ке, и ответственность может наступать лишь в случае установления нарушения существующих норм и правил оказания медицинской помощи [4].

Равным образом мы не отождествляем ятрогению и врачебную ошибку, рассматривая их как соотношение общего и частного, поскольку неблагоприятные последствия могут возникнуть не вследствие ошибочных действий врача, а из-за иных причин (скрытых особенностей состояния здоровья пациента, специфики реакции организма пациента на медицинское вмешательство, вызвавших осложнение основного заболевания или аномальную реакцию организма на медицинское воздействие, и т. п.).

Подводя итог, отметим, что начиная с проверки заявления (сообщения) о преступлении правоприменитель должен установить, какое именно событие, связанное с оказанием медицинской помощи, произошло, имеет ли оно признаки ятрогенной патологии¹, в чем заключается ненадлежащее оказание медицинской помощи и как оно должно быть квалифицировано. Относительно события, подлежащего правовой оценке, необходимо помнить, что ятрогенная патология может возникнуть на различных этапах оказания медицинской помощи. Например, ряд авторов, классифицируя врачебные ошибки (мы полагаем возможным экстраполировать данную классификацию на ятрогению в целом), выделяют диагностические, организационные, тактические, лечебные, технические, деонтологические ошибки, ошибочный диагноз, несчастный случай, внутрибольничные инфекции,

¹ Как отмечается в литературе, с точки зрения экспертной оценки действий врача при производстве комиссионных судебно-медицинских экспертиз, решающих вопрос о качестве проведенного лечения, при наличии ошибочных действий врача целесообразно использовать термин «ятрогенная патология» с обязательным указанием правильности (или неправильности) проведенных врачебных манипуляций [4].

избыточное вмешательство, уставший (непрофессиональный) врач [7, с. 22 – 26; 2, с. 55; 8, с. 145 – 146]. Поскольку эта классификация проведена не по одному основанию, позволим себе ее несколько усовершенствовать и предложить классифицировать ятрогенные последствия в зависимости от субъекта, этапа, места и объема оказания медицинской помощи, а также ее организации. При этом в любом случае при наступлении негативных последствий должны рассматриваться как криминальные явления передозировка препаратов, неправильное назначение или введение лекарственных средств и непрофессиональное выполнение диагностических или лечебных процедур. Как отмечают В. В. Антипов и С. И. Антипова, в последнем случае патологоанатому нельзя брать только на себя всю инициативу относительно оценки качества выполнения процедур, а обязательно следует опираться на коллективную оценку специалистами. Заключение надо делать на основе заседаний комиссий по изучению летальных исходов, клинико-экспертных комиссий, клинико-анатомических конференций, где этот вопрос решается коллегиально [5, с. 28].

Раскрытие и расследование любого преступления, в том числе ятрогенного, во многом зависит от своевременности получения информации о нем и наступательности следствия с момента проверки заявления (сообщения) о преступлении. С. С. Маевский считает, что главная цель такой проверки – установить, действительно ли медработник совершил неправомерные действия или допустил бездействие, которые противоречат правилам, установленным в медицине, имеется ли причинно-следственная связь между действием или бездействием работника и наступившими тяжкими последствиями, а в качестве типичного повода для проверки он называет жалобы лиц, которым лично либо их

друзьям или родственникам причинен вред здоровью, обращения родственников умерших и телефонограммы из медицинского учреждения, в котором наступила смерть пациента [9, с. 131]. Отметим, что нередко информация о событии с признаками ятрогенного деяния поступает в органы прокуратуры, которые проводят проверку, и именно постановление прокурора будет поводом к возбуждению уголовного дела.

Согласимся с тем, что к числу факторов, существенно затрудняющих расследование ятрогенных преступлений, можно отнести несвоевременность поступления информации о них в правоохранительные органы, на что обращается внимание и в юридической, и в медицинской литературе [см., напр.: 10], и чрезвычайно длительные (подчас необоснованно длительные) сроки проверок. Данное обстоятельство влечет за собой уничтожение следов преступления (в том числе в результате противодействия со стороны виновных лиц и руководителей учреждений, оказывающих медицинскую помощь), создает предпосылки для фальсификации и уничтожения документов (прежде всего медицинских), являющихся важнейшими доказательствами по делу [см., напр.: 11, с. 168]. Однако это вовсе не означает, что возможность сбора доказательственной информации полностью утрачивается. Еще до возбуждения уголовного дела следователь должен стремиться получить информацию о событии, его противоправности и общественной опасности. По нашему мнению, для принятия обоснованного процессуального решения по результатам проверки необходимо достоверно установить факт оказания медицинской помощи пациенту, связанной с несоблюдением правил, стандартов и протоколов, и наступление в результате этого неблагоприятных для пациента последствий. Выявление причинно-следственной связи между прове-

денным вмешательством и наступившим последствием в виде причинения вреда здоровью или летального исхода, что предлагают отдельные исследователи [9, с. 131; 12, с. 38], представляется факкультативным и зависит от конкретной ситуации. Нередко такая связь может быть однозначно определена только в ходе предварительного расследования, поскольку предполагает необходимость производства различных следственных действий, что невозможно на стадии возбуждения уголовного дела. Тем более что наступление неблагоприятных для пациента последствий может быть обусловлено не ятрогенным процессом, а ненадлежащей организацией медицинской помощи (неправильной маршрутизацией больного, допуском к самостоятельному оказанию медицинской помощи лиц, не обладающих необходимой квалификацией, и пр.), что также подлежит правовой оценке.

Обратим внимание еще на два важных обстоятельства, подлежащих исследованию и правовой оценке. Первое — это место совершения ятрогенного преступления. На практике возможно перемещение пациента из одного лечебного учреждения в другое, что предполагает необходимость однозначного ответа в ходе расследования на вопрос, где именно был допущен дефект оказания медицинской помощи, повлекший наступление наиболее тяжких неблагоприятных последствий. Второе обстоятельство, тесно связанное с первым, — кто является лицом, виновным в наступлении этих последствий.

В литературе приводятся перечни обстоятельств, подлежащих исследованию как в ходе проверки заявления (сообщения) о преступлении, так и в ходе предварительного следствия [9, с. 135 — 136]. Как следует из закона, медицинская помощь может быть четырех видов: первичная медико-санитарная, специализированная, в том числе вы-

сокотехнологичная, скорая, в том числе скорая специализированная, и паллиативная. Стандарты оказания каждого вида помощи отличаются, как различается и уровень специальной подготовки медицинского работника, который ее оказывает (врач, фельдшер, медсестра или санитар). Медицинская помощь может быть оказана амбулаторно либо в условиях стационара (в том числе дневного), экстренно, неотложно или в плановом порядке. Оценивая ятрогенное событие, необходимо исходить из того, какой именно вид медицинской помощи оказывался, в какой форме и где, обладал ли лицо, оказывавшее медицинскую помощь, соответствующими знаниями, лекарственными средствами, оборудованием, имелась ли необходимость в направлении больного на лечение в иное медицинское учреждение, оказании ему медицинской помощи в другом месте и в другой форме (например, требовалась ли госпитализация пациента, в том числе в специализированный стационар), имелись ли для этого условия (в том числе с учетом состояния пациента), почему не были изменены вид и форма оказания медицинской помощи. Ответив на данные вопросы, следователь может сделать обоснованный вывод о характере исследуемого события и субъекте, подлежащем привлечению к ответственности.

Для получения информации о криминалистических признаках ятрогенного преступления, составляющих основание для возбуждения уголовного дела, необходимо уже в ходе проверки заявления (сообщения) о преступлении правильно определить, какие следы противоправного поведения (действия или бездействия) могут быть обнаружены и где их следует искать.

В этих целях целесообразно использовать процессы валидации и верификации с применением метода моделирования, позволяющего построить, изучить, проверить и сопоставить две модели:

правомерных действий медицинского работника и тех действий, которые могли носить противоправный характер. Как отмечает Н. А. Подольный, создание этих двух моделей необходимо для их соотнесения, что позволяет выявить отклонение действия от должного в соответствии с требованиями поведения [13, с. 22].

Следователь, проводящий проверку заявления (сообщения) о ятрогенном преступлении, а затем расследование преступления, должен четко понимать, какие именно медицинские документы содержат информацию о расследуемом событии (истории болезни из всех медицинских учреждений, где оказывалась медицинская помощь, протокол патологоанатомического исследования трупа умершего пациента и заключение консилиума врачей по поводу разбора произошедшего неблагоприятного факта, материалы ведомственных проверок, проведенных местными органами здравоохранения, и др.). Изучая данные документы и оценивая содержащуюся в них информацию, необходимо помнить, что, как отмечает Е. Р. Страхова, медицинские работники еще до начала расследования располагают временем, чтобы сокрыть документацию, исказить имеющиеся в медицинской документации сведения или внести туда изменения, т. е. сокрыть следы преступления [10, с. 125]. В силу этого недопустимо ограничиваться медицинской документацией из одного источника, нужно искать, где могут находиться необходимые сведения (в лабораториях, поликлинических учреждениях, на руках у родственников пациента и др.), изымать их и сопоставлять содержание соответствующих документов между собой. Так, Д. Г. Канонеров, обратившийся к исследованию значения в расследовании медицинской карты стационарного больного, отмечает, что она является документом, содержащим сведения о про-

веденных диагностических, лечебных, реабилитационных процессах, динамике и исходе заболевания, составляется при взаимодействии пациента и медицинского работника на любом из этапов диагностики, лечения и реабилитации, включает в себя юридически значимые действия (например, дача согласия/отказ на варианты лечения). Кроме того, медицинская карта — это документ финансовой отчетности, на основании которого производится расчет оплаты медицинской помощи. Следует подчеркнуть, что наиболее затратные диагностические и лечебные мероприятия обязательно будут указаны в сведениях об оплате лечения из территориального фонда обязательного медицинского страхования. Если по какой-то причине документы на оплату данного диагностического или лечебного мероприятия в фонд не подавались, то это может говорить о том, что либо данная услуга не оказывалась, либо ее оказание не предусмотрено клиническими рекомендациями для указанного в медицинской документации заболевания. Таким образом, фактически в медицинской документации приведен диагноз, не соответствующий поставленному диагнозу в ходе лечения, что является первоочередным обстоятельством, подлежащим доказыванию по изучаемой категории уголовных дел, и, в свою очередь, обосновывает необходимость незамедлительной организации процессуального изъятия соответствующей медицинской документации [14, с. 547].

Существенную роль в оценке ятрогенного события играет судебно-медицинская экспертиза качества оказания медицинской помощи. По нашему мнению, поскольку данная экспертиза требует тщательной подготовки, в том числе проведения следственных действий (выемки, допросов осведомленных лиц, очных ставок и др.), нецелесообразно ее назначение и тем более проведение до

возбуждения уголовного дела. Назначая экспертизу, следователь должен правильно определить не только экспертное учреждение, где она будет проводиться, но и круг специалистов, подлежащих включению в комиссию. Оценивая заключение экспертов, он должен обратить внимание на ход исследования, методику, которую применяли эксперты, обоснованность сделанных ими выводов. Мы разделяем высказанную в литературе точку зрения, согласно которой достоверность и допустимость заключения эксперта в качестве доказательства обуславливает необходимость комплексного подхода к исследованию, включающего в себя: составление экспертом версий причин неблагоприятного исхода болезни или травмы; всесторонний анализ самого заболевания или травмы; анализ организации и материально-технического обеспечения оказания медицинских услуг в учреждении здравоохранения; анализ своевременности проведения лечебно-диагностических мероприятий

и их адекватности болезни или травме, анализ результатов лечебно-диагностических мероприятий; установление причинно-следственных связей между лечебно-диагностическими мероприятиями и исходом патологического процесса. Помимо основной причины неблагоприятного исхода патологического процесса указываются и иные причины, которые способствовали причинению вреда или смерти пациента [1, с. 89].

В заключение следует отметить, что наступательные действия следователя, своевременные изъятие и осмотр медицинской документации, правильное определение круга лиц, подлежащих допросу, и предмета допроса, выбор надлежащей тактики допроса, надлежащая подготовка судебных экспертиз, прежде всего судебно-медицинской экспертизы качества оказания медицинской помощи, являются залогом успешного раскрытия и расследования ятрогенного преступления, привлечения виновных лиц к ответственности.

Список источников

1. Васильченко А. В. Особенности назначения и проведения судебно-медицинских экспертиз при расследовании ятрогенных преступлений // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 2 (84). С. 86 – 90.
2. Мазур Е. С. Проблемы расследования ятрогенных преступлений и пути их решения // Сборник материалов криминалистических чтений / М-во внутренних дел Российской Федерации, Барнаульский юрид. ин-т. Барнаул : БЮИ МВД России. 2018. № 15. С. 54 – 55.
3. Чаплыгина В. Н. Ключевые концепты сравнительного подхода к понятийному аппарату, используемому при расследовании ятрогенных преступлений // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., Орел, 26 мая 2017 г. Орел : Орловский юрид. ин-т М-ва внутренних дел Российской Федерации им. В. В. Лукьянова, 2017. С. 148 – 151.
4. Авдеев А. И., Козлов С. В. Ятрогенная патология (судебно-медицинский взгляд) // Судебно-медицинский журнал : Journal.forens-lit.ru : электрон. журн. 2009. Вып. 15. URL: <http://journal.forens-lit.ru/node/102> (дата обращения: 12.11.2024).
5. Антипов В. В., Антипова С. И. Ятрогенная патология как неизбежное явление в медицине XXI века. Ч. 1. От врачебных ошибок к ятрогенности // Медицинские новости. 2017. № 4. С. 25 – 32.
6. Пристансков В. Д. Основы формирования криминалистической теории расследования ятрогенных преступлений // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. Сер. 14. Вып. 4. С. 57 – 70.
7. Замалева С. В. Ятрогенные преступления: понятие, система и вопросы криминализации : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Замалева Светлана Владимировна. Екатеринбург, 2016. 26 с.

8. Самитов Э. О., Амиров Р. Г. Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с причинением тяжкого вреда здоровью вследствие ненадлежащего оказания медицинской помощи // Закон и право. 2015. № 2. С. 145 – 147.

9. Маевский С. С. Процессуально-криминалистические аспекты раскрытия и расследования ятрогенных преступлений // Право: история, теория, практика : сб. ст. и материалов / Брянский гос. пед. ун-т им. акад. И. Г. Петровского. Вып. 22. Брянск : Изд-во БГУ, 2018. С. 128 – 137.

10. Страхова Е. Р. Актуальные проблемы выявления и первоначального этапа расследования ятрогенных преступлений // Актуальные проблемы управления здоровьем населения : темат. сб. науч. тр. по результатам II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Нижний Новгород, 12 февраля 2019 г. / Приволжский исследовательский мед. ун-т ; под общ. ред. И. А. Камаева, В. М. Леванова. Т. 2. Вып. 12. Нижний Новгород : ПИМУ, 2019. С. 123 – 127.

11. Гарипова К. В. Процессуальные проблемы расследования преступлений, совершенных медицинскими работниками // Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Чебоксары, 13 – 14 апреля 2018 г. / Чувашский гос. ун-т им. И. Н. Ульянова ; редкол. : А. Ю. Александров [и др.]. Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2018. С. 164 – 169.

12. Ермакова А. Л. Организационно-тактические аспекты первоначального этапа расследования ятрогенных преступлений // Проблемы уголовно-процессуального права и криминалистики : сб. науч. ст. / Орловский юрид. ин-т М-ва внутренних дел Российской Федерации им. В. В. Лукьянова ; редкол.: Н. В. Морозова [и др.]. Орел : ОЮИ, 2021. С. 34 – 39.

13. Подольный Н. А. Отдельные проблемы расследования ятрогенных преступлений // Вестник Российской правовой академии. 2019. № 2. С. 20 – 25.

14. Канонеров Д. Г. Медицинская карта стационарного больного и значение ее осмотра при расследовании преступлений ятрогенной направленности // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18 (1–4), № 4. С. 545 – 551.

Информация об авторе

Е. Б. Серова – заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

E. B. Serova – Head at the Department of criminal procedure and criminalistics, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343.1

ОСОБЕННОСТИ ВЫСТУПЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ С ВСТУПИТЕЛЬНЫМ ЗАЯВЛЕНИЕМ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ОБ УБИЙСТВАХ, РАССМАТРИВАЕМЫМ В СУДАХ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Максим Александрович СПАСОВ

*Великолукский городской суд Псковской области, Великие Луки, Псковская область, Россия,
sith.08@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется выступление государственного обвинителя с вступительным заявлением по уголовным делам об убийствах, рассматриваемым судами с участием присяжных заседателей. На основании результатов интервьюирования прокурорских работников делается вывод о том, что выступление прокурора с вступительным заявлением по уголовным делам об убийствах обладает своей спецификой, связанной в первую очередь с изложением существа обвинения, описанием полученных жертвой телесных повреждений и обстоятельств их причинения. С учетом анализа положений уголовно-процессуального закона и актуальной судебной практики, зарубежного опыта поддержания государственного обвинения сформулирован тезис, согласно которому при изложении во вступительном заявлении существа обвинения необходимо заменять юридические термины общеупотребительными синонимами, доводить до присяжных заседателей информацию обо всех полученных жертвой убийства телесных повреждениях без их обобщения, акцентировать внимание судей факта на ярких деталях убийства, транслируя при этом свою убежденность в том, что именно подсудимый совершил инкриминированное ему преступление, т. е. маркируя его как убийцу.

Ключевые слова: прокуратура, государственное обвинение, суд присяжных, вступительное заявление, убийство

Для цитирования: Спасов М. А. Особенности выступления государственного обвинителя с вступительным заявлением по уголовным делам об убийствах, рассматриваемым в судах с участием присяжных заседателей // КриминалистЪ. 2025 № 1 (50). С. 86 – 92.

Original article

SPECIFIC FEATURES OF THE PUBLIC PROSECUTOR'S OPENING STATEMENT IN MURDER CASES TRIED BEFORE JURIES

Maksim A. SPASOV

Velikiye Luki City Court of the Pskov Region, Velikie Luki, Pskov region, Russia, sith.08@mail.ru

Abstract. The article analyses the public prosecutor's opening statement in murder cases tried before juries. Based on interviews with prosecutorial staff, the study concludes that the prosecutor's opening statement in such cases has specific features primarily related to presenting the essence of the charges, describing the injuries sustained by the victim, and the circumstances of their infliction. Taking into account the provisions of criminal procedure law, current judicial practice, and foreign experience in prosecutorial advocacy, the author proposes a thesis stating that when

© Спасов М. А., 2025

presenting the essence of the accusation in an opening statement, it is necessary to replace legal terminology with common synonyms, to convey to jurors comprehensive information about all bodily injuries sustained by the murder victim without generalization, and to emphasize salient details of the murder for the jury, while communicating confidence that the defendant committed the imputed crime, thereby portraying him/her as the murderer.

Keywords: prosecutor's office, public prosecution, jury trial, opening statement, murder

For citation: Spasov M. A. Specific features of the public prosecutor's opening statement in murder cases tried before juries. *Criminalist*. 2025;1(50):86-92. (In Russ.).

Важным этапом деятельности государственного обвинителя в суде с участием присяжных заседателей, значение которого зачастую недооценивается, является выступление с вступительным заявлением.

Как справедливо отмечает Н. Ю. Решетова, вступительное заявление во многом определит отношение к прокурору присяжных заседателей на протяжении всего судебного разбирательства [1, с. 71].

Для повышения эффективности деятельности государственного обвинителя вступительное заявление целесообразно разделить на четыре блока: первый блок — полноценное знакомство и налаживание психологического контакта с коллегией присяжных заседателей, высказывание благодарности за участие в судебном процессе; второй блок — изложение существа предъявленного обвинения; третий блок — озвучивание порядка представления доказательств; четвертый блок — завершение выступления, взывание к гражданскому долгу и чувству ответственности присяжных заседателей за судьбу дела [2, с. 269–276].

Результаты интервьюирования государственных обвинителей показывают, что выступление прокурора с вступительным заявлением по уголовным делам об убийствах обладает своей спецификой, связанной в первую очередь с изложением существа обвинения, описанием полученных жертвой теле-

сных повреждений и обстоятельств их причинения¹.

Речь прокурора во вступительном заявлении должна быть максимально понятна для представителей общества и не содержать в себе, по возможности, при изложении существа обвинения юридических терминов, которые не имеют общеупотребительного значения, что обусловлено компетенцией присяжных заседателей как непрофессиональных участников процесса по исследованию сугубо фактических обстоятельств дела в соответствии со ст. 335 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ).

Прокурор, излагая существо обвинения по уголовному делу об убийстве, в целях соблюдения требований уголовно-процессуального закона, учитывая руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изложенные в профильных постановлениях по вопросам квалификации преступных деяний, может: раскрыть понятие «умысел» как намерение или цель лишения человека жизни; заменить термины «убийство» — на заранее обдуманное, спланированное причинение смерти другому человеку, «группой лиц» или «группой лиц по предварительному сговору» — на совершение указанных в обвинении действий несколькими лицами либо несколькими

¹ Интервьюирование в 2023 году 20 работников органов прокуратуры — помощников, старших помощников прокуроров районного звена, прокуроров прокуратур субъектов Российской Федерации и Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

лицами, заранее договорившимися на их совершение, «организованной группой» — на заранее объединившейся сплоченной группой людей, имеющих единую цель; квалифицирующий признак «из хулиганских побуждений» раскрыть через его содержание, т. е. как явное неуважение лица к обществу и общепринятым нормам морали, обусловленное желанием противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним; понятие «общеопасный способ» обозначить как действия, являющиеся опасными для неограниченного круга лиц; признак «из корыстных побуждений» раскрыть как получение материальной выгоды или избавление от материальных затрат; обозначить: убийство по найму — как обусловленное получением исполнителем материального или иного вознаграждения за заранее спланированное причинение смерти другому человеку, убийство, сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом, — как действия лица по лишению жизни другого человека в процессе совершения описанных в обвинительном заключении действий, убийство сопряженное с изнасилованием, — как описанные в обвинительном заключении действия лица по лишению жизни другого человека, совершенные во время полового сношения (акта) с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей; убийство по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы раскрыть через содержание деятельности убитого лица или социальной группы согласно тексту предъявленного обвинения.

Так, по уголовному делу об убийстве во вступительном заявлении государственного обвинителя, описывая наличие в действиях подсудимого Х. квалифицирующего признака «из хулиганских побуждений», указал, что «без внешней видимой причины побуждения Х. кажутся нелепыми и абсурдными. Действительно, для хулиганских побуждений характерна явная бессмысленность действий, эгоизм, связанный с неуважением к личности и человеческому достоинству, безразличным отношением к общественным интересам, открытым пренебрежением к законам и правилам поведения. В данном случае Х. противопоставляет себя всем, ищет и находит повод, чтобы продемонстрировать это свое пренебрежение и явное неуважение к обществу, а потерпевшим стал случайный гражданин, на месте которого мог оказаться любой»¹. По результатам рассмотрения уголовного дела был вынесен единодушный обвинительный вердикт присяжных и постановлен приговор суда.

При озвучивании существа обвинения по уголовному делу об убийстве государственному обвинителю следует делать акцент на ярких деталях совершенного преступления, способных придать эмоциональный окрас его выступлению и отложиться в памяти присяжных заседателей. Это могут быть орудия преступления (окровавленный топор, начищенный до блеска заранее приготовленный для совершения убийства пистолет), описание жертвы преступления и ее состояния (потерпевший, не оправившись от первого удара, лежал без сознания, истекая кровью, а подсудимый просто стоял и смотрел, как тот умирает), описание мотива преступления (подсудимый, явно противопоставляя себя обществу, в присутствии посетителей кафе нанес беспричинно

¹ Архив Псковского областного суда. Дело № 2-7/2017.

удар ножом жертве, тем самым нанес рану, несовместимую с жизнью) и т. д. [2, с. 269–276].

В англоязычных странах прокуроры при произнесении вступительной речи также используют тактику привлечения внимания к потерпевшим, суть которой заключается в акцентировании внимания суда и присяжных на масштабах причиненного ущерба. Эта тактика является весьма действенной, применяемой в целях создания максимально негативного эмоционального фона. Описание жертвы и полученных ею травм, а также жестокости, с которой было совершено преступление, является одной из самых распространенных и наиболее эффективных суггестивных тактик в суде [3, с. 138].

Данный прием с успехом используется и в Российской Федерации при рассмотрении в суде с участием присяжных заседателей уголовных дел об убийствах. Так, по одному из уголовных дел об убийстве государственный обвинитель, выступая с вступительным заявлением, указал следующее: «Подсудимый К. нашел в доме топор. Подошел к кровати, где крепко спали хозяева — С. и И. Стоя перед спящими людьми с топором в руках, испытывая дикую злобу, К. стал наносить смертельные удары. Убивал методично и хладнокровно. Бил топором в голову. Всего К. нанес 18 ударов топором в область головы мужчины и 9 ударов топором в область головы женщины. Выжить не было ни единого шанса. Был и еще 1 удар топором, циничный, в область коленного сустава С., где находился обрубок левой ноги»¹.

Нередко при выступлении с вступительным заявлением описание телесных повреждений, которые причинены потерпевшему, вызывает трудности. Например, причина смерти потерпевшего, согласно обвинительному заключению,

— слепое резаное ранение передней боковой поверхности шеи слева между средней и нижней третью, проникающее в просвет трахеи слева с повреждением левого сосудистого нервного пучка (левой общей сонной артерии, левых наружной и внутренней яремных вен) и т. д. Изложение деяния в указанной редакции во вступительном заявлении сложно воспринимается на слух. В данном случае, по мнению О. С. Орловой, достаточно сообщить присяжным заседателям, что потерпевшему причинены глубокие ранения шеи и головы, от которых он скончался [4, с. 36–38].

Вместе с тем, несмотря на определенную тактическую целесообразность обобщения во вступительном заявлении всего комплекса телесных повреждений, что позволяет не перегружать его трудно воспринимаемой присяжными заседателями медицинской терминологией, использование данной рекомендации может привести к отмене итогового судебного решения.

Например, судебная коллегия по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции указала, что государственный обвинитель существо предъявленного обвинения должен изложить в полном объеме². И хотя Верховный Суд Российской Федерации в своих отдельных решениях констатировал, что не будет являться нарушением закона изложение только существа обвинения (а не его полного текста)³, вместе с тем из этого никак не следует, что во вступительном заявлении не должны быть изложены все обстоятельства, подлежащие доказыванию, которые впоследствии будут содержаться в вопросном листе.

² Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 28 декабря 2021 г. № 77-6445/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 4 июня 2019 г. № 35-УД19-5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Архив Псковского областного суда. Дело № 2-11/2021.

Поскольку присяжные заседатели при вынесении вердикта вправе изменить обвинение в сторону, благоприятную для подсудимого, в соответствии с ч. 6 ст. 343 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) путем указания на отдельные обстоятельства, которые они посчитали недоказанными, к числу которых относится причинение отдельных телесных повреждений, то они должны быть осведомлены об их наличии до начала исследования доказательств, представляемых сторонами, что происходит именно во вступительном заявлении, и именно исходя из существа обвинения, изложенного в нем, присяжные формируют свое внутреннее убеждение об обстоятельствах дела на протяжении всего судебного процесса.

Тот факт, что в напутственном слове председательствующий приводит содержание обвинения, не может в полной мере восполнить недостаток, связанный с усеченным изложением во вступительном заявлении прокурором обстоятельств, подлежащих доказыванию, в части описания причиненных телесных повреждений, поскольку в таком случае присяжные заседатели из уст председательствующего фактически впервые слышат содержание обвинения целиком, вынуждены заново, полагаясь только на свою память, не имея при этом специальных познаний в уголовном судопроизводстве, ретроспективно соотносить исследованные доказательства с полной версией предъявленного обвинения.

Кроме того, согласно ч. 3 ст. 335 УПК РФ во вступительном заявлении защитник подсудимого излагает согласованную с подсудимым позицию по предъявленному обвинению. Однако если государственный обвинитель не назовет весь комплекс телесных повреждений в своем вступительном заявлении, подсудимый фактически будет лишен

возможности высказать перед судьями факта свою позицию по предъявленному обвинению, например, что он признает свою вину в причинении части телесных повреждений из числа инкриминированных ему органом следствия.

Следует также отметить, что перечисление во вступительном заявлении всего комплекса телесных повреждений, полученных потерпевшим, целесообразно и с тактической точки зрения, поскольку позволит присяжным заседателям более полно и объективно оценить степень общественной опасности привлекаемого к уголовной ответственности лица и вмененного ему органом следствия деяния.

Эффективным инструментом при выступлении с вступительным заявлением является озвучивание более широкого контекста, чем тот, который указан в обвинении, что способно придать речи прокурора дополнительную выразительность и стать вспомогательным инструментом повышения у судей факта интереса к судебному разбирательству.

Так, по вышеупомянутому уголовному делу об убийстве, возбужденному в отношении Х., государственный обвинитель, излагая существо обвинения, указал, что на месте преступления в кафе после семейного домашнего застолья в ночь совершения преступления находились и молодые люди, и люди постарше, которые пришли продолжать отмечать новогодний праздник. В кафе был и подсудимый, который явно провоцировал конфликты с посетителями, мирно отдыхавшими за своими столиками. В кафе в это время находился парень, который, как и все, пришел в ту ночь просто хорошо провести время, стоял за барной стойкой, общался с девушкой-барменом и ни с кем не конфликтовал. Несмотря на это, подсудимый подошел к нему и нанес беспричинно один удар ножом, от которого тот впоследствии скончался.

Таким образом, во вступительном заявлении по уголовному делу об убийстве прокурор может дополнительно указать на обстоятельства, связанные: со временем совершения преступления (например, была глубокая ночь, более на пустыре, куда подсудимый пригласил потерпевшего, никого не было); с кругом лиц, которые находились на месте преступления (в кафе находились посетители, которые мирно сидели за своими столиками и ни с кем, в отличие от подсудимого, не конфликтовали); с поведением подсудимого (подсудимый яростно в течение пяти минут избивал руками и ногами лежавшего на холодной промерзшей земле потерпевшего и не прекратил это делать, пока жертва не перестала подавать признаки жизни); с поведением потерпевшего (несмотря на то, что потерпевший, первым начав драку, нанес всего один несильный удар по лицу подсудимого, последний не просто решил дать отпор, а задумал убить, выместив на потерпевшем копившиеся годами злобу и обиду); с мотивом преступления (приревновав к молодой красавице-жене потерпевшего, который являлся просто ее коллегой по работе, подсудимый нанял профессионального киллера) и т. д.

Хотя по изученным уголовным делам об убийствах вышестоящими инстанциями, вплоть до Верховного Суда Российской Федерации, судебные решения в связи с использованием прокурорами более широкого контекста не отменялись¹, к применению данной тактической рекомендации необходимо подходить взвешенно, поскольку озвучивание во вступительном заявлении

¹ Автором изучено 100 уголовных дел об убийствах, рассмотренных судами разных уровней различных субъектов Российской Федерации (в том числе судами Москвы, Санкт-Петербурга, Ленинградской, Нижегородской, Новгородской, Псковской областей, Республики Татарстан и др.) с участием присяжных заседателей.

информации, которая в последующем не подтвердится исследованными доказательствами, даже в случае ее несущественности, может быть критически воспринято присяжными заседателями, особенно если на это обратит внимание сторона защиты, подразумевая при этом попытку государственного обвинителя приукрасить исследуемые события, чтобы добиться обвинительного вердикта любой ценой.

Выступая с вступительным заявлением, государственный обвинитель должен быть не только сам убежден в обоснованности отстаиваемой позиции, но и стремиться передать свою убежденность присяжным заседателям.

Так, по одному из уголовных дел об убийстве, рассмотренному Псковским областным судом, прокурор, выступая с вступительным заявлением, указал, что «мы не просто утверждаем, оглашая предъявленное И. обвинение, что именно он совершил преступление, мы говорим об этом, основываясь на неопровержимых уликах, которые были добыты в процессе предварительного следствия. Мы не можем иначе. Если бы мы не были уверены в виновности И., мы не поддерживали бы обвинение по данному делу, поскольку бездоказанность обвинения роняет авторитет государства»².

По мнению Верховного Суда Российской Федерации, несмотря на обязанность прокурора обеспечивать законность и обоснованность поддерживаемого обвинения, при использовании им указанной речевой конструкции во вступительном заявлении каких-либо нарушений закона не допускается³. Изложенная позиция представляется в полной мере справедливой, поскольку

² Архив Псковского областного суда. Дело № 2-7/2014 (№ 2-1/2015)

³ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2010 г. № 43-010-3сп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

убежденность государственного обвинителя к началу судебного следствия в виновности подсудимого не освобождает его от обязанности отказаться от обвинения в случае, если в последующем такое обвинение не будет подтверждаться исследованными по делу доказательствами.

Данный прием с успехом применяется и прокурорами иностранных государств и называется тактикой «маркирования» подсудимого путем присвоения ему заведомого статуса виновного. Например: «[Имя] — убийца. И улики в этом деле покажут вам, что те люди в этом мире, которые считали, что знают его хорошо, ничего не знают о нем» [3, с. 138]¹. Как справедливо отмечал в этой связи английский юрист XIX века Р. Гаррисон, во вступительном заявлении нуж-

но внушить присяжным твердое убеждение в своей правоте [5, с. 27 — 31].

Таким образом, прокурору в целях успешного осуществления деятельности по поддержанию государственного обвинения по уголовному делу об убийстве при изложении во вступительном заявлении существа обвинения необходимо заменять юридические термины общеупотребительными синонимами, доводить до присяжных заседателей информацию обо всех полученных жертвой убийства телесных повреждениях без их обобщения, акцентировать внимание судей факта на ярких деталях убийства, транслируя при этом свою убежденность в том, что именно подсудимый совершил инкриминированное преступление, т. е. маркируя его как убийцу.

Список источников

1. Решетова Н. Ю. Психологические аспекты поддержания обвинения в суде с участием присяжных заседателей // Психологические особенности участников уголовного процесса : сб. науч. тр. / Университет прокуратуры Российской Федерации ; под ред. О. Д. Ситковской. Москва : УП РФ, 2018. С. 61 — 73.
2. Серова Е. Б., Спасов М. А. Особенности вступительного заявления военного прокурора в суде с участием присяжных заседателей // Военное право : электрон. журн. 2019. № 1 (53). С. 269 — 276. URL: <http://www.voennoepravo.ru/files/1-19paf/> (дата обращения: 21.11.2024).
3. Сафронова Т. С. Особенности суггестивного воздействия во вступительной речи прокуроров // Грамота. 2017. № 6 (72). С. 136 — 141.
4. Орлова О. С. Подготовка вступительного заявления для выступления перед коллегией присяжных заседателей // Законность. 2012. № 11 (937). С. 36 — 38.
5. Гаррис Р. Школа адвокатуры: руководство к ведению гражданских и уголовных дел : монография / пер. с англ. П. Сергеича. Тула : Автограф, 2001. 351 с.

Информация об авторе

М. А. Спасов — судья Великолукского городского суда Псковской области.

Information about the author

M. A. Spasov — Judge of the Velikie Luki City Court of the Pskov region.

¹ U.S. vs. Susan B. Anthony on the Charge of Illegal Voting : transcript of proceedings. URL: <http://law2.umkc.edu/faculty/projects/ftrials/anthony/trialrecord.html> (дата обращения: 13.05.2016).

Научная статья
УДК 343.23

К ВОПРОСУ О «ДЛЯЩИХСЯ» И «ПРОДОЛЖАЕМЫХ» ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Владимир Ильич ТЮНИН

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,
v-tunin@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению длящихся и продолжаемых преступлений. Исследуются признаки, характеризующие длящиеся и продолжаемые преступления, указанные в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 года № 43. Рассматриваются судебная практика квалификации таких преступлений, особенности конструкции составов преступлений, которые определены как длящиеся и продолжаемые, правовые последствия определения момента начала и окончания названных преступлений.

Ключевые слова: понятие длящихся и продолжаемых преступлений, признаки длящихся и продолжаемых преступлений, механизм совершения преступлений, конструкция составов преступлений, квалификация преступлений, правовые последствия преступлений

Для цитирования: Тюнин В. И. К вопросу о «длящихся» и «продолжаемых» преступлениях // КриминалистЪ. 2025. № 1 (50). С. 93 – 102.

Original article

ON THE ISSUE OF «CONTINUING» AND «CONTINUOUS» OFFENCES

Vladimir I. TYUNIN

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia,
v-tunin@rambler.ru

Abstract. The article examines continuing and continuous offences. It explores the characteristics defining continuing and continuous offences as in the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 43 of December 12, 2023. The author considers judicial practice in the legal classification of such offences, the structural features of the elements of offences categorized as continuous and continuous, and the legal consequences of determining the moment of commencement and completion of these offences.

Keywords: concept of continuing and continuous offences, characteristics of continuing and continued offences, mechanism of committing offences, structure of offence elements, classification of offences, legal consequences of offences

For citation: Tyunin V. I. On the issue of «continuing» and «continuous» offences. Criminalist. 2025;1(50):93-102. (In Russ.).

В настоящей статье мы рассмотрим вопросы, связанные с пониманием длящихся и продолжаемых преступлений.

Значимость для правоприменительной практики оценки и характеристики преступлений как длящихся и продолжае-

© Тюнин В. И., 2025

мые подчеркивает факт принятия постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 года № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о дящихся и продолжаемых преступлениях» (далее — Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 года № 43)¹.

Длительное время правоприменители руководствовались постановлением 23-го Пленума Верховного Суда СССР «Об условиях применения давности и амнистии к дящимся и продолжаемым преступлениям» от 4 марта 1929 года (ред. от 14 марта 1963 г.) (далее — Постановление 23-го Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 года)².

Сразу заметим, что принципиальных отличий, характеризующих преступления как дящиеся или продолжаемые, в сравниваемых постановлениях нет. Тем не менее есть обстоятельства, на которые следует указать. Во-первых, определения дящихся и продолжаемых преступлений в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 года № 43 стали более пространными, а характеристика преступлений привязана к современному законодательству.

В определении дящегося преступления отсутствует указание на такой признак, который содержался в Постановлении 23-го Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 года, как «неисполнение обязанностей, возложенных на виновного законом под угрозой уголовного преследования». Возможно, он исключен в связи с тем, что не все нормы о преступлениях, которые признавались дящимися, содержали в себе конструкцию, указывающую на то, что позитивное поведение виновного лица является обязанностью, неисполнение

которой влечет уголовную ответственность. Действующее Постановление выделяет две группы дящихся преступлений: первая группа характеризуется совершением действия и последующим бездействием. Скажем, это может быть преступление, состоящее в незаконном хранении оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов (ст. 222 Уголовного кодекса Российской Федерации, далее — УК РФ) или в незаконном хранении наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 228 УК РФ). Вторая группа преступлений предполагает изначально бездействие виновного лица, образующее состав конкретного преступления, и характеризуется последующим непрерывным осуществлением состава преступного деяния. К числу таковых принадлежат, например, деяния, предусмотренные ст. 145.1 УК РФ («Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат»), ст. 337 УК РФ («Самовольное оставление части или места службы»). Такие преступления могут быть прекращены (окончены) вследствие наступления событий, влекущих, согласно закону, прекращение обязанности, от выполнения которой лицо уклонялось. Возникают вопросы: о какой обязанности говорится в Постановлении? Должна ли такая обязанность всегда содержаться в позитивном (регулятивном) законодательстве, например, где говорится об обязанности «сообщать о преступлении», совершенном другим лицом (ст. 205.6 УК РФ)?³ И можно ли считать, что такое преступление является дящимся? Уголовный закон предусматривает в указанном случае наказание

¹ Российская газета. 2023. 22 дек.

² Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М., 1997. С. 7–8.

³ Можно предположить, что в Постановлении 23-го Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. неисполнение требований уголовного закона понималось как неисполнение обязанности. Впрочем, отнесение указанного преступления к дящимся достаточно спорно, поскольку не указан срок, когда эта обязанность исчезает.

независимо от того, предусмотрена ли обязанность действовать иным образом в каком-либо ином законе. Конструкция состава преступления, предусмотренного ст. 205.6 УК РФ, тождественна конструкции состава преступления, имевшегося в УК РСФСР 1960 года (ст. 190 «Недонесение о преступлениях») и отнесенного Постановлением 23-го Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 года к длящимся преступлениям. Если следовать буквальному пониманию текста абз. 2 п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 года № 43, то преступление, предусмотренное ст. 205.6 УК РФ, длящимся не является. Такой взгляд на преступление высказывают и практические работники¹.

Исключение признака «обязанности» из определения длящегося преступления, заключающегося в бездействии, потребует изменения в доктрине уголовного права, объяснения необходимости действовать как условия уголовной ответственности. Поскольку таким основанием называлась обязанность, имеющая нормативную основу².

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 года № 43 указывает на юридический момент окончания преступления — такое преступление окончено, если деяние (действие или бездействие) содержит все признаки состава конкретного преступления, предусмотренного соответствующей статьей или частью статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

Механизм длящегося преступления, совершаемого в форме действия, пред-

полагает последующее преступное поведение в форме бездействия, которое было изначально задано действием, например при дезертирстве, выразившемся в самовольном оставлении части, связанном с последующим неисполнением обязанностей по службе. В. Н. Кудрявцев справедливо полагал, что «всякое длящееся преступление начинается с акта активного преступного действия или акта преступного бездействия... который дает окончанный состав. Однако деятельность этих преступлений (дезертирства, незаконного хранения оружия, участия в банде и т. д.) образуется не за счет первоначального акта, а за счет последующего бездействия, продолжающегося вплоть до задержания преступника или до отпадения какого-либо из элементов состава» [1, с. 94]. Сущность этого бездействия состоит в том, что виновный уклоняется от исполнения обязанности либо не совершает действия, пресекающие «последствия» ранее совершенного деяния.

Длящееся преступление, совершаемое в форме бездействия, юридически окончено с момента неисполнения каких-либо предписаний уголовного закона, установленных иным законодательством. Допустим, определенного поведения виновного требует совершение преступления, предусмотренного ст. 330.2 УК РФ («Неисполнение обязанности по подаче уведомления о наличии у гражданина Российской Федерации гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство или иного действительного документа, подтверждающего право на его постоянное проживание в иностранном государстве»).

В ряде случаев законодатель использует при описании состава длящегося преступления указание на способ совершения преступления, и с момента использования такого способа и достижения цели, поставленной виновным,

¹ Ответственность за несообщение о преступлении, свидетелем которого стал. 26.03.2021 // Прокуратура Ставропольского края : офиц. сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_26/activity/legal-education/explain?item=59782149 (дата обращения: 04.11.2024).

² Уголовное право. Общая часть : курс лекций / С. Петерб. ун-т МВД России ; под ред. С. А. Денисова, В. И. Тюнина. СПб., 2008. С. 124.

преступление следует считать оконченным юридически [2, с. 42 – 46]. Такую конструкцию имеет, например, деяние, предусмотренное ст. 339 УК РФ («Уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами»). Юридически преступление окончено с момента совершения того или иного действия (действий), позволившего (позволивших) уклониться от службы. С другой стороны, из текста нормы следует, что на виновном лежит обязанность нести службу. Можно предположить, что неисполнение обязанностей по службе после совершения виновным определенных действий и следует рассматривать как уклонение и как фактическое продолжение преступления, т. е. рассматривать как длящееся преступление. Однако в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 года № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы»¹ об этом не говорится, даже если деяние совершено в целях полного освобождения от исполнения обязанностей военной службы. Иначе говоря, Верховный Суд не указывает, что преступление длящееся.

Напротив, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2008 года № 3 (ред. от 18 мая 2023 г.) «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения альтернативной гражданской службы» сказано, что преступление, установленное ст. 328 УК РФ («Уклонение от прохождения военной и альтернативной гражданской службы»), относится к числу длящихся преступлений². В пункте 13 Постановления отмечается, что «если лицо не явилось с повинной

или не было задержано, указанные преступления оканчиваются вследствие отпадения у него обязанностей по призыву на военную службу либо прохождению альтернативной гражданской службы»³.

Некоторое сходство с дезертирством имеет самовольное оставление части или места службы (ст. 337 УК РФ). В тексте Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 года № 43 не указано, что это преступление является длящимся. Однако правоприменительная практика еще до принятия данного Постановления исходила из того, что преступление относится к числу длящихся. Начальным моментом совершения преступления считается время убытия военнослужащего из части или с места службы без соответствующего разрешения либо неявка в срок без уважительных причин на службу. А окончанием преступления следует считать время, когда виновный добровольно прекратил преступное пребывание вне службы (возвратился в часть, явился в органы военного управления или государственной власти и т. д.) либо когда преступление было пресечено военным командованием или органами власти. В Обзоре судебной практики по делам о преступлениях против военной службы и некоторых должностных преступлениях, совершаемых военнослужащими, подготовленном отделом обобщения судебной практики Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации, приводится следующий пример квалификации преступления, предусмотренного ст. 337 УК РФ (ред. до 24 сентября 2022 г.). Рядовой Д. 23 сентября 1999 года самовольно оставил часть, однако 26 октября того же года был задержан и доставлен в военную комендатуру гарнизона. Желая продолжить уклонение, Д. 29 октября 1999 года самовольно оставил расположение военной комендатуры, после чего

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 7.

² КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76081/ (дата обращения: 04.11.2024).

³ Там же.

проводил время по своему усмотрению до момента его задержания 8 ноября того же года. Действия Д. были оценены гарнизонным судом как длящееся преступление по ч. 4 ст. 337 УК РФ. Вместе с тем была допущена ошибка, поскольку, по мнению вышестоящего суда, преступление было прервано доставлением Д. в комендатуру. Самовольный уход из комендатуры следует расценивать как начало нового длящегося преступления¹.

Помимо задержания виновного или его добровольной явки влияние на квалификацию преступления оказывает срок самовольной отлучки или неявки без уважительных причин на службу, зафиксированный в соответствующих частях ст. 337 УК РФ.

Обратим внимание на одно обстоятельство в практике применения уголовно-правовых норм, когда представление об одномоментном и длящемся преступлении изменялось. Например, преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 327 УК РФ, в части использования поддельного официального документа традиционно считалось одномоментным преступлением, оконченным с момента представления документа, независимо от того, как долго такой документ находился в обороте². В настоящее время произошло переосмысление представления о моменте окончания преступления. Так, по делу К. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации было признано, что «фактические обстоятельства совершенного осужденным

преступления свидетельствуют о том, что использование К. заведомо подложного диплома об образовании осуществлялось на протяжении всего периода нахождения его на должности главы администрации района, поскольку отсутствие такового делало бы невозможным занятие им указанной должности. Исходя из установленных судом обстоятельств, преступление, совершенное К., является длящимся и считается оконченным в момент его пресечения в результате проведенной прокурором проверки лишь 29 декабря 2015 г.»³.

В пункте 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2020 года № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324 – 327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» о моменте окончания такого преступления сказано, что оно должно квалифицироваться как оконченное с момента представления документа независимо от того, была ли достигнута цель виновным лицом. Если представленный поддельный документ использовался в дальнейшем для получения прав либо освобождения от обязанностей в течение какого-то времени, то момент окончания преступления переносится на момент пресечения такого использования⁴.

В целом такой подход к определению момента окончания преступления не противоречит положению, зафиксированному в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 года № 43. Пленум в п. 3 указанного Постановления установил момент фактического окончания для-

¹ КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?red=dog&base=ARB&n=14498#s4tcpWUyvnHUPqvr> (дата обращения: 24.06.2024).

² В определении Верховного Суда РСФСР по делу Б. указано, что подделка документа считается оконченной в момент предъявления поддельного документа в соответствующий орган, и это преступление не является длящимся (Определение Судебной коллегии Верховного Суда РСФСР по делу Б. // Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. 1964 – 1972. М., 1974. С. 401).

³ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2018) : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 4 июля 2018 г. Определение № 13-УД17-8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_371515/ (дата обращения: 20.07.2024).

щегося преступления, связав его с особенностями конструкции состава преступления и правовыми последствиями поведения виновных лиц (деятельным раскаянием, исполнением обязанностей, предусмотренных законом), обнаружением и задержанием виновного лица, наступлением событий, влекущих согласно закону прекращение обязанности.

Тем не менее вопрос об оценке преступления как длящегося или одномоментного продолжает оставаться сложным и с практической точки зрения, и с доктринальной и требует некоторых пояснений. Продолжая рассмотрение правоприменительной практики применения уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за длящиеся преступления, обратимся к некоторым частным вопросам. Обстоятельством, влияющим на момент окончания преступления, считается указание срока (обстоятельства времени), фиксирующего юридический момент окончания преступления.

Например, к числу длящихся преступлений отнесено преступление, предусмотренное ст. 157 УК РФ¹, которое начинается со дня вступления в законную силу постановления судьи о назначении административного наказания по ст. 5.35.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и оканчивается в момент возбуждения уголовного дела. Особенность названного преступления состоит в наличии административной преюдиции, предшествующей наступлению уголовной ответственности.

Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177

УК РФ) также относится к категории длящихся преступлений. Оно начинается после вступления в законную силу судебного акта, подтверждающего законность требований кредитора, и явного (очевидного) уклонения от погашения кредиторской задолженности или оплаты ценных бумаг. Преступление длится до тех пор, пока должник не исполнит свои обязательства или не будет привлечен к уголовной ответственности по ст. 177 УК РФ². Такой взгляд, по крайней мере, не противоречит пониманию длящегося преступления в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 года № 43.

К числу преступлений, состоящих в неисполнении обязанности и последующем бездействии после наступления срока ее исполнения, можно отнести деяния, предусмотренные ст. 190, 194, 198, 199 УК РФ. Если следовать разъяснению, содержащемуся в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 года № 43, то складывается впечатление, что данные преступления относятся к числу длящихся. Но так ли это? В любом случае, как нам представляется, срок (время) исполнения обязанности свидетельствует о юридическом окончании преступления, но не отвечает на вопрос о его фактическом окончании.

Типичным примером таких преступлений являются налоговые преступления, в частности предусмотренные ст. 198 и 199 УК РФ. В действующем постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 года № 48 «О практике при-

¹ Методические рекомендации по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьей 157 Уголовного кодекса Российской Федерации (неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей) : утв. ФССП России 25 мая 2017 г., 26 мая 2017 г. № 0004/5 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_222905/ (дата обращения: 28.07.2024).

² Методические рекомендации по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьей 177 Уголовного кодекса Российской Федерации (злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности) : утв. ФССП России 21 августа 2013 г. № 04-12 : текст с изм. и доп. на 3 окт. 2016 г. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154953/ (дата обращения: 28.07.2024).

менения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» сказано, что «преступления, предусмотренные ст. 198 и 199 УК РФ, считаются оконченными с момента фактической неуплаты налога за соответствующий налогооблагаемый период в срок, установленный налоговым законодательством» (п. 5)¹. По-видимому, это и есть момент фактического окончания налоговых преступлений. Об этом косвенно свидетельствует отказ от указания на то, что налоговые преступления могут быть длящимися в проекте постановления (аннотация к проекту). По мнению К. Сасова, существует ряд обстоятельств, совокупность которых не позволяет считать налоговые преступления длящимися: это особенности конструкции составов преступлений, предусмотренных ст. 198 и 199 УК РФ, где в качестве обязательного признака преступления указываются одновременно два действия — неуплата налога и искажение налоговой отчетности; принцип правовой определенности, который должен приниматься в расчет при обжаловании решений, принятых органами государственной власти, и др. [3]. Продолжает оставаться актуальным вопрос об отнесении к числу длящихся преступлений, предусмотренных ст. 190, 193, 194 УК РФ и др. Проблема оценки преступлений как длящихся была в свое время затронута нами в статье, где была высказана следующая мысль: в тех случаях, когда уголовный или иной закон указывает на срок исполнения обязанностей, преступления следует относить к одномоментным и их окончание связывать с истечением контрольного срока исполнения обязанностей [4, с. 44–49]. По мнению С. В. Маликова, такой подход к определению момента окончания преступлений должен найти отражение

в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации [5, с. 18–20]. В литературе высказываются сомнения в части отнесения преступлений к числу длящихся по ряду оснований: в-первых, признание преступления длящимся лишает виновного возможности освободиться от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности (ст. 78 УК РФ), во-вторых, среди таких преступлений есть деяния, не относящиеся к категории тяжких и особо тяжких, в-третьих, отнесение некоторых преступлений к длящимся достаточно спорно (субъективно) [6, с. 41–52]. Обратим внимание на другой аспект вопроса об отнесении преступления к длящимся. В числе последствий признания преступления длящимся наиболее важными являются: исчисление срока давности привлечения к уголовной ответственности за совершение преступления, применение уголовного закона во времени, возможность применения амнистии. Все названные последствия, несомненно, связаны с определением момента окончания длящегося преступления и влияют на судьбу виновного лица. Не случайно, чтобы смягчить тяжесть правовых последствий признания преступления длящимся, в Постановлении 23-го Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 года был установлен срок, равный 15 годам, прошедший с момента совершения длящегося преступления, если давность совершения преступления не была прервана совершением нового преступления.

Обратимся к тексту Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 года № 43 в части, касающейся продолжаемых преступлений.

Продолжаемое преступление определено в нем как состоящее из двух или более тождественных противоправных деяний, охватываемых единым умыслом. В прежнем Постановлении акцент

¹ КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_338712/ (дата обращения: 28.07.2024).

делался на единстве цели при совершении ряда тождественных преступных действий. В анализируемом Постановлении выделено две разновидности продолжаемых преступлений: первая характеризуется несколькими деяниями, обладающими всеми необходимыми признаками оконченного состава преступления (ст. 174 – 174.1, 290 УК РФ). В качестве примера второй разновидности продолжаемых преступлений названы деяния, которые в своей совокупности образуют оконченное преступление, предусмотренное ст. 158, 159, 160 УК РФ.

Признаками, характеризующими единство умысла виновного при совершении продолжаемого преступления, могут быть следующие обстоятельства его совершения: тождественность деяний, совершаемых с незначительным разрывом во времени, аналогичный способ совершения, совершение деяний в отношении одного и того же объекта либо предмета преступления, а также направленность деяний на достижение общей цели.

В ряде постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации рассматриваются признаки продолжаемых преступлений. Так, в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 года № 29 (ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» сказано, что «от совокупности преступлений следует отличать продолжаемое хищение, состоящее из ряда тождественных преступных действий, совершаемых путем изъятия чужого имущества из одного и того же источника, объединенных единым умыслом и составляющих в своей совокупности единое преступление»¹.

В пункте 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 года № 32 (ред. от

26 февраля 2019 г.) «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» сказано, что продолжаемое преступление, предусмотренное ст. 174 или 174.1 УК РФ, характеризуется несколькими финансовыми операциями (сделками), свидетельствующими о едином умысле виновного на совершение тождественных действий².

В пункте 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 года № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» как продолжаемое преступление рассматривается совершение нескольких тождественных насильственных действий сексуального характера, если они были совершены в течение непродолжительного времени в отношении одного и того же потерпевшего лица при обстоятельствах, свидетельствующих о едином умысле на их совершение³.

В пункте 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 2 (ред. от 24 декабря 2019 г.) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» о едином продолжаемом преступлении сказано, что признаками продолжаемого преступления, предусмотренного ст. 290 и 291 (204) УК РФ, являются многоэпизодность преступления, его систематичность (за покровительство или попустительство по службе) при единстве умысла на совершение единого преступления⁴.

² КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182365/ (дата обращения: 28.07.2024).

³ КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171782/ (дата обращения: 28.07.2024).

⁴ КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_

¹ КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/ (дата обращения: 28.07.2024).

Как видим, характеристика продолжаемого преступления отличается в зависимости от механизма совершения преступления, определенного диспозицией статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, при этом объединяет их тождественность деяний и единый умысел на их совершение. Вопросы квалификации продолжаемых преступлений заслуживают отдельного рассмотрения, поэтому остановимся лишь на одной рекомендации по квалификации взяточничества, содержащейся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 2 (ред. от 24 декабря 2019 г.) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». В пункте 11.1 данного Постановления сказано, что действия взяткодателя и действия должностного лица должны квалифицироваться как оконченные преступления, если взяткодатель намеревался передать, а должностное лицо — получить взятку в значительном или крупном либо в особо крупном размере, при том что фактически принятое должностным лицом незаконное вознаграждение не составило указанного размера¹. Представляется, что указанная рекомендация противоречит представлению о едином продолжаемом преступлении, в частности разъяснению, содержащемуся в п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 года № 43. Состав преступления может считаться оконченным лишь при наличии единства признаков объективной стороны и субъективной стороны любого преступления. Намерение (направленность умысла) виновного лица не может свидетельствовать о наличии оконченного состава преступления [7].

Вопросы квалификации продолжаемых преступлений получили разъяснение высшей судебной инстанции на

LAW_149092/ (дата обращения: 28.07.2024).

¹ Там же.

уровне Пленума Верховного Суда Российской Федерации далеко не во всех случаях. Например, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 года № 1 (ред. от 3 ноября 2016 г.) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» не говорится о продолжаемых преступлениях². Однако судебная практика признает их продолжаемыми³.

Какой вывод напрашивается из всего сказанного? Вопросы квалификации как длящихся преступлений, так и продолжаемых продолжают оставаться сложными. Определить, является ли преступление длящимся либо продолжаемым, бывает достаточно непросто, если нет соответствующего решения суда высшей инстанции. Действующее Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 года № 43 дает лишь рамочное представление об этих преступлениях, называя основные их признаки и правовые последствия, вытекающие из такого признания. Практическую помощь правоприменителям в решении вопросов квалификации преступлений, которые являются длящимися или продолжаемыми, могут оказать постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Вопросы возможности признания многих преступлений длящимися или продолжаемыми остаются дискуссионными. Целесообразно выработать четкие критерии отнесения преступлений к длящимся с тем, чтобы уменьшить их количество в уголовном законе.

² КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125957/ (дата обращения: 28.07.2024).

³ Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 25 сентября 2019 г. № 201-АПУ19-44 // КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/document/cons/cgi/online.cgi?reddoc&base=ARBn=604235#odi0gwux84TxsjEN> (дата обращения: 28.07.2024).

Список источников

1. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. Москва : Госюриздат, 1960. 244 с.
2. Ораздурдыев А. М. Понятие и признаки сложного преступления // Российский следователь. 2022. № 1. С. 42 – 46.
3. Сасов К. О феномене «длящихся преступлений» и «спирали времени» // Zakon.ru : сайт. URL: https://zakon.ru/blog/2019/08/09/o_fenomene_dlysehihsya_prestuplenij_i_spirali_vremeni 09.08.2019 (дата обращения: 20.07.2024).
4. Тюнин В. И. «О «длящихся» и «продолжаемых» преступлениях в сфере экономической деятельности» // Журнал российского права. 2001. № 1. С. 44 – 49.
5. Маликов С. В. Установление момента окончания в составах преступлений с обстоятельствами времени // Российская юстиция. 2018. № 12. С. 18 – 20.
6. Молчанов Д. М. Актуальные проблемы уголовного права. Общая часть : учеб. пособие. Москва : Проспект, 2015. 144 с.
7. Пономарев Н. С. Дискуссионные вопросы момента окончания продолжаемого взыскания: критический анализ разъяснений Пленумов Верховных Судов СССР и РФ // Мировой судья. 2022. № 2. С. 29 – 37.

Информация об авторе

В. И. Тюнин – профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук.

Information about the author

V. I. Tyunin – Professor at the Department of criminal law, St. Petersburg Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Science (Law).

Научная статья
УДК 343.13

ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ ДЕЛЕ

Антон Георгиевич ХАРАТИШВИЛИ¹, Екатерина Евгеньевна МИХАЙЛОВА²

^{1,2}Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия

¹hag@skspba.ru

²mee@skspba.ru

Аннотация. В статье раскрыты позиции ученых-процессуалистов, высших судебных инстанций, а также мнение правоприменителей — следователей Следственного комитета Российской Федерации, принявших участие в анкетировании относительно возможности непосредственного использования результатов оперативно-разыскной деятельности в доказывании. Приведены аргументы и сформулирована позиция о возможности их использования, если они отвечают определенным требованиям.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, результаты оперативно-разыскной деятельности, доказывание, собирание доказательств, оценка доказательств

Для цитирования: Харатишвили А. Г., Михайлова Е. Е. Доказательственное значение результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовном деле // КриминалистЪ. 2025. № 1 (50). С. 103 – 110.

Original article

THE EVIDENTIARY VALUE OF THE RESULTS OF OPERATIVE INVESTIGATIVE ACTIVITIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Anton G. KHARATISHVILI¹, Ekaterina E. MIKHAILOVA²

^{1,2}St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

¹hag@skspba.ru

²mee@skspba.ru

Abstract. This article reveals the positions of criminal procedure scholars, higher courts, and the opinions of law enforcement practitioners — investigators of the Investigative Committee of the Russian Federation — who participated in a survey regarding direct use of the results of operative investigative activities as proving. The authors present arguments and formulate a position concerning the possibility of their using, provided they meet certain established requirements.

Keywords: operative investigative activity, results of operative investigative activity, proving, collecting evidence, evaluation of evidence

For citation: Kharatishvili A. G., Mikhailova E. E. The evidentiary value of the results of operative investigative activities in criminal proceedings. Criminalist. 2025;1(50):103-110. (In Russ.).

© Харатишвили А. Г., Михайлова Е. Е., 2025

Споры о доказательственном значении материалов оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД) продолжают оставаться весьма актуальными. И если представители науки уголовного процесса традиционно не допускают возможность непосредственного использования в доказывании материалов ОРД, то правоприменители, как правило, напрямую применяют эти материалы в качестве доказательств. Такое принципиально разное видение использования результатов ОРД в доказывании, несмотря на то, что существует большое количество разъяснений высших судебных инстанций относительно рассматриваемого вопроса, связано, на наш взгляд, прежде всего с тем, что в уголовно-процессуальном законодательстве данный вопрос практически не регламентирован. При этом в законодательстве об оперативно-разыскной деятельности он достаточно детально проработан.

В Курсе уголовного процесса под редакцией доктора юридических наук, профессора Л. В. Головки сказано, что оперативно-разыскные данные (не совсем понятно, почему авторы Курса пишут о розыскных данных, а не результатах или мероприятиях) сами по себе доказательствами не являются и что представляемые для использования в доказывании результаты ОРД должны только позволять формировать доброкачественные уголовно-процессуальные доказательства [1, с. 490].

В учебнике «Уголовный процесс» А. В. Смирнова, К. Б. Калиновского говорится лишь о «недопустимости подмены уголовно-процессуальной формы оперативно-розыскными действиями», и далее авторы дословно приводят определения Конституционного Суда Российской Федерации, в которых изложена позиция, что «результаты оперативно-розыскных мероприятий являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактических данных, которые

только и могут стать доказательствами после собирания и проверки их надлежащим процессуальным путем» [2, с. 243 — 256].

В учебнике «Уголовный процесс» под редакцией А. Д. Прошлякова, В. С. Балакшина и Ю. В. Козубенко (в частности, в главе, посвященной доказательствам) уважаемые авторы вообще не уделили внимания этому вопросу [3]. Вероятно, не видят необходимости высказывать свою точку зрения либо эта проблема не представляет для них интереса.

В то же время в учебнике, изданном под эгидой Следственного комитета Российской Федерации, отмечается, что «в настоящее время законодателем в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации четко не установлен порядок использования в доказывании результатов оперативно-разыскной деятельности» [4, с. 196]. Далее совершенно справедливо, на наш взгляд, констатируется, что «для предварительного расследования и судебного следствия важно, чтобы порядок оформления, передачи и использования результатов ОРД был урегулирован и регламентирован федеральным законом [т. е. не ведомственной Инструкцией, как сейчас]. К таким законам в первую очередь относятся УПК РФ и Федеральный закон „Об оперативно-розыскной деятельности“, причем их требования должны быть скоординированы» [4, с. 203].

Противоположным этому является мнение, сформулированное Е. А. Доля в монографии 2014 года, согласно которому результаты ОРД служат лишь основой для формирования доказательств [5, с. 5].

М. В. Назаров в своей статье дифференцировал позиции процессуалистов в зависимости от возможности признания результатов ОРД доказательствами. По его мнению, точку зрения, согласно которой результаты ОРД относятся к самостоятельному виду доказательств,

разделяют М. П. Поляков, А. В. Земскова, В. К. Зникин, С. В. Зуев. В то же время такие известные ученые, как А. Р. Белкин, Е. А. Доля, А. Ю. Шумилов, В. И. Зажицкий, полагают, что результаты ОРД можно использовать только «в качестве информационного источника» [6, с. 127].

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал, что результаты оперативно-разыскных мероприятий (далее — ОРМ) являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, а именно на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона¹.

С учетом позиции Конституционного Суда Российской Федерации можно сделать вывод, что результаты ОРД непосредственно в доказывании использоваться не могут.

Анкетирование 220 следователей Следственного комитета Российской Федерации, обучавшихся по программам повышения квалификации в Санкт-Пе-

тербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, показало, что 88,9 % респондентов используют результаты ОРД в доказывании и ссылаются на них как на доказательства в обвинительном заключении, из них 63 % используют результаты ОРД в качестве такого доказательства, как иной документ, 37 % легализуют результаты ОРД посредством производства процессуальных действий (осмотра, допроса и т. д.), 8,7 % респондентов используют результаты ОРД только в качестве информации, 43,1 % опрошенных считают необходимым дополнить ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) таким доказательством, как результаты ОРД, 13,2% полагают что в этом нет надобности, а 39,4 % предлагают закрепить их в ст. 84 УПК РФ «Иные документы».

Таким образом, мы можем констатировать, что в правоприменительной деятельности проблемы, связанные с использованием результатов ОРД в доказывании, практически не возникают. Следователи используют их или как иные документы, или как вещественные доказательства либо осматривают представленные результаты и формируют соответствующий протокол следственного действия.

Краткий анализ зарубежного процессуального законодательства говорит об ином, отличном от отечественного, использовании результатов ОРД в доказывании. По УПК Украины (ст. 99) результаты ОРД выступают в качестве такого доказательства, как документы. В УПК Казахстана (ст. 111) вопрос о признании результатов ОРД доказательствами решен аналогично [7, с. 65].

Некоторые процессуалисты предлагают на законодательном уровне решить проблему использования результатов ОРД в доказывании. Так, А. В. Миликова и С. Б. Россинский считают, что необходимо дополнить ст. 89 УПК РФ частью 2

¹ Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2015 г. № 2729-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Курочкина Алексея Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», от 29 марта 2016 г. № 479-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Андропова Максима Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью первой и пунктом 3 части второй статьи 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», от 26 января 2017 г. № 189-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кильдешова Ивана Сергеевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 7 и 8 Федерального закона „Об оперативно-розыскной деятельности“», от 30 мая 2024 г. № 1401-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Артеменко Игоря Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 290 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также частью второй статьи 75 и статьей 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» и др. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

и изложить ее в следующей редакции: «Результаты оперативно-розыскной деятельности признаются доказательствами и приобщаются к материалам уголовного дела на основании постановления органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, постановления или определения суда» [8, с. 125].

Другие авторы, например В. А. Семенцов, В. Ю. Сафонов [9, с. 90], С. А. Шейфер [10, с. 114 – 115], полагают, что результаты ОРД могут выступать в качестве такого доказательства, как иные документы.

Обратившись к понятию «результаты оперативно-розыскной деятельности», мы увидим, что их дефиниция находится в уголовно-процессуальном законе, а не в Федеральном законе от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹. Раскрывается данное понятие в п. 36.1 ст. 5 УПК РФ как «сведения, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда». Ключевым, на наш взгляд, здесь является именно слово «сведения», которое в контексте представляемых результатов оперативно-розыскной деятельности может пониматься достаточно широко, поскольку УПК РФ не предъявляет никаких требований к содержанию и качеству представляемых сведений.

В статье 89 УПК РФ указывается на то, что «в процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности,

если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом». Совершенно естественно, что результаты ОРД непосредственно данным требованиям отвечать не могут (их собирание и закрепление происходит в другом правовом поле). Однако нормативные источники, регулирующие оперативно-розыскную деятельность, позволяют нам говорить о возможности использования результатов ОРД в доказывании. Так, ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» предусматривает возможность использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств.

В пункте 4 Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд, по сути, корреспондирующей ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», предусмотрено, что результаты оперативно-розыскной деятельности могут использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств².

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 года № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осу-

¹ Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ : текст с изм. и доп. на 29 дек. 2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд : Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ществовании правосудия» говорится, что результаты ОРМ могут быть использованы в качестве доказательств лишь в том случае, если они проверены следственными органами в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством¹.

Согласно п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 года № 55 «О судебном приговоре», «использование в качестве доказательств по уголовному делу результатов оперативно-розыскных мероприятий возможно только в том случае, когда такие мероприятия проведены для решения задач, указанных в ст. 2 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ „Об оперативно-розыскной деятельности“, при наличии оснований и с соблюдением условий, предусмотренных статьями 7 и 8 указанного Федерального закона, а полученные сведения представлены органам предварительного расследования и суду в установленном порядке и закреплены путем производства соответствующих следственных или судебных действий»². То есть для признания результатов ОРД доказательствами должны быть выполнены три условия:

- 1) результаты ОРД соответствуют задачам этой деятельности;
- 2) соблюдены основания и условия проведения ОРМ;
- 3) дальнейшее закрепление результатов ОРМ осуществлено процессуальным путем. В частности, путем проведения следственного осмотра изъятых в ходе ОРМ предметов или документов.

Именно таким способом, согласно результатам нашего исследования, «ле-

гализуется» порядка 37 % всех представляемых следователю результатов ОРД.

В ходе ОРД собирается информация, которая оформляется (документируется) по правилам проведения ОРМ. Порядок ее документирования нормативно урегулирован ведомственными актами субъектов этой деятельности. Л. В. Головкин в этой связи считает, что «они [результаты оперативно-разыскных мероприятий] в любом случае должны быть процессуализированы, т. е. проверены и приведены в надлежащую форму в порядке, установленном УПК РФ, путем преобразования в надлежащий источник (вид) доказательств ... <...> ... представляемые для использования в доказывании результаты ОРД должны только позволять формировать доброкачественные уголовно-процессуальные доказательства» [1, с. 489 – 490].

Основной гарантией при использовании результатов ОРД в доказывании является их соответствие требованиям оперативно-разыскного законодательства. Е. Л. Никитин и Г. В. Дытченко разработали, на наш взгляд, нужный и интересный алгоритм проверки представленных следователю результатов ОРД с точки зрения законности проведения ОРМ (наличие оснований, соблюдение условий и т. д.) [11, с. 146 – 147].

Рассматривая вопрос представления и использования результатов ОРД на примере доказывания по уголовным делам о взяточничестве, А. Г. Харатишвили отмечает: «Следователь как субъект расследования обязан принять и оценить результаты ОРД, представляемые ему органом дознания. При этом на сотрудниках органов дознания лежит обязанность, чтобы представляемые результаты ОРД обладали свойством допустимости, иначе из них невозможно будет формировать доказательства».

Основу института представления результатов ОРД для использования в процессе доказывания составляют статьи 84, 86 УПК России и часть 3 статьи 11 ФЗ

¹ О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 : текст с изм. и доп. на 3 марта 2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О судебном приговоре : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

об ОРД. Задачей следователя является анализ представленных документов на предмет их соответствия ФЗ об ОРД, приведенной Инструкции и совершение следственных и иных процессуальных действий, направленных на процессуальное закрепление переданных результатов в установленном УПК РФ порядке» [12, с. 97].

В своем Определении от 22 января 2022 года № 186-О Конституционный Суд Российской Федерации, на наш взгляд, фактически высказал позицию о том, что органы, осуществляющие ОРД, с целью решения стоящих перед ними задач могут в ходе проведения ОРМ изымать предметы, документы, материалы и сообщения, которые, будучи представленными в установленном порядке следователю, могут использоваться в доказывании по уголовным делам, подчеркнув, что «общность публично-правовых отношений по поводу проверки информации о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении, которые подпадают под действие как Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, так и Федерального закона „Об оперативно-розыскной деятельности“, предполагает общность, взаимосвязанность и взаимообусловленность процедуры передачи-получения (введения в уголовный процесс) документов, предметов, материалов и сообщений, добытых в результате оперативно-розыскной деятельности, что не противоречит законному способу их собирания в процедурах уголовного судопроизводства»¹.

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Цуркан Марины Валерьевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 части 2 статьи 75, статьей 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и частью 1 статьи 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 января 2022 г.

То есть можно сделать вывод, что собирание доказательств как элемент доказывания допустимо в процессе проведения ОРМ (при условии его законности, а также соблюдения процедуры представления результатов), а их проверка и оценка являются компетенцией следователя, осуществляющего предварительное следствие, чем по своей сути и являются все действия следователя, выполняемые им после получения результатов ОРД.

Представляет интерес то обстоятельство, что отдельные ведомственные правовые акты устанавливают протокольную форму документирования гласных ОРМ. Например, в соответствии с Инструкцией о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, утвержденной Приказом МВД России от 1 апреля 2014 года № 199 (далее — Инструкция МВД России)², при проведении обследования могут быть изъяты предметы и документы в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Пункт 23 Инструкции МВД России устанавливает, что результаты изъятия предметов и документов

№ 186-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств: Приказ МВД России от 1 апреля 2014 г. № 199: текст с изм. и доп. на 13 окт. 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

(в частности, документов, имеющих признаки подделки, вещей, изъятых из гражданского оборота или ограниченно оборотоспособных, находящихся у лиц без специального разрешения) оформляются протоколом. При этом в п. 15 Инструкции указывается, что сотрудником, осуществляющим изъятие документов, изготавливаются копии с них, которые заверяются и передаются лицу, у которого они были изъятые, о чем делается запись в протоколе изъятия, составляемом в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации.

О необходимости фиксации результатов ОРМ «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» в форме протокола также говорится и в Инструкции об организации проведения органами федеральной службы безопасности гласного оперативно-разыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств», утвержденной Приказом ФСБ России от 4 июля 2023 года № 288 (далее — Инструкция ФСБ России)¹. Согласно п. 10 данной Инструкции «в случае изъятия документов, предметов и (или) материалов при проведении обследования сотрудник, осуществивший изъятие, со-

ставляет протокол в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации». Кстати, обращает на себя внимание и то, что в Инструкции ФСБ России основанием проведения обследования указано мотивированное постановление одного из руководителей органа безопасности, а не распоряжение как в аналогичной Инструкции МВД России, что, с нашей точки зрения, является более правильным. Ведь Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» не содержит понятия «распоряжение» как основание проведения ОРМ, а постановление в нем указано (ст. 8 и 9).

Интересно, что различия между нормами УПК РФ применительно к протоколированию следственных действий и положениями приведенных ведомственных инструкций незначительны.

Мы полагаем, что результаты ОРД, введенные в уголовный процесс надлежащим образом, т. е. представленные в установленном порядке оперативно-служебные документы, составленные по результатам проведения ОРМ и приобщенные к делу; полученные при проведении ОРМ предметы и документы, осмотренные, признанные вещественными доказательствами и приобщенные к материалам дела; допрошенные в качестве свидетелей лица, опрошенные оперативными сотрудниками, либо участники ОРМ (ст. 74, 86 и 89 УПК РФ), при условии, что полученные результаты прямо относятся к предмету доказывания по данному уголовному делу (ст. 73 УПК РФ), содержат указание на источник получения доказательства или предмета, который стал доказательством по данному уголовному делу (ст. 87 УПК РФ), и соответствуют требованиям достоверности и допустимости (ст. 75 и 88 УПК РФ), могут быть использованы в доказывании.

¹ Об утверждении Инструкции об организации проведения органами федеральной службы безопасности гласного оперативно-разыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» и Перечня категорий руководителей органов федеральной службы безопасности, уполномоченных выносить постановления о возбуждении перед судом ходатайства о разрешении проведения гласного оперативно-разыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств», ограничивающего конституционное право граждан на неприкосновенность жилища : Приказ ФСБ России от 4 июля 2023 г. № 288 Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Список источников

1. Курс уголовного процесса / Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова ; под ред. Л. В. Головки. 3-е изд, испр. и доп. Москва : Статут, 2021. 1328 с.
2. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс : учебник. 8-е изд., перераб. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2020. 784 с.
3. Уголовный процесс : учебник / под ред. А. Д. Прошлякова, В. С. Балакшина, Ю. В. Козубенко. Москва : Инфотропик Медиа, 2018. 912 с.
4. Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс) : учебник / Следственный комитет Российской Федерации [и др.] ; под общ. ред. А. И. Бастрыкина ; науч. ред. И. А. Антонов и В. П. Сальников. Санкт-Петербург : Университет, 2023. 672 с.
5. Доля Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. Москва : Проспект, 2014. 373 с.
6. Назаров М. В. Изменение существующей парадигмы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе // Российский юридический журнал. 2023. № 1 (148). С. 127 – 139.
7. Краснова В. Ю. Негласные следственные действия — решение проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе // Правда и закон. 2022. № 1(19). С. 62 – 70.
8. Миликова А. В., Россинский С. Б. Уголовно-процессуальные акты органов предварительного следствия : монография. Москва : Юрлитинформ, 2021. 160 с.
9. Семенцов В. А., Сафонов В. Ю. Правовые предпосылки и этапы реализации результатов оперативно-розыскной деятельности в досудебном производстве. Екатеринбург : Урал. гос. юрид. ун-т, 2006. 136 с.
10. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. Москва : Норма, 2008. 238 с.
11. Никитин Е. Л., Дытченко Г. В. Прокурорский надзор за законностью проведения и документирования оперативно-розыскных мероприятий : учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т (фил.) Ун-та прокуратуры Российской Федерации, 2021. 279, [1] с.
12. Правовые основы проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях выявления и документирования получения взяток : учеб.-метод. пособие / М. Л. Родичев, А. И. Тамбовцев, А. Е. Чечетин [и др.]. Санкт-Петербург : С.-Петерб. акад. Следственного комитета Российской Федерации, 2018. 175 с.

Информация об авторах

А. Г. Харатишвили — заведующий кафедрой уголовного процесса факультета подготовки следователей Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Е. Е. Михайлова — старший преподаватель кафедры уголовного процесса факультета подготовки следователей Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, полковник юстиции.

Information about the authors

A. G. Kharatishvili — Head at the Department of criminal procedure of the Faculty of investigators training, St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor, Colonel of Justice.

E. E. Mikhailova — Senior Lecturer at the Department of criminal procedure of the Faculty of investigators training, St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Colonel of Justice.

Научная статья
УДК 343.98

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ МЕТОДИКА: СТАНОВЛЕНИЕ,
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ
(ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА ИГОРЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ВОЗГРИНА)**

Ольга Владиславовна ЧЕЛЫШЕВА

*Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия,
Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия, chelysheva2007@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию становления, современного состояния и перспектив развития криминалистической методики как раздела криминалистики через призму оценки научного вклада профессора И. А. Возгрин в изучение данных вопросов. Представлены наиболее перспективные, по мнению автора статьи, направления дальнейшего развития рассматриваемого раздела науки криминалистики. Отмечена необходимость систематизации частных криминалистических методик, реализации преемственности деятельности субъектов, осуществляющих уголовное преследование на различных стадиях уголовного судопроизводства, разработки криминалистических методик прогностической направленности.

Ключевые слова: криминалистическая методика, частные криминалистические методики, уголовное преследование, этапы расследования, систематизация

Для цитирования: Чельшева О. В. Криминалистическая методика: становление, современное состояние, перспективы (памяти профессора Игоря Александровича Возгрин) // КриминалистЪ. 2025. № 1 (50). С. 111 – 118.

Original article

**CRIMINALISTIC METHODOLOGY: FORMATION, CURRENT STATE,
PROSPECTS (IN MEMORY OF PROFESSOR
IGOR ALEXANDROVICH VOZGRIN)**

Olga V. CHELYSHEVA

*The North-Western branch of the Russian State University of Justice,
St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, St. Petersburg,
Russia, chelysheva2007@yandex.ru*

Abstract. The article is devoted to the study of the formation, current state and prospects of the development of forensic methodology as a branch of criminalistics framed through an assessment of Professor I. A. Vozgrin's scholarly contributions to this field. The author outlines the most promising directions for the further development of the considered branch of criminalistics, emphasizing the need for systematization of specific methodologies, continuity in criminal prosecution across different procedural stages, and the development of predictive methodologies.

Keywords: criminalistics methodology, specific criminalistics methodologies, criminal prosecution, stages of investigation, systematization

© Чельшева О. В., 2025

For citation: Chelysheva O. V. Criminalistic methodology: formation, current state, prospects (in memory of professor Igor Alexandrovich Vozgrin). *Criminalist*. 2025;1(50):111-118. (In Russ.).

15 ноября 2024 года научное криминалистическое сообщество отметило 95-летие со дня рождения Игоря Александровича Возгрина — доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации, заслуженного деятеля науки Российской Федерации. Игорь Александрович родился в Ленинграде в 1929 году, будучи подростком, пережил блокаду, в 1953 году окончил Ленинградский государственный университет. Более десяти лет Игорь Александрович находился на службе в органах внутренних дел на оперативной и следственной работе. С 1969 года и до конца своих дней И. А. Возгрин занимался научной и преподавательской деятельностью, преимущественно в образовательных учреждениях системы МВД России.

Игорь Александрович относится к тем людям, которых называют истинными интеллигентами. Можно говорить о научной школе, основателем которой стал И. А. Возгрин, — Ленинградская (Санкт-Петербургская) школа МВД России. Под его руководством защищены докторские и кандидатские диссертации. Среди них ряд фундаментальных работ: «Криминалистическая превенция: Комплексное исследование генезиса, состояния, перспектив» (И. И. Иванов) [1], «Криминалистические методики расследования преступлений: генезис, современное состояние, перспективы развития» (С. Ю. Косарев) [2], «Гносеологические основы отечественной криминалистики: Теоретико-прикладное исследование» (О. В. Чельшева) [3]. Сам Игорь Александрович является автором более 130 научных работ: монографий, научных статей, учебных и практических пособий. Одна из последних книг «Введение в криминали-

стику: история, основы теории, библиография» [4] может рассматриваться как творческое наследие, напутствие новым поколениям криминалистов.

Вклад И. А. Возгрина в отечественную криминалистическую науку высоко ценится научным сообществом [5].

Сфера научных интересов И. А. Возгрина исключительно широка. Это и общая теория и методология криминалистики, криминалистическая тактика, криминалистическая дидактика, но наибольшее внимание он уделял криминалистической методике. Именно этому направлению была посвящена докторская диссертация И. А. Возгрина «Теоретические основы методики расследования преступлений как раздела криминалистической науки» (1986 г.).

В настоящее время криминалистическая методика является самым объемным разделом криминалистики, если считать по количеству проводимых исследований, научных публикаций, диссертационных работ. Развитие криминалистической методики прошло длительный путь — от стихийного создания частных методик расследования, когда структура и содержание определялись на усмотрение автора и отличались невероятным разнообразием, до формирования традиционных подходов, создания более или менее аналогичных по структуре частных методик расследования.

На протяжении многих лет кроме собственно разработки многочисленных частных методик активно обсуждались проблемы, связанные с понятийным аппаратом (криминалистическая методика, криминалистическая характеристика преступления, программа и алгоритм расследования, следственная ситуация и т. п.). Не менее актуальными вопро-

сами являлись классификация частных криминалистических методик, их структуризация, возможность создания общей унифицированной методики.

По многим из этих вопросов Игорем Александровичем были высказаны и научно аргументированы принципиальные суждения, которые легли в основу современной концепции криминалистической методики. Так, И. А. Возгрин последовательно отстаивал позицию о невозможности создания какой-либо единой (общей) методики расследования преступлений. Он утверждал, что единых методов и способов, которые можно было бы применять при расследовании любых видов преступлений, не существует, считал попытки создания универсального метода расследования преступлений ошибочными. По мнению И. А. Возग्रина, «возможна лишь разработка некоторых общих принципов, из которых нужно исходить и которыми нужно руководствоваться при разработке проблем частной методики расследования преступлений» [4]. В этом вопросе он был солидарен с такими классиками отечественной криминалистики, как А. И. Винберг, С. А. Голунский, Б. М. Шавер и другие. Во многом благодаря научным исследованиям И. А. Возग्रина в криминалистической науке прочно утвердилась система криминалистической методики, включающая в себя две части: общие положения и частные методики расследования преступлений.

Безусловной заслугой И. А. Возग्रина является фактически сформулированный им закон связи и преемственности между существующими и возникающими криминалистическими методическими концепциями [4]. Этот закон в полной мере проявился при выработке типичной структуры частных методик расследования преступлений, в ходе развития учения о криминалистической характеристике преступлений, при

создании криминалистического учения о методах расследования преступлений. Действительно, пройдя путь с конца 1920-х годов до настоящего времени, частные криминалистические методики приобрели относительно единообразную структуру, которая позволила оптимизировать изложение получаемой исследователями информации, делает удобными данные разработки для их практического применения.

Кроме этого закона И. А. Возгриным были сформулированы еще ряд законов и принципов криминалистической методики, подтвердивших свою значимость. Надо отметить, что большинство концептуальных положений криминалистической методики, отстаиваемых Игорем Александровичем, нашли свое развитие в трудах его учеников и последователей научной школы. Сложно даже приблизительно перечислить всех ученых-криминалистов, уделявших внимание данным проблемам. Однако, несмотря на значительное количество научных разработок, многие из перечисленных вопросов остаются актуальными до сих пор.

Позволю себе высказать некоторые предположения по поводу перспективных направлений дальнейших разработок в области криминалистической методики.

1. Криминалистическая методика является наиболее объемным разделом криминалистической науки. В настоящее время существует большое количество частных методик расследования отдельных видов и групп преступлений, число которых определяется сотнями. Правоприменителю, столкнувшемуся с необходимостью ознакомиться с какой-либо методикой, довольно сложно ориентироваться в этом безграничном массиве информации. Систематизация их должна быть направлена на возможность быстрого поиска нужной методики в целях ее практического применения.

В связи с этим С. Ю. Косарев в развитие взглядов И. А. Возгрина предложил все методики «сначала дифференцировать на два основных разряда — типичные криминалистические методики (то есть построенные по категориям преступлений, установленным действующим уголовным законодательством в соответствии со структурными элементами Особенной части УК РФ) и особенные криминалистические методики (т. е. построенные по другим основаниям)» [6, с. 21 — 22]. После этого все типичные и особенные методики подразделяются на подразряды в соответствии с дополнительными критериями (уголовно-правовыми или криминалистическими).

На наш взгляд, предложенная С. Ю. Косаревым система достаточно логична и развивает предложенную нами ранее более простую систему «ступенчатости» частных криминалистических методик, построенную по принципу количества критериев, используемых для выделения конкретной методики [7, с. 23].

Такая систематизация, по мнению С. Ю. Косарева, «позволяет в перспективе создать единый банк данных этих методик, а также оптимизировать процесс создания библиотечных каталогов в крупных российских библиотеках» [6, с. 21 — 22].

2. В настоящее время криминалистическая методика как раздел криминалистической науки практически ограничивает свои исследования предварительным расследованием. Учитывая, что в соответствии с традиционным подходом большинство ученых-криминалистов выделяют три этапа предварительного расследования: первоначальный, последующий и заключительный, частная полноструктурная методика завершается заключительным этапом, который заканчивается направлением уголовного дела прокурору для

утверждения обвинительного заключения. Очевидно, это обусловлено современным взглядом на объект криминалистической науки в целом, под которым чаще всего понимают два вида деятельности — преступную и деятельность по раскрытию и расследованию преступлений. Это отчасти объясняется тем, что с момента своего зарождения криминалистика создавалась как наука, прикладные аспекты которой предназначались для обеспечения эффективной работы следователей. На всех этапах развития отечественной криминалистики вообще и криминалистической методики в частности это положение не подвергалось сомнению. В советский и первые годы постсоветского периода соответствующий раздел криминалистики в большинстве учебников и научных работ называли «Методика расследования отдельных видов преступлений». В настоящее время в научной и учебной криминалистической литературе все чаще встречается название «Криминалистическая методика». На первый взгляд, изменение названия связано с тем, что методика должна быть рассчитана не только на стадию предварительного расследования, но и на судебные стадии уголовного судопроизводства. Полагаю, такой подход вполне обоснован, поскольку цель уголовного судопроизводства может считаться достигнутой только тогда, когда по делу вынесен справедливый приговор и преступник привлечен к уголовной ответственности, понес заслуженное наказание. Также очевидно, что по некоторым видам преступлений существенное противостояние между стороной защиты и стороной обвинения разворачивается именно в судебных стадиях и может закончиться изменением объема обвинения в сторону его сужения, а иногда и отказом прокурора от обвинения или вынесением оправдательного приговора.

Несмотря на то что ряд ученых уже на первых этапах становления отече-

ственной криминалистики указывали на необходимость криминалистического обеспечения судебного разбирательства [8, с. 44], эти вполне обоснованные идеи не были реализованы в рамках раздела криминалистической методики. Вопросам использования достижений криминалистики на судебном следствии были посвящены работы Л. Е. Ароцкера [9], Г. А. Воробьева [10; 11], В. Н. Исаенко [12], Н. П. Кирилловой [13], Ю. В. Корневского [14; 15], А. Ю. Корчагина [16], О. Н. Коршуновой [17] и др.

В последние десятилетия появились научные исследования, посвященные методике поддержания государственного обвинения по отдельным категориям уголовных дел [18; 19]. Надо отметить, что данные работы преимущественно выполняются в научных и учебных учреждениях Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Эти тенденции, на наш взгляд, вносят положительный вклад в развитие криминалистической науки. Однако, к сожалению, такие работы носят практически автономный характер по отношению к существующим разделам криминалистики. В отдельных работах, посвященных криминалистическим аспектам деятельности прокурора, осуществляемой на судебных стадиях уголовного судопроизводства, рассматриваются в большей мере тактические аспекты судебно-следственных действий. Работы, посвященные методике поддержания государственного обвинения, практически не вписываются в традиционную систему криминалистической науки. Складывается впечатление существования какой-то особой «прокурорской криминалистики» или вообще самостоятельного направления научных исследований. Подобные взгляды высказываются в ряде научных работ [20]. На наш взгляд, такое положение нельзя признать правильным.

В связи с этим особого внимания и поддержки заслуживает позиция

О. Н. Коршуновой, в соответствии с которой обосновывается единство подхода к процессу познания на всех этапах и стадиях уголовного преследования. Автор определяет «систематизированный комплекс обстоятельств, подлежащих исследованию в процессе осуществления уголовного преследования, включающий обстоятельства совершения преступления той или иной категории (вида, группы), обстоятельства приема и проверки сообщения о нем, принятия решения о возбуждении уголовного дела, предварительного расследования данного преступления, судебного рассмотрения соответствующего уголовного дела в основных и дополнительных стадиях уголовного судопроизводства» [21, с. 9]. Думается, что такой подход мог бы быть положен в основу дальнейшего развития принципа этапности криминалистических методик, поддерживаемого в свое время И. А. Возгриным. Благодаря его работам в криминалистическую методику прочно вошли рекомендации, касающиеся «предварительного этапа расследования», под которым И. А. Возгрин понимал деятельность следователя на этапе проверки сообщения о преступлении в порядке ст. 144 УПК РФ. Возможно, реализация этого подхода при разработке частных криминалистических методик, распространяющихся на судебные стадии уголовного судопроизводства, потребует пересмотра терминологии, характеризующей этапы деятельности правоприменителей, представляющих сторону обвинения. Однако это не является основанием для ограничения криминалистической методики как раздела науки криминалистики только предварительным расследованием.

Следует также отметить, что реализация подхода к разработке частных криминалистических методик с учетом судебных стадий уголовного судопроизводства не ограничится механическим

дополнением существующих методик рекомендациями, обеспечивающими эффективность судебного следствия. Такая концепция потребует пересмотра существующих в настоящее время рекомендаций, адресованных следователям, с учетом перспективы рассмотрения уголовного дела в суде. В частности, при рассмотрении особенностей собирания, исследования, проверки и оценки доказательств при расследовании отдельных видов преступлений необходимо будет учитывать возможное изменение поведения участников уголовного судопроизводства в судебных стадиях, новые версии, выдвинутые стороной защиты, и необходимость их опровержения уже в судебных стадиях и т. п. Таким образом, деятельность следователя должна будет более активно связываться с прогнозированием дальнейшего движения уголовного дела, т. е. после передачи его в суд с обвинительным заключением.

В связи с вышесказанным целесообразно дополнить принципы криминалистической методики принципом непрерывности, обеспечивающим преемственность деятельности субъектов, представляющих сторону обвинения.

3. Еще одной проблемой криминалистической методики как раздела криминалистики представляется некоторая ограниченность методологии разработки частных криминалистических методик. Судебно-следственная практика закономерно считается важнейшим источником данных методик. Создавая очередную частную методику, разработчик в первую очередь обращает внимание на наличие эмпирического материала. На основе изучения уголовных дел, законченных расследованием,

разрабатывается криминалистическая характеристика преступления, выявляются типичные следственные ситуации, предлагаются типовые программы действий следователя применительно к данным ситуациям, определяются особенности производства отдельных следственных действий.

В то же время интенсивно меняющиеся условия жизни общества, появление новых технологий (в том числе информационно-коммуникационных), которые активно и без промедления начинают использоваться в преступных целях, приводят к появлению новых, доселе неизвестных видов преступной деятельности. При этом следователям достаточно сложно освоить новые подходы к их расследованию за неимением соответствующей методики расследования, а ученые-криминалисты, как правило, ждут, пока будет наработан эмпирический материал. Таким образом, складывается ситуация неопозволительно запоздалого появления соответствующих по-настоящему востребованных частных криминалистических методик.

В данной статье мы не ставим задачу представить новую методологию научных исследований, обеспечивающих разработку частной криминалистической методики прогностического характера, так сказать, на перспективу. Однако, на наш взгляд, данная проблема стоит достаточно остро и требует организации научных исследований подобного характера.

Представляется, реализация этих направлений позволит поднять раздел криминалистической методики на новый, более высокий уровень, учитывая его прикладное значение.

Список источников

1. Иванов И. И. Криминалистическая превенция: Комплексное исследование генезиса, состояния, перспектив : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и су-

дебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : дис. . д-ра юрид. наук / Иванов Иван Иванович. Санкт-Петербург, 2004. 418 с.

2. Косарев С. Ю. Криминалистические методики расследования преступлений: генезис, современное состояние, перспективы развития : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : дис. . д-ра юрид. наук / Косарев Сергей Юрьевич. Санкт-Петербург, 2005. 401 с.

3. Чельшева О. В. Гносеологические основы отечественной криминалистики: Теоретико-прикладное исследование : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : дис. . д-ра юрид. наук / Чельшева Ольга Владиславовна. Санкт-Петербург, 2003. 300 с.

4. Возгрин И. А. Введение в криминалистику: история, основы теории, библиография. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2003. 473 с. (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса).

5. Грибунов О. П. Научное наследие И. А. Возгрина и его влияние на развитие криминалистической методики как раздела криминалистики (посвящается 85-летию И. А. Возгрина) // Вестник Восточносибирского института МВД России. 2015. № 1 (72). С. 92 – 96.

6. Косарев С. Ю. Криминалистические методики расследования преступлений: генезис, современное состояние, перспективы развития : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Косарев Сергей Юрьевич. Санкт-Петербург, 2005. 40 с.

7. Чельшева О. В. Проблемы систематизации частных криминалистических методик // Ученые записки юридического факультета Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов. Вып. 5. Санкт-Петербург : С.-Петерб. Гуманитарный ун-т профсоюзов, 2000. С. 23 – 27.

8. Цыпкин А. Л. Судебное следствие и криминалистика // Социалистическая законность. 1938. № 12. С. 44 – 47.

9. Ароцкер Л. Е. Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве уголовных дел. Москва : Юрид. лит, 1964. 223 с.

10. Воробьев Г. А. О предмете тактики судебного следствия // Правоведение. 1973. № 6. С. 63 – 66.

11. Воробьев Г. А. Тактика и психологические особенности судебных действий : учеб. пособие. Краснодар : Кубанский ун-т, 1986. 86 с.

12. Исаенко В. Н. Методика участия прокурора в рассмотрении судами уголовных дел: состояние и проблемы научных исследований // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2007. № 1 (1). С. 57 – 58.

13. Кириллова Н. П. Поддержание государственного обвинения в суде : монография. Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2003. 147 с.

14. Корневский Ю. В. Криминалистика для судебного следствия. Москва : ЮрИнфоР, 2001. 195 с.

15. Корневский Ю. В. Государственное обвинение в условиях судебной реформы (процессуальный, тактический и нравственный аспекты) : метод. пособие. Москва : НИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1994. 85 с.

16. Корчагин А. Ю. Организационно-тактические и методические основы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : дис. ... д-ра юрид. наук / Корчагин Александр Юрьевич. Краснодар, 2007. 356 с.

17. Коршунова О. Н. Криминалистические методики уголовного преследования: особенности построения и структуры // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2006. № 4. С. 154 – 160.

18. Малов А. А. Поддержание государственного обвинения по делам об изнасилованиях (криминалистический аспект) : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : дис. ... канд. юрид. наук / Малов Александр Анатольевич. Санкт-Петербург, 2006. 219 с.

19. Пименова З. И. Криминалистические аспекты участия государственного обвинителя в рассмотрении дел об убийствах по найму : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : дис. ... канд. юрид. наук / Пименова Зоя Ивановна. Санкт-Петербург, 2003. 228 с.

20. Айтжанова А. Г. Современное понятие методики поддержания государственного обвинения // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 3. С. 144 – 148.

21. Коршунова О. Н. Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы уголовного преследования : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Коршунова Ольга Николаевна. Санкт-Петербург, 2003. 44 с.

Информация об авторе

О. В. Чельшева – доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

O. V. Chelysheva – Doctor of Science (Law), Professor.

Научная статья
УДК 343.3/7

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРИЧИНЕНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОГО УЩЕРБА ПУТЕМ ОБМАНА ИЛИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОВЕРИЕМ (РЕЗУЛЬТАТЫ МОНИТОРИНГА ПРИМЕНЕНИЯ ст. 165 УК РФ)

Владислав Федорович ЩЕПЕЛЬКОВ¹, Александр Алексеевич ЧЕРНЫШОВ²

^{1,2} Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹ volga0@yandex.ru;

² st102089@student.spbu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 165 УК РФ. Анализ судебных решений показал, что в ряде типичных ситуаций при юридически тождественных обстоятельствах суды дают разную квалификацию указанных преступлений. В целях стабилизации применения ст. 165 УК РФ авторы предлагают, чтобы Верховный Суд Российской Федерации дал специальные разъяснения. Также предлагается внести коррективы в уголовный закон.

Ключевые слова: квалификация преступлений, корыстная цель, причинение имущественного ущерба, обман, злоупотребление доверием

Для цитирования: Щепельков В. Ф., Чернышов А. А. Квалификация причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (результаты мониторинга применения ст. 165 УК РФ) // КриминалистЪ. 2025. № 1 (50). С. 119 – 126.

Original article

LEGAL CLASSIFICATION OF INFLICTING PECUNIARY DAMAGE THROUGH DECEPTION OR ABUSE OF TRUST (RESULTS FROM MONITORING THE APPLICATION OF ARTICLE 165 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Vladislav F. SHCHEPELKOV¹, Alexander A. CHERNYSHOV²

^{1,2} St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

¹ volga0@yandex.ru

² st102089@student.spbu.ru

Abstract. The article considers the problems of classification of crimes under Article 165 of the Criminal Code of the Russian Federation. An analysis of judicial decisions has revealed that in a number of typical situations involving legally identical circumstances, courts apply different classifications of these offences. In order to stabilize the application of Article 165 of the Criminal Code of the Russian Federation, the authors suggest that the Supreme Court of the Russian Federation should give special clarifications. Amendments to the criminal law are also proposed.

Keywords: classification of crimes, selfish motive, infliction of pecuniary damage, deception, abuse of trust

© Щепельков В. Ф., Чернышов А. А., 2025

For citation: Shchepelkov V. F., Chernyshov A. A. Legal classification of inflicting pecuniary damage through deception or abuse of trust (results from monitoring the application of Article 165 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Criminalist*. 2025;1(50):119-126. (In Russ.).

В отечественной науке уголовного права проблемам квалификации причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 Уголовного кодекса Российской Федерации, далее — УК РФ) уделяется значительное внимание. Однако по многим вопросам нет единства взглядов. Не отличается единообразием в части решения дискуссионных вопросов и судебная практика — об этом свидетельствует мониторинг применения ст. 165 УК РФ (далее — мониторинг)¹. В связи с этим имеет смысл предметно остановиться на выявленных проблемах.

Цель совершения преступления. В соответствии с диспозицией ст. 165 УК РФ цель не входит в число конститутивных признаков состава преступления. В доктрине доминирует подход, согласно которому причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием относится к корыстным преступлениям [1, с. 683; 2, с. 237; 3, с. 250; 4, с. 221; 5, с. 9]. В то же время ряд специалистов считают корыстную цель типичной для данного преступления, но при этом не исключают и иных целей [6, с. 10; 7, с. 8].

Мониторинг применения ст. 165 УК РФ показал, что в судебной практике встречаются оба подхода в части признания корыстной цели обязательным признаком преступления. Одни суды находят ее обязательным признаком².

¹ При написании статьи был использован Отчет о мониторинге судебной практики применения в 2020 — 2024 годах ст. 165 УК РФ, подготовленный в рамках реализации проекта СПБГУ «Мониторинг правоприменения».

² См., напр.: Приговор Октябрьского районного суда г. Красноярск (Красноярский край) от 1 июня 2020 г. по делу № 1-68/2020 (1-690/2019); Приговор Зареченского районного суда г. Тулы (Тульская область) от 8 июня

Другие, напротив, полагают, что никакая цель или заинтересованность не является обязательным признаком данного преступления³. Разница в подходах порождает риски разной квалификации причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, если деяние совершается с корыстной целью. Причем это риски самые нежелательные, когда один подход предполагает оценку содеянного как преступления, а другой — как непроступного поведения.

Также мониторинг показал, что суды, считающие корыстную цель признаком состава, по-разному оценивают ее наличие при юридически тождественных обстоятельствах.

По делам о преступлениях, предусмотренных ст. 165 УК РФ, типичной является ситуация, при которой руководитель организации не перечисляет контрагентам в полном объеме плату за поставленные ресурсы или оказанные услуги и тратит данные денежные средства на нужды возглавляемой им организации. Одни суды допускают, что в данной ситуации имеет место корысть, мотивируя это желанием в дальнейшем состоять на должности руководителя, получать заработную плату, а также заключать сделки в интересах третьих лиц⁴. Другие суды не находят в делах со схожей фабулой корыстной

2020 г. по делу № 1-1/2020 (1-143/2019). Здесь и далее судебная практика приводится по: Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 17.09.2024).

³ См., напр.: Приговор Сорновского районного суда г. Нижний Новгород (Нижегородская область) от 19 октября 2020 г. по делу № 1-50/2020 (1-454/2019).

⁴ Приговор Кировского районного суда г. Красноярск (Красноярский край) от 26 мая 2021 г. по делу № 1-38/2021 (1-524/2020).

цели или корыстной заинтересованности. Например, в оправдательном приговоре Красносельского районного суда Костромской области указано, что желание Г. осуществлять свою трудовую деятельность в должности генерального директора МУП <...> и получать за это заработную плату не может расцениваться как преступное стремление извлечь для себя из совершенного деяния выгоду имущественного характера¹.

Разная трактовка судами диспозиции ст. 165 УК РФ в части цели преступления создала проблему квалификации причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием в размере, превышающем один миллион рублей. Признание такого деяния не обладающим признаком уголовной противоправности при отсутствии корыстной цели будет противоречить и грамматическому, и систематическому толкованию закона. Формулировка диспозиции ст. 165 УК РФ не содержит указания на цель. Крупный размер ущерба (свыше миллиона рублей) в типичной ситуации уже сам по себе говорит о криминообразующей степени общественной опасности. Поэтому нет оснований считать такое деяние не образующим состава преступления, квалифицируемого по ст. 165 УК РФ.

Стабилизация применения уголовного закона нуждается в специальном разъяснении Верховного Суда Российской Федерации относительно цели (целей) указанного преступления.

Способ совершения преступления. Как и применительно к мошенничеству, способ преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, определяется формулой «обман или злоупотребление доверием». В доктрине идентификация способа преступления является дискуссионным вопросом. Споры идут по двум пробле-

мам: 1) разграничение обмана и злоупотребления доверием; 2) допустимость совершения преступления путем обмана и злоупотребления доверием [8, с. 8].

В ходе мониторинга было установлено, что в большинстве случаев подход един. Тем не менее были выявлены ситуации, когда в юридически тождественных ситуациях в одних приговорах указано, что преступление было совершено путем обмана и злоупотребления доверием², в других приговорах была ссылка только на злоупотребление доверием³, в третьих в качестве способа преступления назывался только обман⁴. Аналогичным образом складывается практика установления способа преступления по делам о мошенничестве [9, с. 370–371].

Буквальное толкование закона сегодня не исключает одновременного вменения двух способов: и обмана, и злоупотребления доверием. Если исходить из определений обмана и злоупотребления доверием, которые Пленум Верховного Суда Российской Федерации дал в разъяснениях по делам о мошенничестве, следует заключить, что допустимы одновременно два способа совершения преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ. Для приведения судебной практики к единообразию при оценке способа причинения имущественного ущерба имеет смысл дать детальные разъяснения на уровне постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Имущественный ущерб. Вид имущественного ущерба, который причиняется собственнику или иному владельцу,

¹ Приговор Красносельского районного суда (Костромская область) от 12 мая 2021 г. по делу № 1-1/2021 (1-8/2020; 1-66/2019).

² Приговор Шекинского районного суда (Тульская область) от 19 мая 2021 г. по делу № 1-2/2021 (1-259/2020); Приговор Заводского районного суда г. Саратова (Саратовская область) от 16 июня 2022 г. по делу № 1-355/2022.

³ Приговор Кировского районного суда г. Красноярск (Красноярский край) от 26 мая 2021 г. по делу № 1-38/2021 (1-524/2020).

⁴ Приговор Кировского районного суда г. Саратова (Саратовская область) от 4 февраля 2022 г. по делу № 1-53/2022 (1-536/2021).

в ст. 165 УК РФ не определен. Согласно п. 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 года № 48 (ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» собственнику или иному владельцу имущества может быть причинен как реальный ущерб, так и ущерб в виде упущенной выгоды¹.

Мониторинг применения ст. 165 УК РФ показал наличие проблемы, связанной с установлением вида имущественного ущерба. Так, не все суды указывали вид причиненного имущественного ущерба (реальный ущерб или упущенная выгода), а лишь констатировали, что был причинен имущественный ущерб².

Кроме того, отсутствует единый подход при определении вида ущерба при схожих обстоятельствах. Одни суды считают, что в случаях, когда услуги потерпевшего по гражданско-правовому договору оплачиваются не в полном объеме (т. е. потерпевший не получает должного), ему такими действиями причиняется ущерб в виде упущенной выгоды. Так, в приговоре Правобережного районного суда г. Липецка указано, что был «причинен имущественный ущерб в виде упущенной выгоды, то есть неполученных доходов, которые собственник получил бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено путем злоупотребления доверием»³.

¹ КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/ (дата обращения: 10.11.2024).

² Приговор Кировского районного суда г. Самары (Самарская область) от 27 сентября 2021 г. по делу № 1-592/2021; Приговор Кировского районного суда г. Саратова (Саратовская область) от 4 февраля 2022 г. по делу № 1-53/2022 (1-536/2021).

³ Приговор Правобережного районного суда г. Липецка (Липецкая область) от 29 октября 2021 г. по делу № 1-149/2021.

Другие суды называют аналогичный ущерб реальным. Например, судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Республики Калмыкия указала, что был причинен «реальный материальный ущерб организациям, признанным по делу потерпевшими. То есть ООО <...>, ООО <...>, ООО <...> не получили доходы, которые должны были бы получить при обычных условиях гражданского оборота, если бы их права не были бы нарушены»⁴.

Путаница возникла, как представляется, в силу недостаточно подробных разъяснений по решению этого вопроса со стороны Верховного Суда Российской Федерации. Имеет смысл дать разъяснения относительно вида ущерба, когда потерпевший не получает должного, что характерно для преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ.

Потерпевший. Потерпевшим от причинения имущественного ущерба согласно тексту ст. 165 УК РФ является собственник или иной владелец имущества. При квалификации преступления в связи с этим необходимо устанавливать, кому причинен ущерб, и вид потерпевшего. Мониторинг показал, что суды иногда не отражают вид потерпевшего, указывая лишь на его существование и на то, что ему был причинен имущественный ущерб⁵.

Другая проблема, выявленная в ходе проведения мониторинга, заключается в различном определении судами вида потерпевшего, когда им является муниципальное казенное предприятие,

⁴ Апелляционный приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Калмыкия (г. Элиста) от 23 июля 2020 г. по делу № 22-135/2020.

⁵ Приговор Кировского районного суда г. Иркутска (Иркутская область) от 23 июля 2020 г. по делу № 1-199/2020; Апелляционный приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Калмыкия (г. Элиста) от 23 июля 2020 г. по делу № 22-135/2020.

муниципальное или государственное унитарное предприятие.

Одни суды признавали таких потерпевших собственниками имущества, если с ними заключались гражданско-правовые договоры на оказание услуг в виде отпуска тепловой энергии, горячей воды для многоквартирных домов, но в полном объеме их услуги подсудимыми не оплачивались или если подсудимые незаконно подключались к электросетям и ничего не платили¹.

Другие суды признавали организации, потерпевшие от незаконной врезки в трубопровод или в результате указания заниженных размеров отопляемого помещения, иными владельцами имущества².

В мотивировочной части приговоров нет объяснений, почему потерпевшие в одних случаях признаются собственниками, а в других — иными владельцами имущества.

В теории уголовного права отмечается проблематичность определения потерпевшего как собственника или иного владельца имущества применительно ко многим деяниям, которые на практике оцениваются по ст. 165 УК РФ [10, с. 34–35; 5, с. 8]. В связи с этим предлагается исключить из ч. 1 ст. 165 УК РФ указание на собственника и иного владельца имущества [6, с. 10; 13, с. 8]. Данное предложение надо признать обоснованным. В действующей редакции уголовный закон не защищает интересы потерпевших, которые не являются владельцами имущества.

¹ Приговор Левобережного районного суда г. Воронежа (Воронежская область) от 27 мая 2021 г. по делу № 1-373/2021; Приговор Железнодорожного районного суда г. Воронежа (Воронежская область) от 13 июля 2020 г. по делу № 1-40/2020; Приговор Каспийского городского суда (Республика Дагестан) от 17 декабря 2021 г. по делу № 1-175/2021.

² Приговор Судакского городского суда (Республика Крым) от 19 апреля 2022 г. по делу № 1-12/2022 (1-159/2021); Приговор Советского районного суда г. Брянска (Брянская область) от 18 ноября 2021 г. по делу № 1-98/2021.

Продолжаемое преступление или реальная совокупность преступлений. Отграничение единого продолжаемого преступления от совокупности преступлений является проблемой при квалификации преступлений многих видов, в том числе и предусмотренного ст. 165 УК РФ.

В ходе мониторинга было установлено наличие разных вариантов квалификации судами нескольких деяний, каждое из которых образует состав самостоятельного преступления, ответственность за совершение которого наступает по ст. 165 УК РФ. В одних случаях суды квалифицировали деяние как самостоятельное преступление.

Так, по приговору Кировского районного суда г. Красноярска подсудимая была осуждена за два преступления: по п. «б» ч. 2 ст. 165 УК РФ за то, что она в период с 7 июня 2017 года по 18 августа 2017 года, имея реальную возможность исполнить взятые на себя по договору обязательства, не оплатила в полном объеме оказанные потерпевшим ООО услуги холодного водоснабжения и водоотведения, и по п. «б» ч. 2 ст. 165 УК РФ за то, что в период с 8 июня 2017 года по 18 августа 2017 года, имея реальную возможность исполнить взятые на себя по договору обязательства, не оплатила в полном объеме оказанные потерпевшим АО услуги теплоснабжения и поставки горячей воды³.

Указанные два эпизода представляют юридически тождественные действия, подсудимая действовала от лица одного юридического лица, эти деяния охватываются одним промежутком времени, но суд не стал их объединять единым умыслом и осудил виновную за реальную совокупность преступлений.

Другими судами аналогичные эпизоды квалифицируются как продолжа-

³ Приговор Кировского районного суда г. Красноярска (Красноярский край) от 26 мая 2021 г. по делу № 1-38/2021 (1-524/2020).

емое преступление. Например, по приговору Правобережного районного суда г. Липецка подсудимый был осужден по п. «б» ч. 2 ст. 165 УК РФ за два юридически тождественных деяния, которые были совершены им в один промежуток времени, в отношении двух потерпевших, от лица одного юридического лица¹.

Неустойчивая практика отграничения продолжаемого преступления от совокупности преступлений имеет место и при квалификации иных преступлений [11, с. 71]. Обусловлено это объективными и субъективными причинами, об этом в доктрине сказано много. В известной степени практику могло бы стабилизировать постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 года № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о дящихся и продолжаемых преступлениях», в котором заново сформулированы общие признаки продолжаемого преступления². Однако без конкретизации этих признаков для отдельных видов преступлений вряд ли можно решить проблему. В связи с этим сохраняет актуальность предложение продолжать давать разъяснения по отграничению продолжаемого преступления от совокупности преступлений для отдельных видов преступлений, учитывая специфику конструкции составов [12]. Последнее относится и к причинению имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием.

Отграничение причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием от злоупотребления полномочиями (ст. 201 УК РФ). Вопросы разграничения преступлений, предусмотренных ст. 165 и

201 УК РФ, неоднократно поднимались в специальной литературе [13]. Наиболее проблемной для квалификации является ситуация, когда в содеянном содержатся признаки обоих преступлений. Возможны три варианта оценки: 1) только по ст. 165 УК РФ; 2) только по ст. 201 УК РФ; 3) и по ст. 165, и по ст. 201 УК РФ. Мониторинг показал, что на практике встречаются все три варианта уголовно-правовой оценки содеянного.

Так, по приговору Левобережного районного суда г. Воронежа по п. «б» ч. 2 ст. 165 УК был осужден директор ООО (управляющей компании) за то, что он, имея реальную возможность, не оплатил в полном объеме поставленные потерпевшими и потребленные жителями коммунальные услуги, а перечисленные денежные средства потратил на иные нужды возглавляемой им компанией³.

По приговору же Сыктывкарского городского суда Республики Коми подсудимого, который также был директором ООО (управляющей компании) и также не перечислил потерпевшим денежные средства в полном объеме за фактически предоставленные потребителям ресурсы, а потратил их на иные цели, осудили по ч. 1 ст. 201 УК РФ⁴.

В третьем деле действия подсудимого были квалифицированы судом по ст. 165 и по ст. 201 УК РФ. Виновный, будучи директором ОАО, после того как субподрядчики выполнили свою работу, имея реальную возможность, не стал переводить оставшуюся часть денежных средств⁵.

³ Приговор Левобережного районного суда г. Воронежа (Воронежская область) от 27 мая 2021 г. по делу № 1-373/2021.

⁴ Приговор Сыктывкарского городского суда (Республика Коми) от 27 июля 2020 г. по делу № 1-168/2020 (1-1240/2019).

⁵ Апелляционный приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Калмыкия (г. Элиста) от 23 июля 2020 г. по делу № 22-135/2020.

¹ Приговор Правобережного районного суда г. Липецка (Липецкая область) от 29 октября 2021 г. по делу № 1-149/2021.

² КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_LAW_464554/ (дата обращения: 10.11.2024).

Правовой анализ возможных вариантов квалификации деяния в описанных ситуациях показывает, что квалифицировать преступление только по ст. 165 УК РФ нельзя, поскольку имеются признаки более тяжкого преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ. И кроме того, квалификация не будет учитывать причинение вреда интересам службы в коммерческой или иной организации.

Квалификация по совокупности преступлений укладывается в общую логику квалификации преступлений, когда одно преступление совершается способом, который сам по себе образует состав преступления. В нашем случае причинение имущественного ущерба (одно преступление, предусмотренное ст. 165 УК РФ) совершается при помощи злоупотребления полномочиями (другого преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ). Поскольку этот способ не назван в качестве признака состава преступления (в ст. 165 УК РФ нет отягчающего обстоятельства «с использованием служебного положения»), то требуется вменение совокупности преступлений. Если бы указанное обстоятельство было предусмотрено в ст. 165 УК РФ, например как в ст. 159 или 160 УК РФ, тогда достаточно было квалифицировать содеянное только по ст. 165 УК РФ с вменением соответствующего квалифицирующего признака (как это делается применительно к хищениям по ст. 159 и 160 УК РФ, совершаемым с использованием служебного положения). Однако при квалификации по совокупности преступлений два раза учитывается имущественный ущерб как общественно опасное последствие, что противоречит принципу справедливости (ст. 6 УК РФ).

Вариант вменения только ст. 201 УК РФ не учитывает, что деяние зачатую направлено в первую очередь на причинение вреда собственности. Хотя в целом санкции ст. 201 УК РФ являются более строгими, в то же время можно привести пример, когда квалификация содеянного по ст. 165 УК РФ может повлечь более строгое наказание по сравнению с квалификацией содеянного по ст. 201 УК РФ. Это значит, что для некоторых типичных ситуаций квалификация только по ст. 201 УК РФ будет создавать необоснованные преференции лицам, деяние которых содержит состав более опасного преступления.

Таким образом, каждый из обозначенных вариантов имеет определенные изъяны. В сложившейся ситуации «разрубить гордиев узел» возможно путем специального разъяснения Верховного Суда Российской Федерации.

Основные выводы. Выявленные в ходе мониторинга применения ст. 165 УК РФ проблемы, связанные с установлением цели, способа совершения преступления, вида ущерба, с разграничением совокупности преступлений и единого продолжаемого преступления, а также с разным решением судов при квалификации причинения имущественного ущерба с использованием служебного положения, требуют стабилизирующих судебную практику разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Решение задачи надлежащей охраны собственности располагает к тому, чтобы скорректировать диспозицию ст. 165 УК РФ, исключив из нее виды потерпевших от преступления.

Список источников

1. Бойцов А. И. Преступления против собственности. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2003. 775 с. (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса).
2. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / В. Н. Воронин, А. А. Бимбинов, С. А. Боженко [и др.] ; под ред. И. Э. Звечаровского. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2010. 976 с.

3. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / М. В. Арзамасцев, А. И. Бойцов, В. И. Бурлаков [и др.] ; под ред. В. Н. Бурлакова, В. В. Векленко, В. Ф. Щепелькова. 4-е изд., доп. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2022. 896 с.
4. Уголовное право России. Особенная часть. Учеб. для акад. бакалавриата. В 2 т. Т. 1 / П. В. Агапов, Т. А. Боголюбова, Т. А. Диканова [и др.] ; под ред. О. С. Капинус. Москва : Юрайт, 2015. 437 с. (Бакалавр. Академический курс).
5. Воронин В. Б. Уголовно-правовые меры борьбы с причинением имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Воронин Владимир Борисович. Москва, 2013. 26 с.
6. Черных Е. Е. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием: вопросы применения и совершенствования законодательства : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Черных Евгения Евгеньевна. Нижний Новгород, 2009. 30 с.
7. Бабушкина Е. А. Уголовно-правовая характеристика причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ) : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : / Бабушкина Елена Анатольевна. Томск, 2018. 24 с.
8. Бондарь А. В. Мошенничество как вид преступного посягательства против собственности и особенности его проявления в сфере банковской деятельности (уголовно-правовой аспект) : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Бондарь Андрей Викторович. Красноярск, 2003. 24 с.
9. Щепельков В. Ф., Суслина Е. В., Векленко В. В. Применение норм Уголовного кодекса Российской Федерации о мошенничестве: состояние и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11, № 2. С. 368 – 382.
10. Яни П. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием // Законность. 2017. № 11. С. 33 – 37.
11. Щепельков В. Ф. Сложные вопросы квалификации служебных преступлений в сфере профилактической медицины // Закон. 2022. № 4. С. 67 – 76.
12. Пряхина Н. И., Щепельков В. Ф. Квалификация продолжаемых преступлений: закон, теория, практика // Российский ежегодник уголовного права. 2013. № 6. С. 379 – 392.
13. Креховец А. В., Никифорова А. А. К вопросу об отграничении причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ) от злоупотребления полномочиями (ст. 201 УК РФ) // Российский следователь. 2021. № 2. С. 43 – 46.

Информация об авторах

В. Ф. Щепельков – профессор кафедры уголовного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук;

А. А. Чернышов – помощник адвоката в ННО «Ленинградская областная коллегия адвокатов», студент 4 курса юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Information about the authors

V. F. Shchepelkov – Professor at the Department of criminal law of the Faculty of law, St. Petersburg State University, Doctor of Science (Law);

A. A. Chernyshov – Assistant to the lawyer at the non-governmental non-profit organization «Leningrad Regional Bar Association», 4th year Student of the Faculty of law, St. Petersburg State University.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья
УДК 342.9

ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В РАССМОТРЕНИИ СУДАМИ ДЕЛ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Надежда Ивановна БЕЗРУКАВАЯ

Прокуратура Воронежской области, Воронеж, Россия, bezrukavayan@mail.ru

Аннотация. В статье исследованы отдельные вопросы участия прокурора в рассмотрении судами дел об административных правонарушениях как самостоятельного ненадзорного направления деятельности органов прокуратуры. На основе определения места указанной деятельности в системе функций прокуратуры выделены две формы участия прокурора в деле: инициативная — участие в рассмотрении дел, возбужденных прокурором, и участие в рассмотрении дел, возбужденных иными органами, для обеспечения законности (дела обязательной категории и дела по протестам (жалобам) прокурора), а также категории дел, в которых предусмотрено участие прокурора. Отмечены особенности реализации полномочий прокурора при рассмотрении дел, возбужденных прокурором и иными органами. Выявлены проблемы правового регулирования, связанные с необходимостью нормативного закрепления понятия прокурора как участника производства по делу, наделения руководителей органов прокуратуры всех уровней и их заместителей правом обращения в суд с заявлением о привлечении к административной ответственности в арбитражном процессуальном порядке, установления перечня видов дел об административных правонарушениях, требующих участия прокурора, извещения прокурора о рассмотрении дела обязательной категории, установления требований к форме и содержанию мотивированной позиции прокурора по делу. С учетом результатов анализа действующей нормативной основы сформулированы предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: прокурор, суд, административное правонарушение, рассмотрение дела, полномочия

Для цитирования: Безрукавая Н. И. Вопросы участия прокурора в рассмотрении судами дел об административных правонарушениях // КриминалистЪ. 2025. № 1 (50). С. 127 – 136.

© Безрукавая Н. И., 2025

Original article

ISSUES OF THE PROSECUTOR'S PARTICIPATION
IN COURT PROCEEDINGS CONCERNING
ADMINISTRATIVE OFFENSE CASES

Nadezhda I. BEZRUKAVAYA

Prosecutor's Office of the Voronezh region, Voronezh, Russia, bezrukavayan@mail.ru

Abstract. The article examines specific issues of prosecutor's participation in court proceedings concerning administrative offense cases as an independent non-supervisory area of activity of the prosecution service. Based on defining the place of this activity within the system of the prosecutorial functions, two forms of prosecutor's participation in a case have been identified: initiative – participation in the consideration of cases initiated by the prosecutor, as well as participation in the consideration of cases initiated by other bodies to ensure legality (mandatory category cases and cases regarding the prosecutor's protests (complaints)), as well as categories of cases requiring prosecutorial participation. The features of exercising prosecutorial powers in the consideration of cases initiated by the prosecutor and other bodies are noted. The author has identified the problems of legal regulation related to the need for normative consolidation of the concept of the prosecutor as a participant in the case proceedings, granting all levels of prosecutorial leaders and their deputies the authority to file claims with the court for imposing administrative liability under the arbitration procedural framework, establishing a list of types of administrative offense cases requiring prosecutorial involvement, notifying the prosecutor about the consideration of mandatory category cases, and setting requirements for the form and content of the prosecutor's reasoned position in a case. Based on the results of the analysis of the current regulatory framework, proposals for improving legislation have been formulated.

Keywords: prosecutor, court, administrative offense, case review, powers

For citation: Bezrukavaya N. I. Issues of the prosecutor's participation in court proceedings concerning administrative offense cases. *Criminalist*. 2025;1(50):127-136. (In Russ.).

В свете изменения конституционных положений о прокурорской деятельности учеными активно обсуждаются проблемы определения ее функционального содержания [1; 2; 3]. Не менее дискуссионной является тема судопроизводства по делам об административных правонарушениях как самостоятельного юридического процесса [4; 5].

Участие прокурора в рассмотрении судами дел об административных правонарушениях непосредственно связано с каждым из названных вопросов, поэтому также представляет научный и практический интерес, при этом данное направление деятельности прокуратуры на сегодняшний день недостаточно изучено [6]. В частности, это касается опре-

деления места исследуемой деятельности в системе функций прокуратуры, выделения форм участия в деле, определения категорий дел, в которых предусмотрено участие прокурора, а также особенностей реализации полномочий при рассмотрении дел, возбужденных прокурором и иными органами.

Прокурор, исходя из положений Федерального закона от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), является одним из ключевых субъектов, реализующих государственные функции в сфере административного преследования, обладает не присущими иным органам

полномочиями по возбуждению дел, проведению административного расследования, участию в рассмотрении дел, оспариванию принятых решений, осуществлению надзора за исполнением законов органами административной юрисдикции.

Меняющиеся социальные, экономические реалии требуют закрепления в законе новых составов административных правонарушений, обуславливают стабильно высокое количество совершаемых проступков.

Только с 2019 по 2024 год было принято более 240 законов, которыми внесены изменения и дополнения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, более 90 из них ввели новые составы правонарушений.

Дела об административных правонарушениях по более чем 550 составам согласно ст. 23.1 КоАП РФ подлежат рассмотрению судьями, которые также осуществляют пересмотр судебных и несудебных постановлений, в том числе по делам, возбужденным прокурорами, либо по протестам прокуроров.

Суды общей юрисдикции ежегодно рассматривают более 7 млн дел об административных правонарушениях, из них около 1 % возбуждены прокурорами; более 300 тыс. жалоб и протестов. Арбитражные суды рассматривают более 60 тыс. таких дел в год, из них прокурорами возбуждено более 10 %¹.

Обязанность прокурора участвовать в рассмотрении дел об административных правонарушениях не установлена ч. 2 ст. 25.11 КоАП РФ, в которой лишь указано на необходимость извещения прокурора о рассмотрении дела, возбужденного им самим, или дела в отношении несовершеннолетнего.

¹ Судебная статистика Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 10.07.2024).

Статья 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ), в которой закреплены основы участия прокурора в арбитражном процессе, также не предусматривает вступление прокурора в процесс рассмотрения судами дел об административных правонарушениях, однако толкование ст. 202, 207 АПК РФ, анализ позиций высших судебных инстанций² позволяют сделать вывод о наличии у прокурора полномочий по обращению в арбитражный суд с заявлением о привлечении к административной ответственности по составам административных правонарушений, перечисленным в ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ, а также о пересмотре таких постановлений [7].

Участие прокурора в рассмотрении судами дел об административных правонарушениях определено нами как самостоятельное межфункциональное ненадзорное направление деятельности прокуратуры, осуществляемое на всех стадиях судопроизводства и во всех судебных инстанциях с целью обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства, защиты частных и публичных интересов в производстве по делам об административных правонарушениях, обеспечения законности действий его участников посредством

² О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 27 января 2003 г. № 2 : текст с изм. и доп. на 19 нояб. 2024 г. ; О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе : Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 марта 2012 г. № 15 : текст с изм. и доп. на 25 янв. 2023 г. ; Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 20 июля 2004 г. № 2343/04 по делу № А79-4505/03-СК1-4264. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

использования специальных правовых средств и предоставленных законом полномочий [8].

Прокурором при этом реализуются отдельные составляющие двух функций прокуратуры — административно-го преследования [9, с. 23] (на судебной стадии) и участия в рассмотрении дел судами (в порядке, установленном Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях и Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации), в связи с чем прокурор наделен особым правовым статусом, обусловленным двойственной ролью: с одной стороны, как субъекта административного преследования; с другой — как субъекта, обеспечивающего законность при вынесении судами постановлений по делам об административных правонарушениях, возбужденных иными органами.

При этом под административным преследованием понимается деятельность прокурора с момента возбуждения дела до вступления постановления по делу в законную силу и обращения его к исполнению, включая возбуждение дела, проведение административного расследования, участие в рассмотрении дела и пересмотр постановления по делу.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, в отличие от процессуальных кодексов, не содержит норм о правовом статусе прокурора. На наш взгляд, в ст. 25.11 КоАП РФ необходимо закрепить понятие прокурора, под которым предлагается понимать Генерального прокурора Российской Федерации, его заместителей и назначаемых им руководителей органов прокуратуры и их заместителей, уполномоченных в пределах компетенции осуществлять надзор за исполнением законов органами административной юрисдикции, осуществлять административное преследование и участвовать в предусмотренных законом случаях

в рассмотрении дел об административных правонарушениях с целью обеспечения законности.

Выделяют две формы участия прокурора в деле: инициативная — участие в рассмотрении дел, возбужденных прокурором, и участие в рассмотрении дел, возбужденных иными органами, для обеспечения законности (дела обязательной категории и дела по протестам (жалобам) прокурора) [8, с. 33].

К делам так называемой обязательной категории исходя из анализа норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и иных законов относятся дела в отношении несовершеннолетних и в отношении лиц с особым правовым статусом. Участвуя в их рассмотрении, прокурор по аналогии с гражданским и административным судопроизводством дает заключение по делу, не являясь лицом, заинтересованным в его исходе.

В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях не упоминается об участии прокурора в рассмотрении дел об административных правонарушениях в отношении лиц с особым статусом [10, с. 72], однако приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 23 ноября 2015 года № 645 «О порядке реализации прокурорами полномочий в сфере привлечения к административной ответственности лиц, обладающих особым правовым статусом» (п. 2.7) обязывает прокуроров участвовать в рассмотрении судами дел в отношении лиц, указанных в пп. 1.2.1 — 1.2.4 Приказа: судей, членов Совета Федерации, депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, кандидатов в Президенты, в депутаты Государственной Думы Российской Федерации, представительных органов власти субъектов Российской Федерации, муниципальных образований и др., независимо от того, кем возбуждено дело.

Данное требование обусловлено содержащимися в ряде федеральных законов¹ положениями о необходимости получения согласия прокуроров различных уровней на назначение лицам с особым правовым статусом административного наказания, налагаемого в судебном порядке. Однако не установлена необходимость извещения прокурора о рассмотрении дела, в рамках которого он дал соответствующее согласие или отказал в таковом, что создает проблемы правоприменительного характера.

Дела в отношении лиц с особым правовым статусом зачастую рассматриваются судами без участия прокурора, несмотря на ходатайство привлекаемого к ответственности лица об участии в деле прокурора и на наличие в материалах его согласия на возбуждение дела.

Так, при рассмотрении жалобы на постановление по такому делу суд апелляционной инстанции указал, что доводы о том, что в судебном разбирательстве не принимали участие прокурор либо должностное лицо, составившее протокол об административном правонарушении, как лица, поддерживающие обвинение, не могут быть приняты во внимание, поскольку в соответствии

с п. 2 ч. 1 ст. 25.11 КоАП РФ прокурор в пределах своих полномочий вправе участвовать в рассмотрении дела об административном правонарушении, представлять доказательства, заявлять ходатайства, давать заключения по вопросам, возникающим во время рассмотрения дела; прокурор извещается о месте и времени рассмотрения дела об административном правонарушении, совершенном несовершеннолетним, а также дела об административном правонарушении, возбужденного по инициативе прокурора, а поскольку настоящее дело об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ, не было возбуждено по инициативе прокурора, то его участие в рассмотрении дела в силу закона не требовалось, а участие должностного лица, составившего протокол, в судебном заседании не является обязательным².

Представляется, что участие прокурора в рассмотрении дела в данном случае позволит наиболее эффективно отстоять занятую при даче согласия прокурором позицию, обеспечить законность при принятии судом решения.

Вместе с тем ст. 25.11 КоАП РФ предусматривает извещение прокурора о рассмотрении дела об административном правонарушении, совершенном несовершеннолетним, но не возлагает обязанность по участию в деле.

Дела в отношении несовершеннолетних, как правило, рассматриваются комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав (ст. 23.2 КоАП РФ), однако согласно ч. 2 ст. 23.2 КоАП РФ дела в области дорожного движения рас-

¹ О статусе судей в Российской Федерации : Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 : текст с изм. и доп. на 27 нояб. 2023 г. П. 4 ст. 16 ; О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : Федеральный закон от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ : текст с изм. и доп. на 13 июля 2024 г. Ч. 4 ст. 19, ч. 1 ст. 20 ; О выборах Президента Российской Федерации : Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ : текст с изм. и доп. на 8 авг. 2024 г. П. 6 ст. 42 ; О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : Федеральный закон от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ : текст с изм. и доп. на 8 авг. 2024 г. Ч. 3 ст. 47 ; Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ : текст с изм. и доп. на 8 авг. 2024 г. Пп. 18, 18.1 ст. 29, п. 4 ст. 41. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

² Решение Московского городского суда от 2 сентября 2022 г. по делу № 7-15165/2022 [о привлечении зарегистрированного кандидата в муниципальные депутаты к ответственности по ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ за пропаганду, публичное демонстрирование нацистской, экстремистской и иной запрещенной атрибутики и символики]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

смаатриваются указанными комиссиями в случаях, если орган или должностное лицо, к которым поступило дело о таком административном правонарушении, передает его на рассмотрение указанной комиссии.

Таким образом, судом могут быть рассмотрены дела в отношении несовершеннолетних, совершивших правонарушение в области дорожного движения. К компетенции суда в ч. 1 ст. 23.1 КоАП РФ отнесено рассмотрение дел более чем по 30 составам из главы 12 КоАП РФ. Участие прокурора в них представляется оправданным ввиду особой социальной значимости, позволяет не допустить возможных нарушений прав лиц, не достигших 18 лет.

Как справедливо отмечено Верховным Судом Российской Федерации, разрешение в отношении несовершеннолетнего дела об административном правонарушении с нарушением требований, предусмотренных ч. 2 ст. 25.11 КоАП РФ, не отвечает задачам производства по делам об административных правонарушениях, установленным ст. 24.1 названного Кодекса¹.

Если при организации участия прокурора по делам, возбужденным прокурором, или при оспаривании постановлений на практике возникает меньше сложностей, то по делам, возбужденным иными органами, отмечаются проблемы, связанные с определением их видов.

Анализ норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, иных законов и ведомственных нормативных правовых актов позволяет определить категории дел об административ-

ных правонарушений, в рассмотрении и пересмотре судом которых участвует прокурор.

В рамках инициативной формы: дела, возбужденные прокурором, рассматриваемые судом первой инстанции; дела по жалобам (протестам) на вступившие и не вступившие в силу постановления судов и несудебных органов по делам об административных правонарушениях, возбужденных прокурором.

В рамках участия для обеспечения законности по делам, возбужденным иными органами: дела в отношении несовершеннолетних и лиц с особым правовым статусом, рассматриваемые судом первой инстанции; дела по жалобам (протестам) на вступившие и не вступившие в силу постановления судов и несудебных органов по делам об административных правонарушениях в отношении несовершеннолетних и лиц с особым правовым статусом; дела по жалобам (протестам) прокурора на вступившие и не вступившие в силу постановления судов и органов административной юрисдикции по иным делам об административных правонарушениях (по результатам проверок законности постановлений).

Представляется, назрела необходимость корректировки норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях путем закрепления перечня видов дел, где участие прокурора обязательно, поскольку отсутствие в законе соответствующих императивных требований иногда позволяет судам рассматривать возбужденные прокурором дела (жалобы на постановления по ним) без участия последнего.

Так, обосновывая законность рассмотрения жалобы на постановление органа административной юрисдикции по возбужденному прокурором делу без его участия, арбитражный суд апелляционной инстанции указал, что нормы Арбитражного процессуального кодекса

¹ Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 7 ноября 2017 г. № 2-АД17-6 [о привлечении несовершеннолетнего к административной ответственности по ст. 20.21 КоАП РФ за появление в общественных местах в состоянии опьянения]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Российской Федерации не содержат императивных положений, предусматривающих необходимость и обязательность привлечения к участию в деле органа или должностного лица органа, возбудившего административное производство, в том числе прокурора, вынесшего постановление о возбуждении дела об административном правонарушении, если решение о привлечении к административной ответственности принято другим административным органом, наделенным соответствующими полномочиями.

Согласно ст. 40 АПК РФ лицом, участвующим в деле, является прокурор, обратившийся в суд в случаях, предусмотренных Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации. Как следует из материалов дела, прокурор при рассмотрении дела об оспаривании решения административного органа в суде первой инстанции не участвовал.

Из содержания обжалуемого судебного акта не следует, что суд принял решение о правах и обязанностях прокурора, таким образом, неизвещение судом первой инстанции прокуратуры, возбудившей дело об административном правонарушении, не является основанием для отмены обжалованного судебного акта либо перехода к рассмотрению дела по правилам, установленным Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации для рассмотрения дела в суде первой инстанции¹.

Интересно, что, как и в ч. 2 ст. 25.11 КоАП РФ, в ч. 4 ст. 368 Кодекса Азербайджанской Республики об админи-

стративных проступках², ч. 2 ст. 780 Кодекса Республики Таджикистан об административных правонарушениях³ установлено, что прокурор уведомляется о месте и времени рассмотрения дел об административных проступках в отношении несовершеннолетних, а также дел, возбужденных по его инициативе; в соответствии с ч. 3 ст. 759 Кодекса об административных правонарушениях Республики Казахстан⁴ прокурор извещается о рассмотрении дела об административном правонарушении, совершенном несовершеннолетним лицом, а также правонарушении, влекущем административный арест; исходя из ч. 4 ст. 436 Кодекса Туркменистана об административных правонарушениях⁵ прокурор уведомляется о времени и месте рассмотрения дел об административных правонарушениях в отношении несовершеннолетних, беременных женщин, женщин, имеющих детей в возрасте до 8 лет, лиц, имеющих право на пенсию по возрасту или на государственное социальное пособие, лиц с инвалидностью I и II группы, а также дел, возбужденных по инициативе прокурора.

² Кодекс Азербайджанской Республики об административных проступках : утв. Законом Азербайджанской Республики от 29 декабря 2015 г. № 96-VQ : текст с изм. и доп. на 27 дек. 2014 г. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=3685427 (дата обращения: 17.02.2025).

³ Кодекс Республики Таджикистан об административных правонарушениях : принят Законом Республики Таджикистан от 31 декабря 2008 г. № 455 : текст с изм. и доп. на 2 янв. 2025 г. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414710 (дата обращения: 17.02.2025).

⁴ Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235-V : текст с изм. и доп. на 22 янв. 2025 г. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31577399 (дата обращения: 17.02.2025).

⁵ Кодекс Туркменистана об административных правонарушениях : утв. и введен в действие Законом Туркменистана от 29 августа 2013 г. № 422-IV : текст с изм. и доп. на 30 нояб. 2024 г. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31443571 (дата обращения: 17.02.2025).

¹ Решение Двадцать первого арбитражного апелляционного суда от 19 ноября 2021 г. № 21АП-2657/2021 по делу № А83-11249/2020 [о признании незаконным и отмене постановления антимонопольного органа о привлечении к административной ответственности по ст. 14.49 КоАП РФ]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В законодательстве государств — участников Содружества Независимых Государств, как и в отечественном, отсутствуют единые подходы к определению оснований участия прокурора в рассмотрении судами дел об административных правонарушениях.

Законодателем в п. 2 ч. 1 ст. 25.11 КоАП РФ определены полномочия прокурора в процессе: прокурор вправе участвовать в рассмотрении дела, представлять доказательства, заявлять ходатайства, давать заключения по вопросам, возникающим во время рассмотрения дела.

При этом согласно ч. 2 ст. 29.7, п. 9 ч. 2 ст. 30.6 КоАП РФ, регламентирующим порядок рассмотрения дел и пересмотра постановлений по ним, в случае участия прокурора в деле заслушивается его заключение. Здесь речь идет уже о даче заключения по делу в целом, а не по отдельным вопросам, возникающим в ходе рассмотрения дела.

Нормы об участии в деле и заявлении ходатайств на практике и в теории не вызывают вопросов, чего не скажешь о даче заключения. Из содержания п. 2 ч. 1 ст. 25.11 КоАП РФ следует, что прокурор может давать заключение по любому вопросу, возникшему в ходе рассмотрения дела, при этом неясно, по каким именно вопросам и по собственной ли инициативе это делает прокурор или если ему это предложит сделать суд; в устной или письменной форме дается заключение; как оно должно быть учтено судом; вправе ли прокурор отказаться от дачи заключения и что это может повлечь для суда и иных участников производства по делу.

Учеными отмечается [11, с. 69; 12, с. 286], что «дача заключений по любым вопросам» отражает сохраненную за прокурором функцию надзора за исполнением требований Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в процессе рассмотрения дел. Отдельными авторами указывается,

что прокурор дает заключение только по тем вопросам, которые возникают в ходе рассмотрения дела [13, с. 75], что не вполне обоснованно.

Использование термина «заключение», на наш взгляд, уместно лишь при участии в рассмотрении дел обязательной категории.

Окончательное мнение прокурора по результатам участия в деле предлагается определить как мотивированную позицию, которая должна содержать юридическую оценку того, что явилось предметом судебного разбирательства, отражать выводы о соблюдении норм материального и процессуального права при производстве по делу с момента его возбуждения до вынесения постановления, в том числе вывод о соблюдении органом административной юрисдикции либо судом первой инстанции требований о порядке рассмотрения дела, содержании постановления и т. п.

Исходя из перечисленных выше категорий дел, можно выделить три мотивированных позиции: в инициативной форме — предложение суду о привлечении к ответственности; в форме участия для обеспечения законности по делам обязательной категории — заключение по делу; по делам по протестам (жалобам) прокурора — позиция по протесту (жалобе). Особенностью мотивированной позиции при пересмотре постановлений является указание на необходимость отмены (изменения) постановления либо оставления его без изменения.

В пункте 2 ч. 1 ст. 25.11 КоАП РФ в редакции до 2006 года отсутствовало указание на право прокурора представлять доказательства. На практике и в литературе [14, с. 3] прокурора традиционно относят к субъектам доказывания по делам об административных правонарушениях, что кажется вполне обоснованным с учетом его участия в рассмотрении возбужденных им дел.

Прокурор вправе представлять доказательства и при пересмотре постановления по делу, поскольку исходя из ч. 3 ст. 30.6, ч. 2 ст. 30.16 КоАП РФ судья не связан доводами жалобы (протеста) и может проверять качество исследования и оценки доказательств, положенных в основу оспариваемого постановления, а также исследовать новые доказательства, представленные на данной стадии.

Совершенствованию правовых основ и практики участия прокурора в рассмотрении судами дел об административных правонарушениях будет способствовать нормативное закрепление понятия прокурора как участника производства по делу; наделение руководителей органов прокуратуры всех уровней и их заместителей правом обращения в суд с заявлением о привлечении к административной ответственности в арбитражном процессуальном порядке; установление перечня видов дел об административных правонарушениях, участие прокурора в которых обязательно, закрепление необходимости извещения прокурора о рассмотрении дел обязательной категории; установление требований к форме и содержанию мотивированной позиции прокурора по делу.

Отмеченные и иные недостатки Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях являются предметом научных дискуссий, следствием чего стало утверждение Концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях¹ и подготовка проектов материального и процессуального кодексов об административных правонарушениях.

С положительной стороны стоит отметить расширение процессуальных прав прокурора в ст. 2.4 проекта процессуального кодекса об административных правонарушениях, закрепление права участвовать в рассмотрении любого дела об административном правонарушении, возложение на соответствующие органы обязанности извещать прокурора о пересмотре дела об административном правонарушении по его протесту.

Однако указанными документами, как и действующим Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, не определены понятие, правовой статус прокурора, основания и формы его участия в рассмотрении судами дел об административных правонарушениях, что, на наш взгляд, требует доработки законопроектов.

Список источников

1. Амирбеков К. И. Конституционная доктрина о статусе, структуре и функциях прокуратуры России в современных условиях // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 7. С. 23 – 27.
2. Винокуров А. Ю., Карпов Н. Н. О системе и иерархии функций прокуратуры в контексте конституционных новелл // Законность. 2022. № 5. С. 27 – 31.
3. Щерба С. П., Решетникова Т. А. Конституционные новеллы о системе и иерархии функции прокуратуры // Законность. 2021. № 4. С. 3 – 6.
4. Панкова О. В. Процессуально-правовой механизм осуществления правосудия по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции : специальность 12.00.14 «Административное право, финансовое право, информационное право» : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Панкова Ольга Викторовна. Москва, 2021. 52 с.

¹ Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. URL: <http://static.government.ru/> (дата обращения: 10.07.2024).

5. Стариков Ю. Н. Административная юстиция в России // Lex russica. 2016. № 1 (110). С. 21 – 33.
6. Винокуров А. Ю. Участие прокурора в рассмотрении судами дел об административных правонарушениях: проблемы межфункционального разграничения // Проблемы реализации полномочий прокурора в гражданском, административном и арбитражном процессе : сб. материалов круглого стола (Москва, 26 октября 2018 г.) / Ун-т прокуратуры Российской Федерации ; сост. и науч. ред. М. В. Мамонов, О. В. Боброва. Москва : УП РФ, 2018. С. 23 – 31.
7. Безрукавая Н. И. Проблемы правового регулирования участия прокурора в рассмотрении арбитражными судами дел об административных правонарушениях // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 10. С. 189 – 196.
8. Безрукавая Н. И. Формы участия прокурора в рассмотрении судами дел об административных правонарушениях // Законность. 2020. № 11. С. 31 – 36.
9. Винокуров А. Ю. Административное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации. Теоретические, правовые и организационные аспекты : монография. Москва : Проспект, 2019. 552 с. (Прокуратура).
10. Безрукавая Н. И. Регламентация в КоАП РФ вопросов участия прокурора в рассмотрении судами дел об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2019. № 1. С. 71 – 74.
11. Винокуров К. Ю. Прокурорский надзор за исполнением законов органами административной юрисдикции : специальность 12.00.14 «Административное право, финансовое право, информационное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Винокуров Константин Юрьевич. Москва, 2004. 260 с.
12. Ломакин В. И. Участие прокурора в рассмотрении дел об административных правонарушениях судебными органами // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2006. № 5 (60). С. 285 – 287.
13. Кошелев Д. А. О проблемных аспектах реализации полномочий прокурора в производстве по делу об административном правонарушении // Административное право и процесс. 2024. № 1. С. 73 – 76.
14. Водяная М. Ю., Ляшук А. В. Доказывание по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.1.1 КоАП РФ (побои) // Административное и муниципальное право. 2022. № 1. С. 1 – 9.

Информация об авторе

Н. И. Безрукавая – прокурор отдела по надзору за соблюдением федерального законодательства прокуратуры Воронежской области.

Information about the author

N. I. Bezrukavaya – Prosecutor of the Department for supervision of compliance with Federal legislation of the Prosecutor's Office of the Voronezh region.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Научная статья
УДК 342.9

СОДЕРЖАНИЕ ПРИНЦИПА «АКТИВНАЯ РОЛЬ СУДА» В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПОНЯТИЕ И ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Ольга Андреевна ГУРЕЕВА¹, Александр Олегович БОТЕНКО²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ olga-gur@yandex.ru

² botencko.sasha@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена значению принципа «активная роль суда» в административном судопроизводстве. В работе анализируются предпосылки появления исследуемого принципа, раскрывается содержательный аспект, рассматриваются действия суда, в которых выражается реализация принципа на практике, поднимаются основные проблемы как в сфере законодательного регулирования, так и в практике правоприменения.

Ключевые слова: административное судопроизводство, принципы, активная роль суда, судебная система, гарантии

Для цитирования: Гуреева О. А., Ботенко А. О. Содержание принципа «активная роль суда» в административном судопроизводстве: понятие и проблемы законодательного регулирования // КриминалистЪ. 2025. № 1 (50). С. 137 – 142.

Original article

THE CONTENT OF THE PRINCIPLE OF THE «ACTIVE ROLE OF THE COURT» IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS: THE CONCEPT AND PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION

Olga A. GUREEVA¹, Alexander O. BOTENKO²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

¹ olga-gur@yandex.ru

² botencko.sasha@yandex.ru

© Гуреева О. А., Ботенко А. О., 2025

Abstract. The article is devoted to the significance of the principle of «active court role» in administrative proceedings. The work analyzes the prerequisites for the emergence of this principle under study, reveals the substantive aspect, examines the actions of the court in which the principle is implemented in practice, and raises the main problems both in the field of legislative regulation and in the practice of law enforcement.

Keywords: administrative proceedings, principles, active role of the court, judicial system, guarantees

For citation: Gureeva O. A., Botenko A. O. The content of the principle of the «active role of the court» in administrative proceedings: the concept and problems of legislative regulation. *Criminalist*. 2025;1(50):137-142. (In Russ.).

Первые свидетельства становления судебной власти в России отсылают нас к X веку н. э., когда в исторических документах начинают упоминаться общинные суды, проводимые между славянскими воинами и купцами. Тезис о том, что обвинение должно быть признано сообществом славян публично, перед свидетелями, встречается в договоре князя Олега с Византией 912 года [1, с. 119].

Судебная власть в России прошла долгий путь развития и неоднократно подвергалась изменениям. Несмотря на это, упоминания суда не исчезли со страниц истории, как это случилось с многими правовыми институтами, а наоборот, суды лишь утвердили свои позиции в правовой системе, зарекомендовав себя эффективным механизмом защиты права.

Под влиянием различных социальных, территориальных, исторических и иных факторов в мировой истории складывались разные судебные системы, отличающиеся друг от друга. В теории принято выделять две основные модели судопроизводства: состязательную и инквизиционную [2, с. 1087].

Первая модель появилась в странах общего права, в Англии, США и Канаде. Содержательная часть названной модели заключается в том, что лица, участвующие в деле, принимают активное участие в судебном разбирательстве и, по сути, самостоятельно «ведут» судебный процесс при минимальном участии

суда. В такой модели судопроизводства стороны проявляют инициативу, например самостоятельно предоставляют доказательства, самостоятельно решают, являться ли им на судебное разбирательство или нет, заключать ли соглашение о примирении сторон (мировое соглашение), а также осуществлять ли иные значимые процессуальные действия. Суду в состязательном процессе отведена более пассивная роль. Именно в такой модели суд играет роль арбитра, который осуществляет контроль за правильностью судебного разбирательства.

Вторая модель появилась в странах континентальной Европы, в том числе в России. Инквизиционный процесс отличается от состязательного тем, что в инквизиционном процессе все активные действия должен совершать суд. Более того, установить истину по делу и вынести объективное, законное решение является обязанностью суда.

В настоящее время сложно проследить преобладание одной модели над другой. С одной стороны, можно заключить, что на сегодняшний день в мире превалирует модель состязательного процесса, где лицам, участвующим в деле, отводится активная роль, а суд является лишь арбитром судебного разбирательства.

С другой стороны, в доктрине существует мнение, что сформировалась и смешанная модель судопроизводства. Представленную точку зрения целесообразно рассмотреть на примере ад-

министративного судопроизводства, регламентированного нормами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ).

Статья 14 КАС РФ закрепляет принцип состязательности, который выражается в деятельности сторон, направленной на реализацию прав и обязанностей в процессе судебного разбирательства в целях убеждения суда в истинности заявленных требований. Однако сразу стоит отметить, что содержание и сама по себе сущность названного принципа значительно отличаются от привычного большинству понимания его в гражданском, арбитражном и уголовном судопроизводстве.

Особенность заключается в том, что законодатель наряду с принципом состязательности закрепил принцип активной роли суда. По своей сути они являются противоположными по отношению друг к другу. Обозначенное положение также подчеркивала С. Н. Махина [3, с. 5], говоря о том, что активная роль суда применительно к состязательности и равноправию логически необоснованна.

Необходимо помнить, что предмет правового регулирования Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации являются административные и иные публичные правоотношения. Соответственно, вероятнее всего, законодатель, закрепляя принцип активной роли суда, сделал попытку достичь равенства в судебном процессе изначально неравных субъектов правоотношений. Отсутствие обозначенного принципа привело бы к нарушению ряда фундаментальных принципов, например равенства, справедливости, законности и даже той самой состязательности, которой, на первый взгляд, противопоставлен принцип активной роли суда. Поэтому нельзя не согласиться с высказыванием А. П. Яковлевой

о том, что законодатель справедливо наделил суд активной ролью при рассмотрении дела, поскольку такое решение обеспечивает сбалансированность состязательного процесса [4, с. 108].

В таких условиях нормативное регулирование, предусматривающее активную роль суда, в первую очередь направлено на обеспечение состязательности, на предоставление гражданину реальной возможности защиты своих законных прав и интересов.

Исходя из изложенного, можно заключить, что в административном судопроизводстве превалирует смешанная модель судопроизводства, поскольку модель состязательного процесса не смогла бы в полной мере обеспечить законность судебного разбирательства, тем самым гражданин лишился бы конституционной гарантии на судебную защиту [5, с. 74].

Представляется интересным рассмотреть суть принципа активной роли суда и, как следствие, «особого положения» суда в процессе осуществления правосудия в административном судопроизводстве.

Законодатель в тексте Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации не определяет понятийный аппарат относительно активной роли суда, но можно предположить, что последняя заключается в том, что суд является активным участником судебного разбирательства, приобретая особый процессуальный статус: суд самостоятельно, по своей инициативе истребует доказательства, не связан доводами сторон и имеет право выходить за их рамки, если посчитает нужным выяснить новые обстоятельства или исследовать новые доказательства, имеющие значение для дела, может возобновить производство по делу. Принцип активной роли суда заключается в том, что при неправильном выборе административным истцом административного ответчика и при

дальнейшем отказе административного истца от замены ненадлежащего ответчика суд по собственной инициативе может назначить второго административного ответчика. Необходимо отметить, что вышеописанные действия суда являются его обязанностью, если суд не будет их выполнять в дальнейшем, это повлечет невозможность вынесения законного и обоснованного решения по существу правового спора и, как следствие, отмену судебного решения судом вышестоящей инстанции.

Так, в п. 60 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации от 10 ноября 2021 года № 3 указано, что суд кассационной инстанции ссылается на недоказанность фактов нарушения прав административного истца¹. В свою очередь, Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации разъясняет, что доказывание по административным делам осуществляется на основе принципа состязательности и равноправия сторон при активной роли суда (п. 7 ст. 6, ст. 14 КАС РФ), что означает принятие судом мер для всестороннего и полного установления всех фактических обстоятельств по административному делу для выявления и истребования по собственной инициативе доказательств в целях правильного разрешения дела (ч. 1 ст. 63, чч. 8, 12 ст. 226, ч. 1 ст. 306 КАС РФ).

Введение принципа активной роли суда в административное судопроизводство является одним из механизмов реализации законодателем института защиты субъективных публичных прав. Однако имеется ряд нерешенных проблем. Первая проблема заключается в том, что законодатель, закрепив принцип активной роли суда, не определил

его понятие. Рассматриваемый принцип упоминается лишь в ст. 6 КАС РФ, и даже при последующем его раскрытии в ст. 14 КАС РФ о ранее используемой формулировке «при активной роли суда» ничего не сказано. Такой подход является необоснованным, поскольку сам по себе принцип играет большую роль при рассмотрении административных дел. Как выше уже упоминалось, при его отсутствии отправление правосудия в рамках административного судопроизводства становится попросту невозможным.

Представляется правильным внести изменения в КАС РФ, добавив новую статью или же соответствующую часть в статью 14, где будет приведено понятие рассматриваемого принципа. Необходимо, чтобы основная суть принципа была отражена и в иных статьях процессуального кодекса.

Вторая проблема заключается в отсутствии пределов «активности» суда. Так, согласно действующему законодательству Российской Федерации суд оценивает доказательства, основываясь на своем внутреннем убеждении, и при этом руководствуется законом. В этой связи можно говорить о двухаспектном изучении доказательств судом. Вследствие чего и возникает проблема законодательного регулирования пределов «активности» суда. То есть невозможно законодательно закрепить обязанность суда, указав круг случаев, когда суд должен предпринимать активные действия для выяснения истины по делу, и до какого момента. Ввиду изложенного суд может либо переусердствовать с выяснением тех или иных обстоятельств, основываясь на недоверии стороне, либо не предпринимать никаких мер, поскольку закон его к этому не обязывает.

На основании вышеизложенного представляется возможным определить правовое положение суда в админи-

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации от 10 ноября 2021 г. № 3 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_400312/ (дата обращения: 05.11.2024).

стративном судопроизводстве. Суд является активным участником судебного процесса. Об особом положении суда в административном судопроизводстве свидетельствует круг его полномочий. Например, в дополнение к тому, что уже было сказано, можно отметить ст. 121 КАС РФ, согласно которой суд может по собственной инициативе признать явку одной из сторон обязательной. Отказ от исполнения такого обязательства влечет последствия в виде мер процессуального принуждения, а именно привода или наложения судебного штрафа.

Также в качестве отличительной особенности, определяющей особое положение суда, можно выделить регламентацию порядка в судебном заседании. Согласно ст. 144 КАС РФ участники судебного разбирательства обязаны обращаться к суду со словами «Уважаемый суд», а к судье — «Ваша честь». Данного требования нет ни в Гражданском процессуальном, ни в Арбитражном процессуальном кодексе. Упомянутое законодательное положение можно найти только в Уголовно-процессуальном кодексе, где закрепляется аналогичное требование. В данном, на первый взгляд незначительном, обстоятельстве можно проследить стремление законодателя подчеркнуть властность и значимость суда, что также отражает его особое процессуальное положение в судебном разбирательстве.

И последним обстоятельством, которое мы уже отчасти затронули, будет возможность применения судом

мер процессуального принуждения, что в принципе нельзя представить в гражданском процессе, где превалирует принцип диспозитивности. Так, помимо привода и наложения штрафа, суд может ограничить выступление участников судебного разбирательства или лишить их слова.

В заключение отметим, что решение законодателя о закреплении принципа активной роли суда является обоснованным, поскольку его отсутствие привело бы к серьезному нарушению правового положения участников административного судопроизводства, предметом которого являются правоотношения, заведомо не основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников. Также сам процесс был бы необъективным и, как следствие, незаконным, поскольку в нем невозможно было бы соблюсти ряд конституционных принципов реализации правосудия.

Основной же проблемой, не решенной на современном этапе, остается недостаточная правовая регламентация принципа активной роли суда, поскольку принцип не определяет правовой статус суда, а процессуальные нормы не закрепляют основные положения о правах и обязанностях при реализации активной роли последнего, что находит отражение и в отсутствии единообразной практики применения Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации по исследуемому аспекту.

Список источников

1. Швандерова А. Р., Проценко А. А. Становление судебной системы России: правосудие Древней Руси // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 85-8. С. 118–121.
2. Котлярова А. А. Активная роль суда в состязательном процессе // Вопросы российской юстиции. 2019. № 3. С. 1085–1090.

3. Махина С. Н. Теория доказывания и доказательств в административном судопроизводстве: становление и развитие // Административное право и процесс. 2016. № 2. С. 4 – 9.
4. Яковлева А. П. Состязательность административного судопроизводства и активная роль суда // Вестник Поволжского института управления. 2015 г. № 6. С. 107 – 112.
5. Сапрыкина Е. А. Принцип активной роли суда в административном судопроизводстве // Журнал административного судопроизводства. 2017. № 3. С. 74 – 77.

Информация об авторах

О. А. Гуреева – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук;

А. О. Ботенко – студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the authors

O. A. Gureeva – Associate Professor at the Department of state and legal disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law);

A. O. Botenko – Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 347.1

ПРИМИРЕНИЕ И ПОСРЕДНИЧЕСТВО КАК СПОСОБЫ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ (СПОРОВ): ОТ ДОГОСУДАРСТВЕННЫХ СООБЩЕСТВ ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Эдуард Асхатович КУЗБАГАРОВ¹, Виталий Алексеевич МАКСИМОВ²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ ekuzbagarov@yandex.ru

² maximovva@mail.ru

Аннотация. В статье авторами анализируются традиционные и альтернативные способы урегулирования конфликтов в догосударственных сообществах, во времена античности, в эпоху Средневековья, в Новое и Новейшее время. Особое внимание уделяется исследованию в указанном контексте Псковской судной грамоты 1467 г., Судебника 1497 г., Первого 1529 г., Второго 1566 г. и Третьего 1588 г. Литовских статут, сборника норм феодально-го права первой половины XVIII в. «Права, по которым судится малороссийский народ» 1743 г., Устава о банкротах 1800 г., Положения о третейском суде 1831 г., отдельных актов США, Великобритании и Германии, а также актов судебных казацких дел. Подчеркивается применение медиации для разрешения международных споров. Авторы демонстрируют динамику, органичность развития и историческую преемственность альтернативных способов разрешения споров.

Ключевые слова: спор, примирение сторон, медиация, внесудебное разрешение конфликта, альтернативные способы примирения сторон

Для цитирования: Кузбагаров Э. А., Максимов В. А. Примирение и посредничество как способы разрешения конфликтов (споров): от догосударственных сообществ по настоящее время // КриминалистЪ. 2025. № 1 (50). С. 143 – 151.

Original article

RECONCILIATION AND MEDIATION AS WAYS TO RESOLVE CONFLICTS (DISPUTES): FROM PRE-GOVERNMENTAL COMMUNITIES TO THE PRESENT

Eduard A. KUZBAGAROV¹, Vitaly A. MAKSIMOV²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

¹ ekuzbagarov@yandex.ru

² maximovva@mail.ru

Abstract. The article analyses traditional and alternative ways of conflict resolution in pre-state societies, during antiquity, the Middle Ages, and the modern and contemporary periods. Special attention is paid to the study of historical legal documents within this context, including the Pskov Judicial Charter of 1467, the Code of Law of 1497, the First (1529), Second (1566), and Third (1588) Statutes of Lithuania, the feudal legal code of the first half of the 18th century ti-

© Кузбагаров Э. А., Максимов В. А., 2025

tled «The Laws by Which the Little Russian People Are Judged» of 1743, the Bankruptcy Charter of 1800, the Regulation on Arbitration Courts of 1831, as well as selected legal acts from the United States, the United Kingdom, and Germany, and judicial acts of the Cossack courts. The application of mediation for resolving international disputes is emphasized. The authors demonstrate the dynamics, organic development, and historical continuity of alternative dispute resolution methods.

Keywords: dispute, reconciliation of the parties; mediation; out-of-court conflict resolution; alternative dispute resolution methods

For citation: Kuzbagarov E. A., Maksimov V. A. Reconciliation and mediation as ways to resolve conflicts (disputes): from pre-governmental communities to the present // Criminalist. 2025;1(50):143-151. (In Russ.).

Введение. В российском государстве во время глобальных процессов экономических, политических, правовых и других реформ усилена социальная напряженность, возникает значительное количество конфликтов в правовой сфере, многие из которых годами остаются нерешенными. Традиционно защита нарушенных прав и охраняемых законом интересов осуществляется судами, которые создаются и финансируются государством. Однако современное российское правосудие имеет ряд таких недостатков, как перегруженность судов, продолжительность и сложность судопроизводства, значительные судебные затраты, несовершенство механизма достижения состязательности и равенства сторон в процессе, справедливости разрешения спора. Указанные сложности находятся в юридической плоскости и иногда не совпадают с представлениями о справедливости лиц с бытовым правовым сознанием, поэтому очень часто решения суда вызывают негативную реакцию у сторон. Конфликт прекращается силовым решением, а не разрешается, из-за чего акты правосудия не выполняются. В этих условиях юристам необходимы знания и навыки в сфере управления и разрешения конфликтов альтернативными способами.

Переход Российской Федерации к рыночным отношениям, правовое регулирование последних новым законодательством открывают возможности для использования негосударственных форм

разрешения конфликтов, которые существенно разгружают государственную судебную систему. Это альтернатива государственному правосудию, поэтому в науке их называют альтернативными формами (способами, методами, процедурами) разрешения конфликтов (споров) (англ. *Alternative Dispute Resolution, ADR*).

Неразработанность многих теоретических вопросов в сфере альтернативного разрешения правовых конфликтов (споров), а также практическая необходимость в развитии этого механизма стали предпосылками для изучения генезиса альтернативного разрешения конфликтов (споров).

Традиционные способы урегулирования конфликтов в догосударственных сообществах. Способы решения правовых конфликтов известны издавна. В социальных группах первобытного общества (родовой общине, племени) обязанность миротворческой и судебной власти выполнял наиболее уважаемый представитель рода или совет старейшин. Сложнее было урегулировать конфликты между родовыми общинами. Та родовая община, которая претерпела оскорбление или ущерб (убийство, причинение телесных повреждений, кражу), мстила. Такое возмездие могло привести к возникновению между родовыми общинами серии актов мести, вследствие чего враждующие стороны могли уничтожить друг друга до последнего человека, а все племя могло быть

ослабленным и оказаться легкой добычей для внешнего врага. Для прекращения военных действий между родовыми общинами в племени была соответствующая властная инстанция — народное собрание. Оно способствовало переговорам о примирении враждующих сторон, ведь племя не было заинтересовано в потере своих боеспособных членов. Именно из таких переговоров о примирении, имевших место в родовом обществе, впоследствии и возникло примирительное право [1, с. 10 — 20].

Похожие примирительные процедуры до сих пор существуют у некоторых народов. Так, посреднические (медиационные) функции выполняют примирительные комиссии у ингушей, комиссии правосудия у коренных народов Канады, крис (традиционный суд) у ромов и тому подобное. Сегодня медиаторство переживает эпоху возрождения у горных народов Кавказа [2].

Альтернативные способы урегулирования конфликтов во времена Античности. В античной Греции мелкие споры решались судом посредников — диэтетов. Они избирались из добросовестных и самых умных граждан полиса для решения частных исков по добровольному согласию сторон, как правило, в составе трех человек. Диэтеты обычно пытались примирить стороны и закончить дело полюбовно, но если это не удавалось, то, выслушав жалобы и оправдания обеих сторон, решали дело по совести, и стороны должны безоговорочно соблюсти это решение [3, с. 240]. Функции посредника (медиатора) между гражданами полиса и чужеземцами выполняли так называемые проксены.

В Древнем Риме, начиная с Дигест Юстиниана, появилось законодательное закрепление положения посредников, которые именовались по-разному: *internunciatus*, *medium*, *intercessor*, *interpolator*, *conciliator*, *interlocutor*, *interpret* и, наконец,

mediator. Классическое римское право имело развитый институт мирового соглашения — *transactio*, с помощью которого стороны конфликта путем взаимных уступок урегулировали или предотвращали спор по поводу наличия или точного содержания взаимных прав и обязанностей [4, с. 96 — 101].

Альтернативные способы разрешения конфликтов эпохи Средневековья. В эпоху раннего Средневековья в Европе в условиях развала институтов римской имперской власти посредничество и медиация стали, по сути, основными способами разрешения конфликтов. Переходный от Рима к Средневековью период даже называют эпохой медиации.

В условиях разрушения институциональных механизмов правосудия роль посредника в урегулировании конфликтов взяла на себя церковь. Она основала периоды перемирия (воскресенье и основные религиозные праздники), взяла под защиту отдельные категории людей (клириков, детей, больных, а впоследствии всех, кто не имел права на оружие) и отдельные места (храмы, госпитали и приюты при них). Одновременно церковь возобновила и взяла под свою опеку практику медиации. Символической фигурой в этом плане стал отшельник Николай из Флю, челночная медиация которого спасла его сограждан от гражданской войны, а страну — от распада [5, с. 20]. Результатом медиации стала Станская конвенция 1481 года, которая урегулировала спорные вопросы о принятии в конфедерацию новых членов и отношения между ними.

Исландская «Сага о Ньяле» рассказывает о посреднике Хьялти, которому удалось примирить стороны по нескольким делам сразу (убийство, ранение, супружеская измена, порубка леса). Причем исландские посредники, в отличие от своих античных предшественников, уже брали плату за услуги [6, с. 587 — 588].

В праве средневековой Англии, в англосаксонский его период, в обоих порядках разрешения споров — судебном и арбитражном — стороны были уполномочены урегулировать свой спор с помощью медиаторов (ими нередко становились судьи) и заключить полюбовное соглашение (*amicable agreement*) [7, с. 38].

Элементы примирения, посредничества и восстановительного правосудия прослеживаются со времен Киевской Руси. Своим началом они имели некарательные общественные средства воздействия на правонарушителя, переплетавшиеся с дохристианскими обычаями, религиозными нормами и политическими практиками и находившие проявление в компенсации нанесенного правонарушителем вреда, процедурах побратимства, крестного целования, которыми завершалось и закреплялось заключение примирительного соглашения.

В 1150 году во время междоусобной войны между князьями Рюриковичами галицкий князь Владимир выступил как посредник — примиритель воюющих сторон. Он действовал методами челночной дипломатии, посылая своих послов ко всем участникам войны, а себя называл «ходоком» между ними. В конце концов враги склонились к миру и пошли на уступки в территориальных и финансовых вопросах.

Судя по древнейшим источникам русского права, мировые соглашения, восстановительная ответственность и устранение причиненного вреда были распространенным явлением в сфере частных отношений.

В 1299 году в Береговом четверо братьев заключили соглашение о примирении с двумя сыновьями Тома при посредничестве Григория — урядника князя Руси Льва и четырех местных судей. Вот его текст:

«Мы, Григорий, граф из Берега, урядник князя Руси Льва, и четверо судей от здешней знати.

Подает для памятной записи, что на восьмой день [после праздника] блаженного Георгия-мученика, лично явившись перед нами, душевно здоровые Софрон, Соломон, Степан и их брат Зовард, с одной стороны, и Ладислав и Донч, сыновья Тома — с другой, по добровольному желанию и согласию обеих сторон, при посредничестве нас и других честных людей пришли к такому мирному единению во всех судебных процессах, которые до сих пор между ними идут или происходят. В связи с этим все дела, которые между ними ведутся, отдали на отмену и сделали так, чтобы это было завершено, в чем и обязались.

Если бы кто-то из них пытался возобновить упомянутые споры, в которых они пришли к примирению, или Ладислав и Донч, его брат, или кто-то из родственников, или Софрон и его братья, то перед [заявлением] началом спора должен уплатить сто марок.

Дано в Лупрет-Нане, на упомянутый восьмой день, года Божьего 1299» [8, с. 128 — 129].

Другие правовые источники Средневековья также предусматривали возможность внесудебного решения конфликта. В частности, согласно Псковской судной грамоте 1467 года, мировым соглашением можно было заменить судебный поединок между истцом и ответчиком (ст. 37) и исчерпать конфликт через физическую ссору (избиение) (ст. 80) [9, с. 243, 250]. Судебник 1497 года содержал аналогичные постановления (ст. 4, 5), кроме того, закреплял возможность примирения уже в ходе судебного процесса (ст. 53). Привлекает внимание ст. 38 Судебника, которая предусматривала привлечение к осуществлению судопроизводства представителей общины, лиц, имеющих уважение общины [10, с. 54 — 62].

Первый Литовский статут (1529 г.) указал на ряд случаев, в которых досудебная примирительная процедура была обязательной. Второй Литовский статут (1566 г.) определил возможность решить спор с помощью посредников (полюбовного суда). Третий Литовский статут (1588 г.) окончательно закрепил право решения споров с помощью посредников и расширил перечень медиабельных дел. Институт полюбовного судопроизводства в литовско-русском праве охватывал круг дел, в которых допускалось примирение, круг субъектов примирения, стадии примирения, оформление примирительного соглашения, гарантии законности и гарантии выполнения. Оценивая с позиций материального права конфликты, которые могли улаживаться заключением соглашения о примирении, видим, что нередко они объединяли гражданские (например, невыполнение договоров) и уголовные по своему характеру проступки сторон. Например, Первый Литовский статут предусматривал возможность примирения в таких криминальных делах, как изнасилование (ст. 6 раздела VII) и разбой (ст. 21 раздела VII).

Кроме судов государственных, русский, украинский и белорусский народы образовывали народный (общественный) суд, известный под названием «копа». В случае совершения преступления потерпевший мог созвать копу, т. е. собрание всех правоспособных лиц своей общины. Совершенное правонарушение и его последствия обсуждались публично. Каждое лицо, которое считало, что преступление затрагивает его интересы, могло высказать свое мнение о нем, предложить наказание для преступника. Этот вид судов напоминает способ решения уголовно-правовых споров коренных жителей Новой Зеландии и Австралии — семейные конференции.

Третий Литовский статут 1588 года (разделы IV, XI) предусматривал, что

судебное производство, начатое по заявлению заинтересованной стороны, могло быть прекращено на любой стадии процесса путем отказа от иска и заключения мирового соглашения [11, с. 135]. Артикул 60 четвертого раздела Третьего Литовского статута назывался «Любовный суд»: «Уставляем тоже, когда судьи полюбовные кому по компромиссу кому взыскание какое судебное постановили и письма с тем решением совместно обеим сторонам под печатями своими дали, а тот бы согласно решению суда их того придерживаться и то совершить не хотел; тогда письмо должно быть положено перед судом земским, и судья, осмотрев то письмо, должен его оставить действующим и требовать исполнения решения [полюбовного суда]. А если бы суд полюбовный не пришел к согласию [в деле]; такой суд должны позвать врьд земский и там окончательно себе правосудие доходить» [11, с. 274].

Примером полюбовного суда по литовско-русскому праву является ряд дел князя Андрея Курбского, который сам нередко нарушал границы соседних владений и одновременно судился из-за таких нарушений со своими соседями-магнатами. Одно из соглашений, которым завершилась многолетняя вражда с соседями, было заключено в январе 1571 года. Князь Курбский, с одной стороны, братья Станислав и Каспер Мациевские — с другой, при посредничестве нескольких представителей польской и литовской знати заключили соглашение о дальнейшем мирном владении землями и имениями, без распрей и обид. Стороны шли на взаимные уступки: Мациевские обязывались уплатить князю 1500 золотых, а тот взамен обязывался прекратить все иски против них [12, с. 105 — 106].

Особое место в истории примирительного судопроизводства занимает казацкое право. Акты судебных казацких дел указывают на признание запо-

рождцами права договора между товарищами. То есть стороны уголовного или гражданского конфликта могли завершить судебное дело путем примирения и заключения соответствующего договора об этом. Институт примирения и договора между сторонами был распространен в случаях нанесения телесных повреждений, совершения имущественных преступлений. Примирение не только допускалось, но и поощрялось представителями казацкой судебной системы. Паланковский (окружной) судья, куренной атаман и кошевой атаман как последняя инстанция пытались примирить конфликтующие стороны, фактически выполняя роль медиаторов. Безосновательный отказ одной из сторон от примирения мог привести к применению наказания в отношении «непокорного».

Сборник норм феодального права первой половины XVIII века «Права, по которым судится малороссийский народ» 1743 года (артикул 25 главы VII)¹ определял следующие способы достижения примирения: при содействии посредника (мирителя), который избирался сторонами; непосредственное достижение согласия конфликтующими сторонами.

Стоит отметить применение в этот период медиации для разрешения международных споров. Так, венецианский дипломат Альвизе Контарини и папский нунций Фабио Киджи сыграли роль посредников между враждующими участниками Тридцатилетней

войны (1618 — 1648 гг.). Оба получили соответствующие наставления от своих правительств, в которых впервые были изложены правила работы медиаторов, в частности:

сохранять беспристрастное отношение к сторонам, чтобы не потерять их доверие;

избегать от предоставления предложений сторонам относительно возможных решений;

соблюдать конфиденциальность высказанной стороной информации;

не соглашаться на роль арбитра;

преодолевать препятствия с терпением и прощением.

Эти первые медиаторы применили в своей работе такие методы, как дипломатические переговоры «в четыре глаза», т. е. двусторонние встречи сторон конфликта с участием медиатора; «челночная медиация», когда медиатор общается с одной из сторон медиации (Контарини провел около 800 таких встреч); комедиация [13, с. 34]. В ознаменование большой роли Республики Венеция в заключении Вестфальского мира, которым было положено начало современному международному праву и государству как суверенной политической организации, она была включена в мирное соглашение «как посредница этого договора» (§ 119 Мюнстерского договора).

Альтернативные способы разрешения конфликтов в Новое и Новейшее время. Хотя формирование национальных государств и одновременно больших империй на территории Европы обусловило монополизацию государствами отправления правосудия и концентрацию разрешения споров в государственных судах, неформальное разрешение споров существовало на протяжении всего периода. Иногда государственная власть сознательно имплементировала альтернативные способы разрешения споров в собственную пра-

¹ Полное название: «Права, по которым судится малороссийский народ, Высочайшим всепресветлейшим, державнейшим Великим Государыни Императрицы Елисавет Петровны, Самодержицы Всероссийския, Её императорского священнейшего Величества повелением, из трех книг, а именно: Статута Литовского, Зерцала Саксонского и приложенных при том двух прав, такожде из книги Порядка, по переводе из полского и латинского языков на российский диалект в едину книгу сведенные, в граде Глухове, лета от рождества Христова 1743 года».

вовую систему. В качестве примера можно привести создание совестных судов в Российской империи (указ Екатерины II «Учреждение для управления губерний Российской империи» 1775 года). Совестный суд рассматривал дела о мелких кражах, нанесении побоев и легких телесных повреждениях, семейные и наследственные споры, а также дела о правонарушениях несовершеннолетних. Судьи должны были приложить все усилия, чтобы привести стороны к пониманию и примирению. В случае же недостижения мира стороны должны были предложить независимых посредников для решения дела. При недостижении согласия и на этих условиях дело передавалось в суд общей юрисдикции. В дальнейшем отдельные примирительные процедуры были включены в Устав о банкротах 1800 года, Положение о третейском суде 1831 года, Высочайше утвержденное Учреждение коммерческих судов и Устав их судопроизводства 1832 года.

Примирение как способ урегулирования уголовно-правового конфликта предусматривалось Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (ст. 160) [14, с. 206] и актами Судебной реформы 1864 года. В частности, Устав уголовного судопроизводства (ст. 16) предусматривал судебный порядок, являющийся прототипом современного производства в форме частного обвинения. Примирение как основание освобождения от наказания предполагало материальную компенсацию потерпевшему, хотя это и не было обязательным условием примирения.

Некоторые аспекты альтернативного урегулирования конфликтов содержались в австрийском законодательстве, которое действовало на западных украинских землях. Закон «О компетенции суда» 1852 года предусматривал, что в случае совершения преступлений, за которые предусматривалось наказание до пяти лет лишения свободы,

«мужи доверия», выполнявшие функцию мирового судьи, были обязаны принимать меры к примирению сторон.

Альтернативы суду стали особенно актуальными в эпоху индустриализации стран Европы и Америки. Прежде всего, для урегулирования трудовых споров уже в начале XX века создавались разного рода примирительные и согласительные комиссии, третейские и другие альтернативные суду институты. Современным примером тому является Акт об арбитраже в США 1988 года, которым было предусмотрено, что трудовые споры должны решаться путем обращения к третьей стороне.

Выступая в 1906 году на ежегодной встрече Американской ассоциации адвокатов, знаменитый юрист Роско Паунд отметил необходимость уменьшения зависимости от традиционных судебных процессов. Эта конференция начала разработку альтернативных методов разрешения споров. 70 лет спустя, в 1976 году, конференция в честь Р. Паунда создала политическую платформу движения альтернативного разрешения споров (АРС) в США и других странах мира. Докладчик на этой конференции профессор Ф. Сандер предложил концепцию «суда со многими дверями». По мнению Сандера, суд является универсальным, но часто неэффективным способом решения конфликтов. Однако в условиях отсутствия альтернативы люди вынуждены обращаться в суд. Ф. Сандер предложил изменить существующую систему разрешения споров таким образом, чтобы она максимально отвечала интересам участников спора. Вместо «одних дверей», ведущих к восстановлению справедливости через судебный процесс, Сандер предложил создать «несколько дверей» — альтернативы судебному процессу, в частности доступ к медиации. Медиация, по его мнению, должна была стать одной из услуг, предоставляемых судом как

учреждением по урегулированию споров. На основе концепции «множества дверей» в американских судах были созданы службы для предварительного анализа спора, которые, исследовав дело, давали сторонам рекомендации по лучшей в их случае процедуре, а также информировали о соответствующих организациях и порядке обращения к их услугам.

Начало бурного распространения альтернативных процедур в судебной системе США связывают с принятием в 1990 году Акта о реформе гражданского судопроизводства (*Civil Justice Reform Act*). Он предусматривал создание в каждом федеральном судебном округе специальных рекомендательных комитетов (*Advisory Committees*) по разработке мероприятий, связанных с альтернативным разрешением споров. В 2002 году в США был принят Модельный акт о медиации (*Uniform Mediation Act*), в соответствии с которым во всех без исключения штатах были начаты программы судебной медиации, которые предусматривали целый набор моделей, от добровольной до строго обязательной.

Заключение. Таким образом, с конца прошлого века медиация и другие процедуры АРС начали активно распространяться во всем мире. Страны прецедентного права (Канада, Великобритания, Австралия и Новая Зеландия) быстро включились в это движение и создали у себя институты АРС, подобные существующим в США.

В XX веке в Европе пионером движения АРС стала Великобритания, хотя она намеренно не пошла по пути США. Англичане отказались от обязательной судебной медиации и от принятия специального законодательства о медиации, отдав предпочтение рыночным механизмам. При поддержке Конфедерации британской промышленности, промышленных предприятий и ведущих юридических фирм Велико-

британии были основаны группа АРС в Бристоле (*ADR Group*) и Центр эффективного разрешения споров в Лондоне (*CEDR*). Включение института медиации в Правила гражданского процесса 1999 года послужило катализатором развития медиации. К концу 2009 года в списке Совета гражданской медиации — органа самоуправления британских медиаторов — было около 50 организаций, предоставляющих услуги медиации и АРС. Судебная медиация является добровольной: при наличии определенных факторов суд рекомендует сторонам обратиться к медиации или другой форме АРС, но при этом не имеет права навязывать медиацию сторонам судебного разбирательства.

В Германии начало и развитие медиации было инициировано, в отличие от других стран, социологами, криминологами и отдельными судьями и социальными работниками. Долгое время немецкие медиаторы работали без профильного законодательного акта, ориентируясь на нормы отраслевого законодательства, которые предоставляли возможность способствовать примирению сторон или заключению соглашения между сторонами спора в гражданском процессе.

В июле 2012 году вступил в силу Закон Германии «О поддержке медиации и других процедур внесудебного урегулирования конфликтов», принятый во исполнение директивы Европейского парламента «О некоторых аспектах медиации в гражданских и коммерческих делах» от 21 мая 2008 года № 2008/52/ЕС. Сфера решаемых споров в Германии является широкой и включает: корпоративные споры, трудовые конфликты, семейные и наследственные споры, медиацию между жертвой и обидчиком, споры по строительству, банкротству, страхованию, интеллектуальной собственности, охране здоровья, в сфере административных отношений, охраны окружающей среды.

Список источников

1. Аннерс Э. История европейского права / пер. со швед.: Р. Л. Валинский [и др.]. Москва : Наука, 1994. 393 с.
2. Традиционные практики урегулирования конфликтов : материалы ежегодного семинара 2010 – 2014 гг. (сборник) / Межрегиональный общественный центр «Судебно-правовая реформа». Москва : МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2014. 253 с.
3. Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Часть 1. 2-е изд., перераб. Санкт-Петербург : Тип. В. Безобразова и комп., 1888. 368 с.
4. Давыденко Д. Л. Примирительные процедуры в европейской правовой традиции. Москва : Инфотропик Медиа, 2013. 232 с.
5. Мириманов Ж. А. Универсальный характер медиации. Опыт и свидетельство Европы : триптих : доклад подготовлен в рамках первой русско-французской конференции по медиации. Год Франции в России и России во Франции. Москва, 30 сентября 2010. 34 с. Электрон. версия. URL: http://www.mediationgeneve.com/docs/0_Actes_version%20russe_.pdf (дата обращения: 10.11.2024).
6. Мальцев Г. В. Месть и возмездие в древнем праве : монография. Москва : Норма : ИН-ФРА-М, 2012. 736 с.
7. Sanchez V. A. Towards a History of ADR: The Dispute Processing Continuum in Anglo-Saxon England and Today. *Ohio State Journal on Dispute Resolution*. 1996. Vol. 11:1.
8. Купчинский А. Акты и документы Галицко-Волынского княжества XIII – первой половины XIV века. Исследование. Тексты. Львов, 2004. 1283 с. Электрон. версия. URL: <http://files.mail.ru/UIYFQW> (дата обращения: 10.11.2024).
9. Псковская судная грамота / новый пер. и коммент. Л. В. Черепнина, А. И. Яковлева // Исторические записки Института истории Академии наук СССР / отв. ред. Б. Д. Греков. 1940. Т. 6. С. 237 – 297.
10. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. О. И. Чистякова. Москва : Юрид. лит., 1985. 520 с.
11. Статути Великого князівства Литовського. У 3 т. Т. 3. Статути Великого князівства Литовського 1588 року. У 2 кн. Кн. 2. Одеса : Юрид. лит., 2004. 566 с.
12. Волынские грамоты XVI в. / сост. В. Б. Задорожный, А. М. Матвиенко. Киев : Научная мысль, 1995. Электрон. версия. URL: <https://libcats.org/book/723137> (дата обращения: 10.11.2024).
13. Canyameres M., Salberg A. C. Historical Contribution to the Ethical and Methodological Principles of Mediation. Mediation in political conflicts – Soft power or counter culture? / ed. Jacques Faget. Oxford, 2011.
14. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. Москва : Юрид. лит., 1988. 431 с.

Информация об авторах

Э. А. Кузбагаров – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук;

В. А. Максимов – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

E. A. Kuzbagarov – Senior Lecturer at the Department of civil law disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law);

V. A. Maksimov – Associate Professor at the Department of civil law disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 34

ПРАВОСУДИЕ И КОРОЛЕВСКАЯ ВЛАСТЬ: СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ АНГЛИИ (VII – XVII вв.)

Алексей Эдуардович ЧЕРНОКОВ¹, Анна Викторовна СЛИНЬКО²

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия, chernokovgeorgy@yandex.ru

² Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Комплексный центр
социального обслуживания населения Красносельского района», Санкт-Петербург, Россия
ani.slinko@yandex.ru

Аннотация. В статье авторы излагают проблематику становления и эволюции судебной практики как источника общего права Англии. Значимость права как регулятора общественных отношений возрастала по мере становления городов, ведущих значительную торговлю, в том числе транзитную. В Англии процессы правообразования и государствогенеза шли несколько быстрее, нежели в континентальной Европе, причем норманнская верхушка всячески способствовала централизации. Наилучшим способом объединения страны стало создание королевской юстиции с широкой подсудностью дел. Судебный прецедент сохранил свою значимость в правовой системе страны и оказывает самое прямое воздействие на правоприменение и правосознание населения Англии.

Ключевые слова: антропология права, государство, обычай, правовое регулирование, прецедент, суд

Для цитирования: Черноков А. Э., Слинко А. В. Правосудие и королевская власть: становление правовой системы Англии (VII – XVII вв.) // КриминалистЪ. 2025. № 1 (50). С. 152 – 160.

Original article

JUSTICE AND ROYAL AUTHORITY: THE FORMATION OF THE LEGAL SYSTEM IN ENGLAND (VII – XVII CENTURIES)

Alexey Ed. CHERNOKOV¹, Anna V. SLIN'KO²

¹ The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia,
chernokovgeorgy@yandex.ru

² St. Petersburg State Budgetary Institution «Comprehensive Center for Social Services to the
Population of the Krasnoselckyy district», Saint-Petersburg, Russia, ani.slinko@yandex.ru

© Черноков А. Э., Слинко А. В., 2025

Abstract. This article discusses the formation and evolution of judicial practice as a source of English common law. The significance of law as a regulator of social relations grew in parallel with the development of towns engaged in substantial trade, including transit trade. In England, the processes of legal development and state formation progressed somewhat rapidly than in continental Europe, with the Norman aristocracy actively promoting centralization. The creation of royal justice with broad jurisdiction proved to be the most effective means of uniting the country. Judicial precedent has retained its importance within the legal system and continues to exert a direct influence on the application of the law and the legal consciousness of the English population.

Keywords: anthropology of law, state, custom, legal regulation, precedent, court

For citation: Chernokov A. Ed., Slin'ko A. V. Justice and royal authority: the formation of the legal system in England (VII – XVII centuries). *Criminalist*. 2025;1(50):152-160. (In Russ.).

На начальном этапе существования английских поселений VI – XI веков можно выделить два важных аспекта, которые отражают переход от родового строя к феодальной системе. С одной стороны, существовала гайда – система, типичная для родового строя. С другой стороны, формировалась сельская община, которая представляла собой территориальную единицу, не всегда связанную с родом, и именно развитие сельской общины и формирование социальных групп внутри нее составляют суть периода между английским и нормандским завоеваниями [1, с. 40]. Подобная территориальная община характеризовалась такими чертами, как сочетание родственных и территориальных связей; браки между близкими родственниками; имущественное неравенство; разделение личной и общественной жизни; мононормы как основа социального регулирования [2, с. 55]. В основе правовой системы территориальных и политических образований, созданных местными племенами (королевствами и вожествами), лежали многочисленные сборники законов, которые включали в себя как обычаи, так и указы правителей. Эти сборники законов были написаны на древнеанглийском языке, что позволяет сделать вывод об отсутствии значительного влияния римского права и континентальных политико-правовых традиций. Наличие самобытных судебных чётко показывает, что «прида-

ние письменной формы есть придание правилу поведения правовой формы, т. е. закрепление, упрочение этого правила поведения посредством его организованной охраны, которая предполагает гарантию правила поведения (образующего содержание правовой нормы) и его защиту в случае посягательств» [3, с. 65].

В VII веке в некоторых англосаксонских королевствах судебники начинают играть значимую роль, хотя они охватывали не все обычаи, а только те, которые касались уголовного судопроизводства (например, Правда Этельберта). Более того, авторы судебныхников подчеркивали, что в них включены только те правила, которые прошли проверку временем. В частности, об этом прямо говорится в Правде Альфреда: «Ныне я, король Альфред, собрал эти законы, приказал записать многие из тех, которых придерживались наши предшественники и которые понравились мне, и многие из тех, которые мне не понравились, я отверг по совету многих мудрых, а прочие приказал выполнять; далее, не решился я предать записи большое количество собственных своих постановлений, ибо неизвестно мне, придутся ли они по душе тем, кто будет после нас» [4, с. 472 – 473].

Захват Англии норманнами стал мощным толчком для развития правовой системы и государственных институтов [5, с. 61]. Одновременно происходили изменения в жизни сельских

общинников, образовывавших основную массу населения. Как полагает И. Н. Гомеров, «с установлением господства феодальных отношений и крупного землевладения община превратилась из свободной общины в общину зависимую от крупных землевладельцев-феодалов и государства. Однако ее порядки и институты продолжали действовать внутри феодального владения в качестве необходимого дополнения к парцеллярному, или семейно-индивидуальному, хозяйству крестьян, обеспечивая его нормальное функционирование. Даже собственное хозяйство феодала было вынуждено подчиняться заведенному в деревенской общине распорядку, при помощи общины как сообщества мелких производителей поднималась целина, расчищались леса, прокладывались дороги, возводились ирригационные и мелиорационные сооружения, строились мосты, мельницы, военные укрепления, замки, культовые здания, осуществлялся переход к трехполью, регулирование этой системы земледелия. Ей удалось сохранить свою демократическую природу, несмотря на наличие в ней имущественного неравенства. Она защищала своих членов от натиска феодалов. Ее существование закреплялось, как правило, обычным правом, правовым обычаем, но иногда и нормативными актами государства» [6, с. 298 – 299].

Значимость права как регулятора общественных отношений возрастала по мере становления городов, ведущих значительную торговлю, в том числе и транзитную. Как отмечает К. Уикхем, в период царствования Вильгельма Завоевателя в Англии насчитывалось 112 «бургов». Ученый констатирует тот факт, что «горожане в большинстве своем не производили продукты питания, они изготавливали ремесленные изделия на продажу, а на вырученные деньги покупали продукты, выращенные крестьянами. Иногда, если город был

крупным и/или густонаселенным, торговля с ним охватывала довольно большую территорию; лондонский спрос, в частности, затрагивал такие дальние рынки, как в Дувре, Оксфорде и даже в Питерборо. Однако в основном этот торговый обмен был местным» [7, с. 221]. В феодальном праве не было разделения на отрасли, а церковные нормы оказывали значительное влияние на действие правовых норм. Для феодального права был характерен партикуляризм — отсутствие единого национального права на всей территории государства и преобладание правовых систем, основанных на местных обычаях [8, с. 172].

После 1066 года в Англии начинает формироваться система общего права, которое распространялось на всю территорию страны. Ключевую роль в этом процессе играли королевские суды, которые рассматривали все споры между феодалами, активно применяя местные обычаи. Кроме того, английская государственность при первых норманнских королях приобрела одну особенность, отличавшую ее от континентальных монархий своего времени: это отсутствие крупных единых земельных владений знати. Вильгельм Завоеватель и его преемники сознательно дробили земельный фонд при его раздаче и тем самым не позволяли формироваться территориальным владениям, могущим соперничать по экономическим и военным возможностям с короной. Очень важной оказалась идея (в отличие от континентальной Европы) об особой форме личной связи монарха с дворянством. Английские рыцари, независимо от статуса и дохода, присягали на верность лично королю, поэтому вассальные связи носили строго вертикальный характер и не допускали существования промежуточных ступеней вассалитета, деятельность королевских судов усиливала централизацию страны.

Судебная реформа Генриха II свелась к следующему:

произошло расширение юрисдикции королевских судов (курия стала принимать апелляции на все решения сеньориальных судов);

создана четкая структура королевской юстиции и специальный механизм королевского правосудия (введены должности разъездных судей);

вводился институт присяжных обвинителей, изменивший формы гражданского и уголовного процесса [2, с. 55].

Как полагал один из выдающихся английских средневековых правоведов Г. Брактон, король был избран для того, чтобы вершить правосудие от имени Бога. В его лице как бы воплощается божественная власть, которая позволяет ему вершить суд и защищать то, что он считает справедливым, и если бы не было никого, кто бы осуществлял правосудие, мир мог бы быть легко уничтожен. Создание законов и осуществление правосудия были бы бесполезны без того, кто поддерживает их [9]. Таким образом, король выделялся в качестве сакральной фигуры, обладавшей особым правовым статусом. Прежде всего, вступление монарха на престол предполагало наличие нескольких элементов этого процесса:

избрание;

одобрение и аккламация (приветствие);

помазание;

коронование [10, с. 229].

С XIII века в Англии, в связи с дальнейшей централизацией государства, значение королевской юстиции возрастает и начинается процесс формирования «права справедливости». Первоначально оно выступало в качестве привилегии, которая выдавалась судом лорда-канцлера в виде особого королевского предписания. Эта форма права во многом оказалась вызванной к жизни политическими изменениями

в Англии XIII столетия. Прежде всего, в результате противостояния знати и монарха в 1215 году появляется Великая хартия вольностей (*Magna Charta Libertatum*), считающаяся первым актом конституционного характера в средневековой Европе. Этот документ вводил определенные гарантии прав личности, в том числе «суд равных» для всех юридически свободных подданных короля. Статья 39 Хартии гласила: «Ни один свободный человек не будет арестован или заключен в тюрьму, или лишен свободы, или каким-либо иным способом обездолен, и мы не пойдем на него и не пошлем на него иначе, как по законному приговору равных его и по закону страны» [4, с. 516–517]. Великая хартия вольностей была, по сути, корпоративным актом, защищавшим права дворянства и горожан от произвола королевской власти. Реально Хартия периодически нарушалась, но формально она и в настоящее время является действующей, что лишь убеждает в особенностях британской правовой культуры и менталитета. По мнению такого крупного ученого, как Д. М. Петрушевский, «...Великая хартия имеет огромное принципиальное значение. Но его надо искать не в содержании Хартии. Великая хартия есть мирный договор, заключенный королем с баронами после победы, одержанной над ним баронами, совместно с другими элементами английского общества. До тех пор королевская власть безраздельно господствовала над английским обществом, а тот правовой строй и гражданский порядок, который существовал в ней, свою высшую санкцию находил в ней, в ее соизволении, поскольку она видела в нем необходимое условие своей собственной силы. Одержав победу над королем, бароны заставили его торжественно признать юридически незыблемыми и их собственные права и тот гражданский порядок, который охранял права и интересы свободных людей

английского королевства, и узаконить протесты „общин всей земли“ против их нарушения им или его чиновниками» [11, с. 51 – 52].

С позиции цивилизационного подхода к сущности любого государства и социально-антропологического измерения права процесс становления английского конституционализма и судебной системы всецело определяется местной спецификой и историческими традициями данного социума. Постепенно в Англии стали явственно просматриваться специфические черты общественного строя и экономических отношений. Как полагали некоторые советские медиевисты, «особенностью социального развития класса феодалов в Англии было то, что уже в XIII в. значительная его часть, особенно средние и мелкие феодалы, была втянута в товарно-денежные отношения» [12, с. 371].

Процесс перераспределения власти между монархом и сословиями в XIII столетии и его письменная фиксация в Великой хартии вольностей объективно требовали усиления роли королевских судов, поскольку количество обращений в них со стороны свободных подданных неуклонно росло. Помимо этого росло недовольство свободных граждан королевства решениями судов «общего права». Многие из этих решений были основаны на устаревших традициях и не соответствовали духу времени, сеньориальные суды часто защищали феодальные привилегии крупных землевладельцев, что приводило к явной несправедливости.

Свободные подданные могли подавать жалобы в королевский суд (биллы). На основании Второго Вестминстерского статута (1285 г.) лорд-канцлер был обязан выдавать предписания в случае подобия, что привело к появлению особой формы иска — *super casum*. В ходе судебного разбирательства основное вни-

мание уделялось процедуре. Судебная защита предшествовала праву. Степень публичности процесса в рамках «права справедливости» была высокой. Стадии такого процесса предполагали:

рассмотрение канцлером заявления истца;

издание предписания о вызове ответчика к канцлеру для личной беседы;

ответчик под присягой отвечает на все вопросы канцлера;

исполнение решения суда канцлера гарантировалось суровыми мерами наказания [13, с. 53].

Английские суды изначально очень строго соблюдали процедурные правила, что исключало какое-либо серьезное влияние римского права на общее право. Кроме всего прочего, на эволюцию английского права и судебной системы значительное воздействие оказывал парламент, регулярно созывавшийся королями с 1295 года. Движение Англии к парламентскому строю было очень долгим, тернистым, но неуклонным.

Весомость представительного органа во многом определялась и тем, что в Англии изначально отсутствовала бюрократическая система управления и многие властные функции осуществлялись местными землевладельцами, из числа которых избирались мировые судьи. Парламент же в такой ситуации ограничивал королевскую власть прежде всего в такой важной сфере, как налогообложение. Без согласия депутатов не мог быть введен ни один новый налог и не позволялось осуществлять разовые сборы.

Первоначально же парламент был однопалатным и состоял из приглашенных монархом представителей знати, рыцарства и городов. Как отмечал Д. М. Петрушевский, «завоевав себе право вполне самостоятельно распоряжаться своим достоянием для удовлетворения государственных надобностей, поставив взима-

ние налогов в необходимую зависимость от определенно выраженного согласия самого общества, английский народ приобрел прочный базис для развития своего политического самоопределения в тех формах, какие были определены всем своеобразным ходом его истории. С тех пор парламентский режим стал в Англии на вполне твердую почву, в особенности после того, как был выдвинут и вошел в жизнь принцип, что субсидии королю должны разрешаться парламентом лишь после того, как правительство удовлетворит ходатайства, предъявленные ему в парламенте народными представителями»[11].

Попытки королевской власти расширить свою прерогативу и выйти за пределы статута и общего права предпринимались неоднократно и достигли своего апогея в XV – XVII веках. Способом усиления власти стало активное использование права справедливости. В период с 1495 по 1640 год полномочия лорда-канцлера существенно увеличились. Как отмечают К. Цвайгерт и Х. Кетц, «то была эпоха великого противостояния королей, стремившихся к абсолютной монархии, и парламента. В этом споре римское право сыскало симпатии правителей, так как лишь оно давало возможность обосновывать легитимность политических притязаний и придать королевской воле абсолютный и юридически обязательный характер» [14, с. 294].

Влияние парламента означало незавершенность королевского абсолютизма, существенно отличавшегося от своих континентально-европейских аналогов. Эти отличия сводились к следующему:

- существовал сословно-представительный орган (парламент);
- сохранялось местное самоуправление;
- отсутствовал разветвленный бюрократический аппарат;
- отсутствовала постоянная армия [2].

Кроме того, крайне важной была собственно юридическая составляющая, которая не была просто формальностью, не имевшей реального политического значения. В ее правовых формах закрепились и отражались система государственных институтов, которые действовали на практике, а также совокупность их полномочий. Именно поэтому юридическая конструкция государственного строя Англии стала предметом жарких споров между противоборствующими политическими силами, но борьба между этими силами была во многом борьбой юристов, которые использовали законодательные акты и юридические прецеденты как оружие. Каждая из сторон искала в праве поддержку своим политическим амбициям и инструмент для сдерживания амбиций своего оппонента [15, с. 48].

Противостояние парламента и монархии за доминирующее положение в обществе завершилось казнью Карла I, что ознаменовало конец эпохи абсолютизма в истории Англии. Общее право благодаря активной деятельности судей быстро восстановило свои позиции и сохраняет их до сих пор. Конечно, на значимость общего права и его укорененность в менталитете юридического сообщества Англии повлияла не только необходимость противостоять росту королевской власти. Свою роль сыграл и географический фактор – островное положение Англии способствовало ее обособленному правовому и политическому развитию. После нормандского вторжения в 1066 году страну больше никто не завоевывал и не приносил с собой свои традиции и формы правового регулирования. Кроме того, стоит учитывать и наличие определенных объективных обстоятельств, которые способствовали росту противоречий между различными частями английского права. По мнению Р. Уолкера,

«право справедливости дополняло общее право и исправляло его недостатки. Когда право справедливости подменяло общее право, в таких случаях происходили прямые столкновения между судами общего права и канцлерами. Так, случалось, что канцлер расторгал договор или исправлял формулировку документа, а суды общего права принудительно приводили его в исполнение согласно первоначальным условиям» [16, с. 73–74].

В XVII веке в Англии (и во всей Европе) бурно развивалась наука. Соответственно, «открытия в науке способствовали секуляризации европейского сознания. Не менее важным в этом процессе было и влияние Великих географических открытий, знакомивших европейцев с огромным многообразием быта, нравов, верований народов мира, что порождало представления не только о различиях, но и о чертах сходства между ними, о существовании некой общей естественной религии, присущей всем людям, не связанной лишь с откровением Священного Писания. К секуляризации сознания отчасти побуждало и критическое восприятие текстов самой Библии, переведенной на национальные языки и ставшей доступной гораздо более широкому, чем прежде, кругу грамотных людей. И все же едва ли не решающим фактором процесса нараставшей секуляризации представлений и интеллектуальных интересов общества стал изменявшийся строй повседневной жизни народов Европы в XVII веке» [17, с. 11]. Таким образом, значимость и важность общего права в Англии как способа разрешения социальных конфликтов и повседневного регулирования общественных отношений в целом не подвергались сомнению. Его высокий статус был обусловлен также деятельностью профессиональных судей и адвокатов, которые уже в XIV веке

объединились в несколько корпораций, известных как «судебные инны». Влияние адвокатов и судей было настолько велико, что с ними приходилось считаться даже монархам. В частности, под руководством судьи общего права Э. Кока в 1628 году была написана и представлена королю Карлу I знаменитая Петиция о правах, в которой детально перечислялись все нарушения старинных вольностей со стороны короны. Завершалась петиция положениями о том, что подданные ходатайствуют перед монархом «как о своих правах и вольностях, согласных с законами и статутами этого королевства, и просят, кроме того, чтобы ваше величество соизволили объявить, что решения, действия и меры, направленные в ущерб народу в каком-либо из означенных пунктов, не могли иметь последствия для будущего или служить впредь примерами; и чтобы ваше величество всемилостивейше соизволили для вашего удовлетворения и успокоения народа объявить вашему королевству волю и желание, чтобы в вышеозначенных делах все ваши чиновники и должностные лица служили вам согласно с законами и статутами этого королевства...» [18, с. 25].

Значимость профессиональных юристов в Англии и их активность позволяют говорить о формировании ими развитой правовой среды. Эта правовая среда необходима. Значение правовой сферы в жизни англичан обусловлено тем, что профессиональные юристы в Великобритании давно заняли доминирующее положение в подготовке будущих специалистов в области права. Они не нуждались в поддержке университетов, поэтому борьба с королевской прерогативой в определенные периоды истории Англии была весьма напряженной. Известный историк А. Н. Савин писал, что в период правления Генриха VIII юристы общего права ис-

пытывали серьезное беспокойство из-за стремительного развития справедливой юстиции. Они опасались, что их система может быть полностью заменена. Однако после смерти Генриха VIII стало очевидно, что правительство не собирается отказываться от старой судебной системы, и юристы общего права снова начали составлять отчеты о своей рабо-

те. К концу XVI века они даже начали активно продвигать свои идеи [19, с.159].

Политические институты в Англии на протяжении XVII—XVIII веков претерпели существенные изменения. Произошло становление системы разделения властей, которая во многом опиралась на теоретические разработки основателя новоевропейского либерализма Дж. Локка [20].

Список источников

1. Мортон А. Л. История Англии / пер. с англ. Н. Чернявской. Москва : Иностр. лит., 1950. 463 с.
2. Мухаев Р. Т. История государства и права зарубежных стран. 3-е изд. Москва : Юрайт, 2014. 1006 с. (Бакалавр. Углубленный курс).
3. Гревцов Ю. И. Лекции по общей теории права. Санкт-Петербург : С.-Петерб. гос. ун-т, 2019. 452 с.
4. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. В 2 т. Т. 1. Древний мир и Средние века / Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова ; отв. ред. Н. А. Крашенинникова. Москва : Норма, 2007. 807 с.
5. Романов А. К. Правовая система Англии. Москва : Дело, 2000. 342, [1] с.
6. Гомеров И. Н. Государство и государственная власть. Москва : ЮКЗА, 2002. 830 с.
7. Уикхем К. Средневековая Европа от падения Рима до Реформации : пер. с англ. Москва : Альпина нон-фикшн., 2019. 535 с.
8. Вологдин А. А. История государства и права зарубежных стран. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2013. 768 с. (Бакалавр. Углубленный курс).
9. Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / под ред. В. М. Корещкого. Москва : Госюриздат, 1961. 950 с.
10. Словарь средневековой культуры / под общ. ред. А. Я. Гуревича. Москва : РОССПЭН, 2003. 631 с.
11. Петрушевский Д. М. Великая хартия вольностей и конституционная борьба во второй половине XIII века. Москва : Изд. М. и С. Сабашниковых, 1915. 175 с.
12. История средних веков. В 2 т. Т. 1 / Ин-т истории Акад. наук СССР и Ист. фак. Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова ; под ред. Е. А. Косминского, С. Д. Сказкина. Москва : Госполитиздат, 1952. 748 с.
13. Михайлов А. М. Очерки теории и истории английского права. Москва : Юрлитинформ, 2015. 362 с.
14. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. В 2 т. Т. 1. Москва : Междунар. отношение, 1998. 478 с.
15. Томсинов В. А. Государственный строй Англии накануне революции 1640—1660 годов // Проблемы истории государства и права : сб. науч. тр. в честь юбилея проф. Н. А. Крашенинниковой / Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова ; отв. ред. В. А. Томсинов. : Зерцало-М, 2009. 314, [1] с.
16. Уолкер Р. Английская судебная система : пер. с англ. Москва : Юрид. лит. М., 1980. 631 с.
17. История культуры стран Западной и Центральной Европы в XVII веке / Д. А. Баяк, Л. М. Брагина, И. Ю. Варьяш [и др.] ; под ред. Л. М. Брагиной. Санкт-Петербург : Наука, 2017. 589, [1] с.

18. Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII – XIX вв. Англия, США, Франция, Италия, Германия : сб. документов / под ред. П. Н. Галанзы. Москва : Госюриздат, 1957. 587 с.
19. Савин А. Н. Лекции по истории английской революции. Москва : Крафт+, 2000. 535 с.
20. Очерки истории западной политической философии / И. А. Ерохов, М. М. Федорова, А. Ф. Яковлева. Москва : Летний сад, 2013. 499 с.

Информация об авторах

А. Э. Черноков – доцент кафедры государственного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, кандидат юридических наук;

А. В. Слин'ко – юрисконсульт Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения «Комплексный центр социального обслуживания населения Красносельского района».

Information about the authors

A. E. Chernokov – Assistant Professor at the Department of state law of the Herzen State Pedagogical University of Russia, Candidate of Science (Law);

A. V. Slin'ko – Legal Counsel at Saint-Petersburg State Budgetary Institution «Comprehensive Center for Social Services to the Population of the Krasnoselsky district».

ПЕРСОНАЛИИ В НАУКЕ

Персоналии
УДК 34

ПАМЯТИ ИЗВЕСТНОГО УЧЕНОГО, КРИМИНАЛИСТА, ОСНОВАТЕЛЯ ТАКТИКИ И МЕТОДИКИ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА П. И. ТАРАСОВА-РОДИОНОВА

Наталья Викторовна ТРОШИНА

*Научно-исследовательский институт Университета прокуратуры Российской Федерации,
Москва, Россия, Natali_troshina@mail.ru*

Аннотация. В статье описаны годы жизни выдающегося криминалиста, ученого П. И. Тарасова-Родионова. Затронуты вопросы организации использования технико-криминалистических средств, применяемых для расследования и раскрытия преступлений, их значимость в методике применения следственного чемодана. Проведен анализ по расследованию уголовных дел. Изложены основные значимые заслуги П. И. Тарасова-Родионова.

Ключевые слова: тактика, методика, следственный эксперимент, следственный чемодан, расследование преступлений, следователь, технико-криминалистические средства

Для цитирования: Трошина Н. В. Памяти известного ученого, криминалиста, основателя тактики и методики следственного эксперимента П. И. Тарасова-Родионова // КриминалистЪ. 2025. № 1 (50). С. 161 – 168.

Personalities

IN MEMORY OF THE FAMOUS SCHOLAR, CRIMINOLOGIST, FOUNDER OF THE TACTICS AND METHODOLOGY OF INVESTIGATIVE EXPERIMENT P. I. TARASOV-RODIONOV

Natalia V. TROSHINA

*Research Institute of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Moscow,
Russia, Natali_troshina@mail.ru*

Abstract. The article describes the life of the outstanding criminologist and scholar P. I. Tarasov-Rodionov. The issues of organising the use of technical and forensic tools used to investigate

© Трошина Н. В., 2025

and solve crimes, their importance in the methodology of using the investigative suitcase are touched upon. An analysis of the investigation of criminal cases is presented. The main significant merits of P. I. Tarasov-Rodionov are outlined.

Keywords: tactics, methodology, investigative experiment, investigative suitcase, investigation of crimes, investigator, technical and forensic tools

For citation: Troshina N. V. In memory of the famous scholar, criminologist, founder of the tactics and methodology of investigative experiment P. I. Tarasov-Rodionov. Criminalist. 2025;1(50):161-168. (In Russ.).

Петр Игнатьевич Тарасов-Родионов родился в 1897 году в г. Казани. Его отец работал землемером в Казанской городской управе. Мать занималась домашним хозяйством и

воспитывала детей.

В 1908 году он поступил в Третью Казанскую гимназию, учился на стипендию. С малых лет познавал и впитывал в себя законы народной мудрости, любовь к труду, чувство долга и верности своей стране и своему народу. В 16 лет начал подрабатывать репетитором у частных лиц в г. Казани. В 1917 году окончил гимназию и поступил учиться в Киевский университет, который ему не удалось закончить в связи с началом Гражданской войны.

Свой профессиональный путь Петр Игнатьевич начал с того, что в 1917 году работал конторщиком на заводе № 9 в Шостке Сумской области. В 1918 году — счетоводом строительного моста, станция Юхново Черниговской области; заведующим канцелярией охраны завода № 9. В 1919 году — следователем чрезвычайной комиссии; помощником секретаря народного суда; контролером рабочей охраны завода № 9; адвокатом в Шостке. В 1920 году — помощником юрисконсульта завода № 9 в Шостке.

В 1924 году — делопроизводителем нотариальной конторы в Шостке.

В 1925 году Петр Игнатьевич поступил на службу в прокуратуру — народным следователем в г. Клин Московской области. В 1926 году — народным следователем прокуратуры г. Москвы. В 1930 году — старшим следователем Московской областной прокуратуры. В 1937 году — следователем по важнейшим делам Прокуратуры СССР. В 1943 году — начальником отделения следственного отдела Прокуратуры СССР; начальником методического сектора Следственного управления Прокуратуры СССР.

Приказом Генерального прокурора Союза ССР № 904 от 13 июля 1949 года П. И. Тарасов-Родионов назначен заместителем директора по научной работе Всесоюзного научно-исследовательского института криминалистики Прокуратуры СССР.

В 1952 году — директором Ленинградских курсов по переподготовке районных прокуроров и помощников прокуроров. В 1953 году — директором курсов по переподготовке старших следователей в г. Ленинграде.

В 1954 году — прокурором Следственного управления Прокуратуры СССР¹.

Являясь свидетелем и участником ярких событий отечественной истории, испытал вместе с народом времена славных побед и тяжелейших испытаний, ведь на долю его поколения выпали невиданные жизненные трудности и

¹ Архив Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

судьбоносные события: годы сталинских репрессий, кровопролитные сражения и победа в Великой Отечественной войне, восстановление разрушенного войной народного хозяйства, Петр Игнатьевич оставил свой вклад в теории криминалистики.

П. И. Тарасов-Родионов исследовал тему следственного эксперимента и считал, что предварительное следствие является важнейшим участком работы органов прокуратуры. От того, насколько инициативно, оперативно и тщательно проводится предварительное следствие, насколько целесообразно и быстро принимаются следственные действия, в значительной степени зависит не только исход конкретного дела — раскрытие преступления и разоблачение преступника, но и успешность всей борьбы с преступностью [1, с. 3].

Первый прокурор Союза ССР Иван Алексеевич Акулов в своем докладе на Всесоюзном совещании судебно-прокурорских работников говорил, что «мы должны усвоить и крепко усвоить, что правильно проведенное предварительное расследование и высокое качество следственного материала является решающим условием и качеством работы суда» [2, с. 4].

Тов. Вышинский на первом Всесоюзном совещании работников суда и прокуратуры указывал: «Чтобы провести правильно следствие, мало натренироваться, набить руку. Здесь нужно овладеть наукой и техникой этого трудного и сложного дела» [3, с. 4]. «Нужно свою работу опереть на научную основу. Если эта работа не будет опираться на основы марксистско-ленинской методологии, диалектической методологии, то дело не пойдет. Это нужно усвоить и понять» [4].

Применение научных методов расследования при условии детального освоения научно-технических средств — это необходимое оружие в руках

следователя для раскрытия и успешного расследования преступлений.

Однако осуществлению следственных действий нередко препятствовало отсутствие у следователя специальных приборов, инструментов и материалов. В связи с чем на техническое оснащение следователей в 50-е годы государством затрачивались большие денежные суммы для того, что бы ни одно преступление не оставалось нераскрытым, чтобы предварительное следствие по всем делам производилось на высоком научном уровне и тем самими обеспечивало установление истины [5, с. 4–5].

Для работы с доказательствами во время производства осмотров и иных следственных действий требовались специальные знания.

Для организации использования техническо-криминалистических средств, применяемых для расследования и раскрытия преступлений, Петр Игнатьевич разработал методику применения следственного чемодана и издал пособие для следователей, в котором представлены таблицы с иллюстрированными инструкциями о том, какие приборы, инструменты и материалы составляют следственный чемодан.

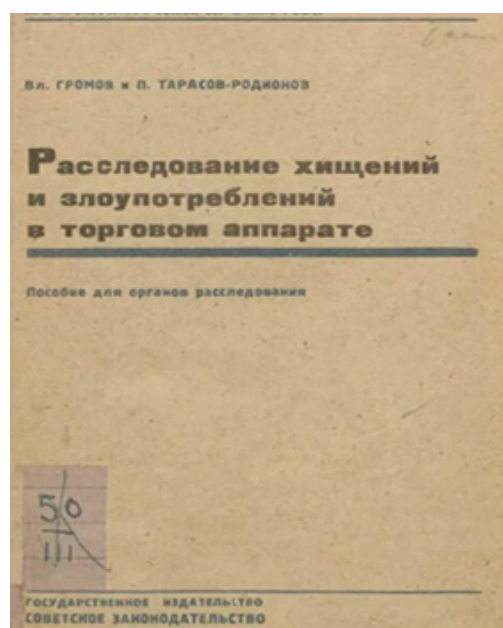
Крайне трудно обнаружить невидимые или маловидные следы, если у следователя нет свечи или электрофонарика и лупы; нельзя сделать видимыми, закрепить и изъять бесцветные отпечатки пальцев рук, если нет специального порошка для их окрашивания, кисти и специальной пленки; нельзя закрепить и изъять обнаруженные следы ног человека, следы транспортных средств, следы применения орудий взлома, наглядно закрепить весь общий вид и отдельные детали места происшествия, если нет фотоаппарата, масштабной линейки, гипса, сосуда для его растворения и пластилина [5, с. 4–5].

Также нельзя не отметить, что П. И. Тарасов-Родионов посвятил специальный раздел следственному эксперименту в своем пособии для следователей «Предварительное следствие» [1, с. 124 – 127], определив его понятие, дав рекомендации по его процессуальному оформлению и приведя образец протокола. Это значительно способствовало внедрению в практику следственного эксперимента. Впоследствии исследования П. И. Тарасова-Родионова привели к процессуальному признанию следственного эксперимента самостоятельным следственным действием в УПК РСФСР и других союзных республик.

П. И. Тарасов-Родионов является автором (соавтором) более 50 научных трудов¹, включая «Расследование хищений и злоупотреблений в торговом аппарате» [6], «Руководство по расследованию преступлений» [7], «Пределы и содержание предварительного следствия» [8, с. 14 – 72], «Следственный эксперимент» [9, с. 73 – 107].

¹ Архив Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Например, в журнале «Социалистическая законность» (1945 г., № 6) в статье «Лоскуток шелка» им описан очень интересный случай следственного мастерства. «Летом 1944 г. было совершено крупное хищение различных товаров из магазина Солдатско-Александровского района Ставропольского края.

Следователь Решетов изъясил в магазине образцы мануфактуры, такой же,

как и похищенная, а путем допроса работников магазина точно установил приметы других похищенных товаров. Следователь рассуждал так: если грабители похитили более 600 метров шелка и других материалов, то надо полагать, что они припрятали все это на некоторое время, а в дальнейшем неизбежно приступят к сбыту похищенного, причем текстильные товары они, возможно, попытаются сбыть в виде пошитых изделий.

В соответствии с этим предположением т. Решетов и наметил план расследования. Следователь установил адреса всех портных района, побывав у каждого из них во дворе, каждый раз задерживаясь возле мусорных куч в надежде обнаружить лоскутки материалов из тех, что были похищены в магазине. Во время одного из таких обходов следователь во дворе, где проживал портной Воинов, в мусорной куче среди различных лоскутов нашел маленький кусочек шелка, точно такой же, какой был похищен из магазина.

Но что значит один маленький лоскуток? Ведь такой шелк продавался в магазине и мог быть куплен кем-либо из заказчиков. Много лиц прошло через кабинет следователя, и, хотя это пока ничего нового не принесло, настойчивость не покидала Решетова. И однажды на допросе следователь услышал знакомую фамилию, одним из соучастников ограбления магазина, очевидно, был сын почтенного портного Воинова Алексей. Найденный следователем лоскуток шелка стал приобретать какое-то новое значение.

В целях проверки возникающих подозрений следователь наложил арест на всю корреспонденцию, поступающую в адрес Воиновых. Вскоре Решетов обнаружил во дворе, где жил портной, в мусорной куче, уже не один, а несколько лоскутов точно такого же шелка, который он нашел в первый раз. Лоскутки стали приобретать значение улики.

Затем в письме от Алексея Воинова на имя отца сын, в частности, сообщал: „... Скоро приеду домой с деньгами за продуктами. Денег привезу не менее трех тысяч ...”. А Решетову было известно, что Алексей нигде не работал и не получал стипендию. Собранные следователем материалы давали необходимые основания для обыска в квартире Воинова, и он был сделан.

Обыск дал блестящие результаты. В ящиках швейной машины было обнаружено несколько больших лоскутов шелка и другого такого же материала, как похищенный из магазина. В шифоньере были найдены различные вещи, пошитые из похищенного материала. Над дверью на стене, закрытой географической картой, Решетов увидел следы недавней побелки, а при простукивании в этом месте был слышен особый звук. По распоряжению следователя было выломано несколько кирпичей; в стене оказалось углубление, в котором находились два чемодана, набитые мануфактурой. В результате обыска было изъято: 193 метра шелка, 60 метров других материалов, 14 пуховых платков, каракулевая шапка, значительное количество белья, много платьев, пошитых из похищенных материалов, и 1420 рублей. В квартире подельника Малафеева было изъято: 70 метров шелка, 15 метров другого материала и 4190 рублей.

Собранные доказательства позволили быстро установить и изобличить всех соучастников хищения; они были осуждены по закону, а причиненный государству крупный ущерб возмещен.

Трудности не остановили т. Решетова. Проявив инициативу, находчивость и настойчивость, не опуская рук при неудачах, он добился поставленной цели» [10, с. 40].

В статье «Настойчивость следователя» Петр Игнатьевич описал расследование преступления о хищении хлебных карточек. «В прокуратуру Баргузанского

района Бурят-Монгольской АССР поступили сообщения о том, что в типографии газеты „Баргузинская правда“, где печатались хлебные карточки, происходит их организованное хищение. В результате анализа довольно туманных сигналов был сделан вывод, что карточки расхищает заведующая типографией Базарова и что эти карточки она сбывает через неких Лермонтову, Намсарову и Тропникову. Предварительная проверка подтвердила правильность сигналов. Материалы были переданы народному следователю тов. Ринчикову. Расследование было начато с обысков. На квартире у Базаровой были обнаружены тщательно спрятанные хлебные карточки, дававшие право на получение 30 центнеров хлеба.

Следователь решил установить, насколько систематически производилось хищение карточек, и выявить всех соучастников Базаровой.

Путем допроса работников магазина следователь стал тщательно выяснять, не заметили ли они, чтобы кто-либо получал хлеб по карточкам больше, чем ему следовало выдавать по спискам. В то же время в магазине сельпо был задержан малолетний брат Тропниковой, который пытался получить хлеб по уже просроченным, недействительным хлебным карточкам. При допросе он заявил, что хлебные карточки он получил от своей сестры. Лишь на очной ставке Тропникова призналась в получении от Базаровой карточек, похищенных последней в типографии. Следствием было установлено, что Тропникова получила хлебных карточек на 132 кг хлеба. Так шаг за шагом, используя все возможные пути для собирания доказательств, следователь изобличил всех соучастниц Базаровой, принимавших участие в сбыте похищенных карточек. Лишь после этого, будучи уличенной на очных ставках, Базарова была вынуждена признаться в система-

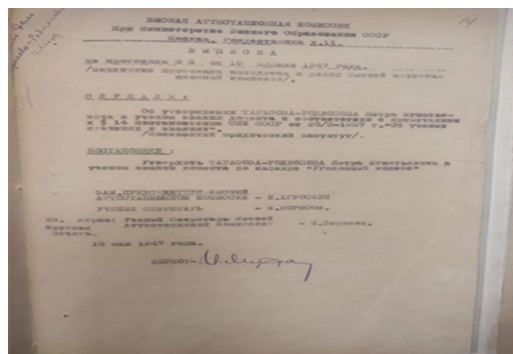
тическом расхищении из типографии хлебных карточек.

Правильная постановка и оперативность следствия, настойчивость следователя, его внимательное отношение к каждой мелочи, казавшейся, на первый взгляд, совершенно незначительной, помогли раскрыть истину, изобличить всех участников хищения и обеспечить возмещение причиненного государству ущерба в сумме 90 200 руб. Обвиняемые по приговору суда были осуждены» [11, с. 36 – 37].

Важно обратить внимание, что по инициативе Петра Игнатьевича была организована работа по проведению ежегодных конференций лучших следователей прокуратуры. Учитывая огромную значимость этих мероприятий и высокий уровень проведения, приказами Прокурора Союза ССР (от 29 июня 1939 года № 126-3; от 23 августа 1940 года № 1842) П. И. Тарасову-Родионову объявлены благодарности, в которых отмечены положительные результаты конференций и их значение в деле воспитания следственных кадров.

Имея большой практический опыт работы в органах прокуратуры, Петр Игнатьевич считал необходимым передавать накопленные им знания молодежи для становления их полноценной профессиональной деятельности.

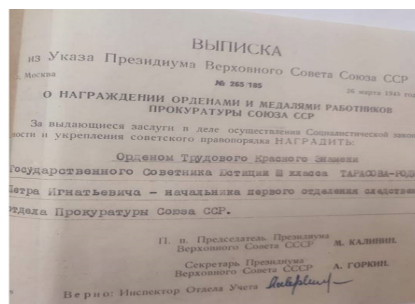
Протоколом Высшей аттестационной комиссии № 8 от 19 апреля 1947 года ему было присвоено ученое звание доцента по кафедре «Уголовный кодекс» Московского юридического института.

Когда страна столкнулась с нехваткой квалифицированных кадров (особенно это стало заметно после завершения Великой Отечественной войны), встал вопрос о необходимости открытия курсов подготовки народных судей, районных прокуроров и народных следователей. Председателем Совета Министров Союза ССР И. В. Сталиным было решено организовать Всесоюзный научно-исследовательский институт криминалистики (распоряжение Совета Министров Союза ССР от 11 февраля 1949 года № 1680-р¹).

В 1949 году заместителем директора по научной работе Всесоюзного научно-исследовательского института криминалистики Прокуратуры СССР был назначен государственный советник юстиции 3 класса П. И. Тарасов-Родионов.

Позже он стал директором Ленинградских курсов по переподготовке районных прокуроров и помощников прокуроров.

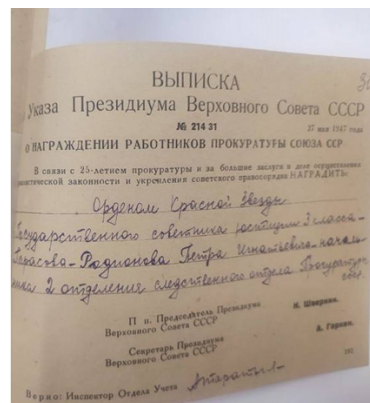

За выдающиеся заслуги в деле осуществления социалистической законности и укрепления советского правового порядка П. И. Тарасов-Родионов награжден орденом Трудового Красного Знамени и орденом Красной Звезды.

В 1955 году на 58 году ушел из жизни выдающийся ученый-криминалист и патриот Отечества Петр Игнатьевич Тарасов-Родионов.

Петр Игнатьевич Тарасов-Родионов был выдающимся педагогом, наставником, замечательным человеком. Его профессионализм, целеустремленность, доброжелательное отношение к молодым ученым, своим коллегам и учителям яркий пример служения науке и Отчизне.

Память о Петре Игнатьевиче останется в научных трудах и наших сердцах!

Список источников

1. Тарасов-Родионов П. И. Предварительное следствие : пособие для следователей / под ред. М. А. Чельцова-Бebutова. Москва : Юрид. изд-во, 1948. 196 с.

¹ Государственный архив Российской Федерации.

2. Тарасов-Родионов П., Ласкин М. Расследование дел о растратах и подлогах : практ. пособие для следователей и слушателей юрид. курсов // под общ. ред. Б. С. Ошеровича, Г. П. Рогинского. Москва : Сов. законодательство, 1935. 78, [2] с.
3. Тарасов-Родионов П. И. Предварительное следствие : пособие для следователей / под ред. Г. Н. Александрова, С. Я. Розенблита. Москва : Госюриздат, 1955. 247 с.
4. Вышинский А. Я. Доклад // Социалистическая законность. 1934. № 5.
5. Антонов А., Бунимович Д. Применение следственного чемодана : пособие для следователей / Прокуратура СССР, Всесоюз. науч.-исслед. ин-т криминалистики. Москва : Госюриздат, 1952. 222 с.
6. Громов В. У., Тарасов-Родионов П. И. Расследование хищений и злоупотреблений в торговом аппарате : пособие для органов расследования. Москва : Госюриздат, 1934. 116 с.
7. Тарасов-Родионов П. И., Шавер Б. М. Руководство по расследованию преступлений // Пособие для прокуроров, следователей и работников милиции. 2-е изд. Москва : Госюриздат, 1947.
8. Тарасов-Родионов П. И. Пределы и содержание предварительного следствия // Советская криминалистика на службе следствия : сб. работ по методике расследования преступлений / Всесоюз. ин-т по изуч. причин и разраб. мер предупреждения преступности. Москва : Госюриздат, 1951. Вып. 1. С. 14 – 72.
9. Тарасов-Родионов П. И. Следственный эксперимент. Материалы учебной конференции следователей в прокуратуре Союза ССР (август – сентябрь 1936 г.) // Практическое пособие для следователей. Москва : Юрид. изд-во НКЮ, 1937. С. 73 – 107.
10. Тарасов-Родионов П. И. Лоскуток шелка // Социалистическая законность. 1945. № 6. С. 40.
11. Тарасов-Родионов П. И. Настойчивость следователя // Социалистическая законность. 1945. № 1-2. С. 36 – 37.

Информация об авторе

Н. В. Трошина – старший научный сотрудник Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the author

N. V. Troshina – Senior researcher at the Research Institute of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law).

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ, МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ СОБРАНИЙ

Обзорная статья
УДК 34

ОБЗОР ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ «УГОЛОВНОЕ ПРАВО РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ. ВОЛЖЕНКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ»

Роман Михайлович КРАВЧЕНКО

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, roman888rus@rambler.ru*

Аннотация. В обзоре излагаются основные положения докладов и сообщений участников Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Уголовное право России: состояние и перспективы. Волженкинские чтения», которая прошла 29 ноября 2024 года в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовное право, криминология

Для цитирования: Кравченко Р. М. Обзор Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Уголовное право России: состояние и перспективы. Волженкинские чтения» // КриминалистЪ. 2025. № 1 (50). С. 169 – 173.

Review article

REVIEW OF THE ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION «CRIMINAL LAW OF RUSSIA: STATE AND PROSPECTS. VOLZHENKIN'S READINGS»

Roman M. KRAVCHENKO

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian
Federation, St. Petersburg, Russia, roman888rus@rambler.ru*

Abstract. The review outlines the main provisions of the reports delivered by the speakers of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation «Criminal

© Кравченко Р. М., 2025

Law of Russia: status and prospects. Volzhenkin's Readings», which took place on November 29, 2024 at St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

Keywords: criminal law, criminology

For citation: Kravchenko P. M. Review of the All-Russian scientific and practical conference with international participation «Criminal law of Russia: state and prospects. Volzhenkin's readings». Criminalist. 2025;1(50):169-173. (In Russ.).

29 ноября 2024 года в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации (далее — Институт) состоялась десятая Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Уголовное право России: состояние и перспективы. Волженкинские чтения».

В работе конференции приняли участие студенты, магистранты, аспиранты и профессорско-преподавательский состав Института, ведущие представители науки уголовного права страны П. С. Яни, Я. И. Гишинский, В. Ф. Щепельков, А. Г. Хлебушкин, А. В. Никуленко, представители Санкт-Петербургского университета МВД России, Санкт-Петербургского государственного университета, Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, Института профессионального обучения Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан и других вузов, научных организаций, прокуратур, правоохранительных органов и судов.

Во вступительном слове ведущий конференции директор Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации доктор юридических наук, профессор А. П. Спиридонов отметил, что уголовное право, являясь мощным регулятором общественных

отношений, должно максимально последовательно и легитимно регулировать сферу отношений, связанных с привлечением виновных к уголовной ответственности, обеспечивать правоприменителя качественным законодательным инструментом, позволяющим эффективно выполнять задачи реализации уголовной политики. В обстановке активно развивающегося общества уголовное право встает перед новыми вызовами, связанными, в частности, с киберпреступлениями, военными преступлениями и распространением экстремистской идеологии.

А. П. Спиридонов заключил, что не теряют своей актуальности вопросы противодействия коррупционной и экономической преступности, подробно исследованные Борисом Владимировичем Волженкиным, что и повлияло на выбор темы юбилейной конференции.

Пленарное заседание открыл заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Института доктор юридических наук, профессор А. Н. Попов с докладом на тему «Актуальные вопросы учения о преступлении и составе преступления». А. Н. Попов остановился на проблемах определения формы вины в разных составах преступлений, прокомментировал рекомендацию, изложенную в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 года № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования»: «Исходя из положений части 2

статьи 24 УК РФ, если в диспозиции статьи главы 26 УК РФ форма вины не конкретизирована, то соответствующее экологическое преступление может быть совершено умышленно или по неосторожности при условии, если об этом свидетельствуют содержание деяния, способы его совершения и иные признаки объективной стороны состава экологического преступления. Например, преступления, предусмотренные статьей 246, частью 2 статьи 247, частью 1 статьи 248, частями 1 и 2 статьи 250 УК РФ, могут быть совершены как умышленно, так и по неосторожности, тогда как преступления, предусмотренные частью 3 статьи 247 УК РФ, частью 2 статьи 248 УК РФ, частью 3 статьи 250 УК РФ, совершаются только по неосторожности».

Также А. Н. Попов осветил проблемы соучастия в преступлениях со специальным субъектом в свете требований ч. 4 ст. 34 УК РФ, а именно: «Лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанным в соответствующей статье Особенной части настоящего Кодекса, участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьей, несет уголовную ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя либо пособника».

П. С. Яни, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор выступил с докладом на тему «Проблемы квалификации хулиганства». П. С. Яни раскрыл такие актуальные вопросы, как квалификационное значение мотива в составе преступления, предусмотренного ст. 213 УК РФ, возможность квалификации совершения преступления в общественном месте по совокупности со статей, предусматривающей ответственность за хулиганство. Данные вопросы особенно актуальны в связи с принятием

Пленумом Верховного Суда Российской Федерации нового постановления о квалификации хулиганства, а также преступлений, совершаемых по хулиганским мотивам.

Кроме того, П. С. Яни было уделено внимание вопросу публичной демонстрации факта совершения преступления в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»). В ходе конференции обсуждались вопросы соучастия и момент окончания таких преступлений, что особо важно, например, для квалификации деяния, предусмотренного п. «о» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

С докладом на тему «Домашнее насилие: состояние и перспективы противодействия» выступил профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета доктор юридических наук, профессор В. Ф. Щепельков, были представлены эмпирические данные масштабного исследования динамики домашнего насилия. В ходе дискуссии бурно обсуждались возможность и необходимость введения наказания в виде лишения родительских прав, в частности дана оценка эффективности такой меры, применяемой в рамках других отраслей права, и целесообразности дополнения уголовного закона новым видом наказания.

Я. И. Гилинский, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Института, доктор юридических наук, профессор представил доклад на тему «Еще раз о криминологии постмодерна», в котором раскрыл современные тенденции и состояние преступности, факторы, влияющие на данное социальное явление, а также дал оценку эффективности уголовного наказания в сравнении с мировым опытом различных пенитенциарных систем.

По мнению Я. И. Гилинского, наиболее значимым является социально-

экономическое неравенство и отнесение основной массы субъектов различных видов девиантного поведения к числу исключенных (*excluded*), а в эпоху постмодерна все население делится на меньшинство включенных в активную экономическую, политическую, культурную жизнь и большинство исключенных из нее.

К основным направлениям совершенствования пенитенциарной политики государства, считает Я. И. Гилинский, относится: отмена смертной казни; отказ от пожизненного лишения свободы; минимизация применения лишения свободы (реже и на меньшие сроки); условия отбывания наказания в виде лишения свободы должны носить восстановительный, а не репрессивный характер; расширение применения наказаний, не связанных с лишением свободы.

Доцент кафедры прокурорского надзора Института профессионального обучения Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан А. Б. Сеитов выступил на тему «Проблемы прокурорского надзора за соблюдением законности при расследовании уголовных правонарушений, связанных с мошенничеством, совершаемым с использованием цифровых технологий и мобильных приложений». В ходе дискуссии большой интерес вызвало сравнение уголовных законов России и Республики Казахстан в части противодействия цифровому мошенничеству, а также опыт зарубежных коллег борьбы с данной категорией преступлений. Особое внимание в докладе было уделено правовым проблемам, связанным с квалификацией таких преступлений, и недостаткам правоприменительной практики, в частности отсутствию обязательного объединения уголовных дел по эпизодам мошенничества. Была обозначена проблема взаимодействия правоохранительных органов и финансовых учреждений.

В качестве решения проблем противодействия мошенничеству, совершаемому с использованием цифровых технологий и мобильных приложений, А. Б. Сеитов обозначил ужесточение контроля за использованием банковских приложений; обязательное внедрение двухфакторной аутентификации при работе с мобильными приложениями; ведение обязательных информационных кампаний для индивидуальных предпринимателей для информирования о рисках, связанных с передачей учетных данных; дополнение Уголовного кодекса и Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан нормами, выделяющими цифровое мошенничество в отдельную категорию преступлений, а также предоставляющими больше полномочий прокуратуре по взаимодействию с банками.

А. Г. Хлебушкин, профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук в докладе на тему «Охрана основ конституционного строя и обеспечение безопасности государства: направления уголовно-правовой политики в современных условиях» представил результаты анализа уголовно-правовых новелл, направленных на охрану основ конституционного строя и обеспечение общественной безопасности государства (нормы ст. 207.1, 207.2, 207.3, 275.1, 280.3, 280.4, 281.1 УК РФ).

Доцент кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, советник Конституционного Суда Российской Федерации, кандидат юридических наук М. В. Арзамасцев в сообщении на тему «Новые теории и новые цели уголовного наказания» раскрыл содержание новых теорий об уголовном наказании, позволяющих уточнить цели уголовного законодательства, соблюсти принципы уголовного права и скорректировать деятельность правоприменителя для эффективного достижения целей уголовной политики.

Профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена доктор юридических наук А. В. Никуленко представил доклад на тему «Новые возможности необходимой обороны при защите жилища». А. В. Никуленко рассмотрел вопрос, связанный с реформированием института необходимой обороны в уголовном праве. Актуальность данной темы обусловлена тем, что 17 июня 2024 года на рассмотрение Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации был представлен законопроект № 648716-8 «О внесении изменения в статью 37 Уголовного кодекса Российской Федерации (в части уточнения пределов необходимой обороны), которым предоставляется право «беспределельной» обороны при посягательствах, сопряженных с проникновением в жилище.

Бурное обсуждение вызвали предложения, направленные на расширение права необходимой обороны от посягательств, связанных с нарушением конституционного права человека на неприкосновенность жилища, ввиду неспособности обороняющегося объективно оценить степень и характер опасности такого проникновения.

С докладом на тему «Тип уголовно-правовой рациональности: о парадигмальности развития уголовного права» выступил заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Россий-

ской Федерации кандидат юридических наук, доцент В. Н. Шиханов. В своем выступлении В. Н. Шиханов проиллюстрировал разницу общественного правосознания, что отражается на уголовно-правовой политике, законотворческой деятельности и правоприменении. Был сделан вывод о том, что повышения эффективности уголовного законодательства и его применения можно достичь не путем изменения отдельных нормативных положений, а сменой типа рациональности, что поможет уголовному закону быстрее реагировать на новые вызовы стремительно изменяющегося общества.

Доцент кафедры уголовного права и криминологии Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) кандидат юридических наук А. А. Радченко в докладе на тему «Провокация и фальсификация как должностные преступления в правоохранительной сфере» представил участникам конференции примеры правовых коллизий в понимании понятий «провокация» и «фальсификация» в Уголовном кодексе Российской Федерации и законодательстве, регламентирующем оперативно-разыскную деятельность. В ходе дискуссии участники конференции обсудили вопросы пределов деятельности сотрудников правоохранительных органов, позволяющей адекватно противодействовать преступлениям и соблюдать необходимые гарантии защиты конституционных прав граждан.

Информация об авторе

Р. М. Кравченко – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

R. M. Kravchenko – Associate Professor at the Department of criminal law, criminology and penal executive law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ АВТОРСКИХ ОРИГИНАЛОВ СТАТЕЙ

Статьи следует представлять в распечатанном виде и в электронном варианте.

Текст должен быть набран на компьютере в редакторе Word for Windows и отпечатан на одной стороне стандартных листов писчей бумаги формата А4.

Поля: верхнее, нижнее, левое, правое — 25 мм.

Нумерация страниц располагается внизу по центру.

Стиль оформления основного текста должен содержать следующие установки. Гарнитура «Times New Roman Cyr». Расстояние между строками текста — 1,5 интервала, между текстом и заголовками — 1 строка, заголовок — прописными. Размер шрифта — 14. Абзацный отступ — 0,75. Выравнивание — по ширине. Перенос — автоматический.

Перечень затекстовых библиографических ссылок помещают после основного текста статьи с предшествующими словами «Список источников».

В перечень затекстовых библиографических ссылок включают записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи.

Библиографическую запись для перечня затекстовых библиографических ссылок, а также отсылки на затекстовые библиографические ссылки оформляют по ГОСТ Р 7.0.5.

Библиографические записи в перечне затекстовых библиографических ссылок нумеруют и располагают в порядке цитирования источников в тексте статьи.

Дополнительно приводят перечень затекстовых библиографических ссылок на латинице («References»). Нумерация записей в дополнительном перечне затекстовых библиографических ссылок должна совпадать с нумерацией записей в основном перечне затекстовых библиографических ссылок.

В статье могут быть внутритекстовые и подстрочные примечания.

Внутритекстовые примечания помещают внутри основного текста статьи в круглых скобках. Подстрочные примечания помещают внизу соответствующей страницы текста статьи.

Внутритекстовые и подстрочные примечания, содержащие библиографические ссылки, составляют по ГОСТ Р 7.0.5.

Рисунки, иллюстрации, фотографии должны быть представлены в распечатке и отдельным файлом в электронном виде.

Рекомендуемый объем статьи от 0,4 до 0,6 учетно-издательского листа (16 000 — 24 000 знаков, включая пробелы между словами).

К рукописи статьи прилагается следующая информация на русском и английском языках: аннотация; список ключевых слов; фамилия, имя, отчество (полностью), должность и место работы (службы), ученая степень и ученое звание автора. Также следует указать номер телефона, адрес электронной почты для связи.

Вместе с рукописью автором в обязательном порядке направляется справка о проверке статьи в системе «Антиплагиат» (при отсутствии указанной справки статья к рассмотрению редакционной коллегией приниматься не будет). Оригинальность исследования в программе системе «Антиплагиат» должна составлять не менее 60 %.

Также к рукописи просим прилагать «Согласие на обработку персональных данных автора и на размещение полнотекстовой версии статьи впервые в открытом доступе в сети «Интернет»».

Рукопись должна быть подписана всеми авторами.

ТРЕБОВАНИЯ К НАПИСАНИЮ АННОТАЦИЙ

Аннотация выполняет следующие функции:

дает возможность установить основное содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа;

предоставляет информацию о документе и устраняет необходимость чтения полного текста документа в случае, если документ представляет для читателя второстепенный интерес;

используются в информационных, в том числе автоматизированных системах для поиска документов и информации.

Аннотация следует сразу после сведений об авторе (авторах) статьи, выполняет функцию расширенного названия и используется в качестве элемента библиографической записи, элемента выходных сведений и элемента оформления публикуемых материалов. В аннотации указывают, что нового несет в себе данный документ в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению.

Аннотация включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты. Аннотация кратко и лаконично характеризует статью, поэтому не стоит делать краткую версию статьи, надо дать именно ее характеристику.

В аннотации не рекомендуется вести повествование от собственного имени и выражать собственное мнение (следует избегать оборотов «Я думаю», «Я считаю», «По моему мнению» и т. п.); использовать штампы, речевые обороты, научные термины и приводить общеизвестные сведения. Обязательно указание аудитории, которой описанные в статье результаты могут стать интересными. Соответственно, аннотация показывает, что наиболее ценно и применимо в выполненной автором работе.

Рекомендуемый объем аннотации: не более четырех предложений.

Аннотация должна быть представлена на русском и английском языках.

ТРЕБОВАНИЯ К ВЫБОРУ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ

Ключевые слова выражают основное смысловое содержание статьи, служат ориентиром для читателя и используются для поиска статей в электронных базах, поэтому должны отражать дисциплину (область науки, в рамках которой написана статья), тему, цель и объект исследования.

В качестве ключевых слов могут использоваться как одиночные слова, так и словосочетания в единственном числе и именительном падеже. Рекомендуемое количество ключевых слов — 5–7 на русском и английском языках, количество слов внутри ключевой фразы — не более трех. Основные принципы подбора ключевых слов:

применяйте базовые термины вместе с более сложными;

не используйте слишком сложные слова, слова в кавычках, слова с запятыми;

каждое ключевое слово — это самостоятельный элемент. Ключевые слова должны иметь собственное значение.

ГРАФИК ПРИЕМА СТАТЕЙ

Журнал «Криминалист» выпускается четыре раза в год.

Статьи принимаются на постоянной основе.

Решение об опубликовании, необходимости доработки, об отказе в опубликовании статей принимается по результатам рецензирования статей редакционной коллегией.

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

«ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ВЫБОР УЧЕНЫХ И ПРАКТИКОВ

ЧИТАЙТЕ В КАЖДОМ НОМЕРЕ:

- ◆ ПРАВОВЫЕ КОЛЛИЗИИ
- ◆ НАУЧНЫЕ ОТКРЫТИЯ
- ◆ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес редакции:

123022, г. Москва,
ул. 2-я Звенигородская, 15

8 (499) 256-71-51

E-mail: vest@msk.rsnet.ru

Индекс в подписном агентстве
«Урал-Пресс»: 82370.

ОТДЕЛЬНЫЕ СТАТЬИ ЖУРНАЛА ПУБЛИКУЮТСЯ НА ПОРТАЛЕ
СПРАВОЧНО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ «КОНСУЛЬТАНТПЛЮС».